Н. К. ВАХТОМИН

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ — ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

Н. К. ВАХТОМИН

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ — ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1966

Ответственный редактор
В. П. ЧЕРТКОВ

1-5-2
40 Доп.—65

ОТ АВТОРА

Проблема, рассматриваемая в книге, не является новой для философии. Она принадлежит к числу вечных проблем, которые возникают перед наукой в каждую новую эпоху и получают соответственно более углубленное философское разрешение в связи с развитием естествознания и общественной практики.

Вопрос о законах, которым подчиняется познание, так или иначе ставил и решал Аристотель. Много внимания уделялось этому вопросу и в классической немецкой философии.

Опираясь на все положительное, что было сделано в этой области предшествующими мыслителями, классики марксизма-ленинизма дали диалектико-материалистическое истолкование законов познания. Последующая работа, по всей видимости, должна состоять в детализации и конкретизации этой проблемы.

Рассмотрение логики научного познания и его законов в наше время, в век бурного и стремительного развития естествознания и общественных наук, когда происходит их широкая и глубокая дифференциация, приобретает особенное значение. Нельзя упускать из виду, что научному познанию присущи общие законы, которые имеют силу в любой отрасли знания.

Философы Советского Союза и других социалистических стран проделали немалую работу по систематизации, пропаганде и развитию взглядов классиков марксизма-ленинизма на законы познания. Однако нередко эта проблема решается еще в довольно общем виде, когда ее содержание сводится к рассмотрению положения о том,

что законы диалектики, которые действуют в природе и обществе, распространяют свою силу и на познание, что они одновременно являются и законами познания. При этом, обычно, не рассматриваются те конкретные формы познания, в которых законы диалектики находят свое проявление.

В данной книге делается попытка более конкретного рассмотрения этой проблемы. В ней анализируются важнейшие формы познания и рассматривается проявление законов диалектики в них. Такой подход к рассматриваемой проблеме и подтверждает то положение, что материалистическая диалектика является единственной научной теорией познания.

Но прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению этой проблемы, автор счел необходимым остановиться хотя бы в самой общей форме на вопросах структуры познания, тех основных формах, в которых оно осуществляется, а также на законах диалектики, их содержании и формах проявления. В нашей литературе в освещении этих вопросов высказывается много неоднозначных суждений. Поскольку эта книга посвящается вопросам познания и его законам, постольку автор считает необходимым высказать свои соображения на этот счет.

Глава первая

СТРУКТУРА ПОЗНАНИЯ

Вопрос о структуре познания не так прост, поскольку познание представляет собой довольно сложный и многосторонний процесс.

Однако прежде чем анализировать структуру познания, несколько слов об особенностях процесса познания, чем он отличается от процессов, происходящих в природе и обществе?

Познание существенно отличается от процессов, происходящих во внешнем мире, тем, что оно представляет собой отражение внешнего мира в человеческой голове. И поскольку познание невозможно без человека, без субъекта, постольку оно есть процесс субъективный.

Термин «субъективное» имеет довольно широкий смысл. В данном случае, когда речь идет о познании как субъективном процессе, имеется в виду следующее: во-первых, что этот процесс совершается в человеческой голове, т. е. присущ субъекту; во-вторых, хотя он и является не чем иным, как отражением внешнего мира, однако образы, которые в ходе этого процесса возникают, никогда полностью не совпадают с теми предметами, отражением которых они являются; и, наконец, в-третьих, на формирование образов в индивидуальном познании всегда оказывают влияние предшествующий опыт и знания субъекта, а также те формы, которые составляют структуру познания, сложившуюся в результате многовековой истории развития человечества и представляющую собой, в конечном счете, не что иное, как отражение реальных отношений вещей.

Процесс познания индивидуален. Он всегда связан с определенным индивидом. Непризнание этого факта ве-

дет к утверждению, будто познание возможно без мозга, а это — идеализм. И в то же самое время как личность не существует вне общества (она, собственно, всецело продукт общественного развития), так и процесс познания, совершающийся в мозгу той или иной личности, носит общественный характер. Познает отдельный человек, но познание — продукт общественного развития. Процесс познания имеет общественный характер в том смысле, что, во-первых, формы, с помощью которых происходит познание, сложились в ходе практики, а практика — это не какое-то сугубо индивидуальное действие, а исторически выработанные обществом способы преобразования действительности; во-вторых, формы познания, которыми пользуется та или иная личность, общи для всех людей. Подчеркивая это единство индивидуального и общественного в познании, Маркс и Энгельс писали, что «мышление данного определенного индивида, оно остается *его* мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живет» [1].

Проблема познания есть проблема отношения субъекта и объекта, их взаимодействия. Вне этого взаимодействия нет и познания. Отношение субъекта к объекту имеет практический и теоретический характер.

Практика — это производственная и общественная деятельность людей, направленная на преобразование внешнего мира. Практикой является и научный эксперимент, производимый ученым. Практика, короче говоря, есть дело рук человеческих, в отличие от деятельности ума, которая есть деятельность теоретическая.

Практическая и теоретическая деятельность неразрывно связаны между собой, влияют друг на друга. Можно сказать больше: в реальной жизни деятельность людей едина и неделима, она одновременно носит и практический и теоретический характер. Ни одно дело человеческих рук не осуществляется без деятельности ума, а всякая теоретическая деятельность исходит из нужд и запросов практической деятельности и по существу неразрывно связана с последней. Поэтому противопоставление теоретической и практической деятельностей носит относительный характер. Оно имеет смысл и значение лишь в рамках основного вопроса философии, когда решается гносеологи-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 253.

ческий вопрос: что первично, а что вторично; что принять за критерий истины. Первична, согласно материалистической диалектике, практика, а вторична теория; практика является критерием истинности теории [2].

В соответствии с основным вопросом философии, решаемым диалектико-материалистически, мы говорим и об относительной самостоятельности в развитии теоретической деятельности. Это значит, что теория может развиваться какое-то время и не приходя в непосредственное соприкосновение с практикой. Но это лишь какой-то преходящий момент в развитии познания. До этого и после него теория находится в контакте с практикой, так как последняя питает теорию жизненной силой, без которой она может зачахнуть. Именно поэтому и говорят не просто о самостоятельном развитии теории, не зависимом от практики, а лишь об относительной самостоятельности ее развития.

Так, например, исходя из того, что Земля вращается вокруг своей оси, Ньютон в свое время теоретически вывел, что Земля не может иметь форму точного шара, но что она — сфероид. Такой вывод был сделан на основании того, что все частицы Земли испытывают на себе влияние центробежной силы, которая больше у экватора и отсутствует на полюсах. Центробежная сила действует против силы тяжести. Для того чтобы они уравновесились, необходимо, чтобы масса Земли у экватора была больше, чем у полюсов. Экваториальный диаметр, утверждал ученый, должен быть больше полярного.

Эти рассуждения и выкладки носили теоретический характер. Они были относительно самостоятельными в отношении практики, так как до поры до времени они даже

[2] В связи с этим правомерен вопрос: почему мы говорим, что практикой проверяется истинность знаний, тогда как речь, обычно, идет о соответствии или несоответствии знаний действительности. Дело в том, что не существует чисто созерцательного отношения человека к действительности. Если иногда и говорят о ком-то, что он-де созерцатель, то это выражение весьма условно. Строго говоря, всякий человек деятель, в том смысле, что, действуя, он приходит в соприкосновение с действительностью. В ходе практической деятельности и выступает перед человеком действительность, которая дана людям через их практику. Поэтому и говорят, что практикой проверяется истинность знаний, хотя при этом знания и сопоставляются действительностью, точнее говоря, с действительностью, данной в ходе практической деятельности, так как никакой другой действительности люди не знают.

не получали своего практического подтверждения. Практика ничего не говорила: истинны они или ложны. Но это только до поры до времени. В дальнейшем практика подтвердила справедливость этих теоретических выкладок. Искусственные спутники Земли, запускаемые в наше время, говорят о том, что сила тяжести в разных местах Земли различна. И прав был Ньютон в своих теоретических расчетах, когда утверждал, что Земля — сфероид. Значит, теория снова пришла в контакт с практикой. Можно смело утверждать, что и возникновение этой задачи перед Ньютоном было в какой-то мере опосредствовано практикой, ее запросами.

Так дело обстоит с относительной самостоятельностью в развитии теории.

Правильное понимание роли практики — в данном случае условие верного решения проблемы познания как отношения субъекта и объекта. Познание не есть что-то другое, не имеющее никакого отношения к практике, материальной деятельности людей. Оно необходимо возникает из потребностей практики и выполняет служебную роль по отношению к практике.

Отношение познания и практики истолковывалось в истории философии двояко. Одни философы, идеалистически пренебрегая практикой, уверяли, будто познание развивается самостоятельно, совершенно независимо от практики. Другие философы, вульгарно-материалистически отрицая какую бы то ни было самостоятельность в развитии познания, утверждали, что все, что есть в познании,— все непосредственно взято из практики.

Отвергая эти крайние точки зрения, диалектический материализм полагает, что определяющим фактором здесь является, конечно, практика. Однако это обстоятельство не исключает относительной самостоятельности в развитии познания. Познание вначале чуть ли не непосредственно вплетено в материальную деятельность людей, в практику. Затем, в ходе исторического развития, познание, не теряя своей связи с практикой, приобретает все большую относительную самостоятельность.

Домарксистский материализм показал важную роль объекта в ходе познания, но только диалектический материализм раскрыл действительное соотношение объекта и субъекта в познании, обратив особое внимание не только на примат практики, но и на активную роль субъекта

в познании. Ведь познает человек с помощью всего арсенала средств, имеющихся в его распоряжении (форм чувственного и логического познания), которые задолго до него были выработаны обществом. В этом и состоит активная роль субъекта в познании. Например, в процессе наблюдения, когда предмет изучается в естественной обстановке, казалось бы, все зависит от объекта, так как субъект в данном случае выступает как бы созерцателем. Однако и здесь субъект не просто наблюдает. Он часто направляет свой взор на то или иное явление. В эксперименте роль субъекта возрастает, так как эксперимент есть наблюдение, но в обстановке, созданной субъектом. И в этом более активном вторжении в мир вещей существенное отличие эксперимента от наблюдения. Не говоря уже об активности субъекта, связанной с мышлением, с помощью которого люди познают сущность предмета, недоступную для непосредственного созерцания.

Проникая в предмет, познание «снимает» отчуждение субъекта от объекта. И этот процесс «снятия» бесконечен, ибо образ, возникающий при этом, все более глубоко и всесторонне отражает предмет и никогда не будет полностью совпадать с предметом, а лишь ассимптотически к нему приближаться.

На всех стадиях развития познание носит объектно-субъектный характер, так как цель познания — в субъективной форме (в ощущениях, понятиях, суждениях и т. д.) отразить объект, лежащий за пределами сознания людей. Эта форма субъективна лишь в том смысле, что с ее помощью человеческий мозг отражает внешний мир. И отражение это идеально и не имеет тех свойств, которые имеет объект. Но эта форма объективна по своему происхождению как в отношении содержания, которое в ней выражается, так и того, с помощью чего выражается это содержание в человеческом мозгу. Форма есть результат исторического развития и является отражением реальных отношений вещей [3].

[3] Если познание есть проблема отношения субъекта и объекта, то «машинное мышление» тем отличается от человеческого, что в нем взаимодействуют не субъект и объект, а различные материальные системы. В этом их коренное качественное различие. И это различие всегда будет существовать, какой бы степени совершенства ни достигали кибернетические устройства, даже при абсолютном функциональном их превосходстве перед человеческим мозгом.

Познание, как уже говорилось выше, есть отражение объективной реальности в человеческой голове. Однако отражение, как отмечал В. И. Ленин, присуще, в принципе говоря, всей материи, а не только человеческому мозгу. Чем же в таком случае человеческая форма отражения действительности отличается от всех остальных форм отражения, присущих материи вообще?

Зеркало водной глади отражает небо, горы, лес. Человеческий мозг также отражает все это. Какова же разница между первой и второй формой отражения? Водная гладь пассивно отражает внешнее, поверхностное в предметах внешнего мира. Люди же в процессе познания, исходя из данных чувств, постигают внутреннюю природу предмета, раскрывают его сущность. И это есть результат активной, творческой деятельности человеческого мышления, а не просто непосредственное отражение. Даже то, что лежит на поверхности предмета, по-иному отражается в человеческой голове, нежели в зеркале. Так, проходя по березовой роще, мы видим, что осень покрыла березы багрянцем, и по цвету берез называем это время года золотой осенью. Такое восприятие может возникнуть только у человека, располагающего опытом и знаниями, наделенного мышлением, воображением, фантазией. В данном случае происходит синтез того, что дает внешний мир, и тех знаний, через призму которых люди смотрят на предметы внешнего мира. Березы кажутся человеку золотыми потому, что, во-первых, он знает цвет золота; во-вторых, мышление сопоставляет эти предметы между собой; в-третьих, воображение, фантазия переносит цвет золота на березы, на осень. И в результате возникает образ золотой осени, как плод активного, творческого восприятия явлений природы, которое присуще только человеку.

Восприятие предмета человеком, в отличие от зеркального отражения, бывает опосредствовано множеством и других обстоятельств. Представление человека о предмете выражается в слове, а «в природе,— как замечает русский писатель М. Пришвин,— нет слова, кроме слов человека, вот почему человек и природу называет своими словами: есть «незабудки», есть даже «анютины глазки»» [4].

Отражение внешнего мира в человеческой голове отличается и от отражения его в мозгу животных.

---

[4] М. Пришвин. Незабудки. Вологда, 1960, стр. 28.

«Собака в зеркале видит в себе другую собаку,— пишет М. Пришвин,— но не себя.

Понять самого себя в зеркальном изображении скорее всего может только человек» [5].

И это правильно. Собака в зеркале видит в себе другую собаку потому, что она не осознает факта отражения. Люди же обладают сознанием. Они понимают, что их мозг имеет такую способность, как отражение, и потому сознательно направляют свои духовные и нравственные силы на познание мира. Сознательное отражение действительности есть специфически человеческая форма отражения, которая и называется познанием. Познание представляет собой наиболее высшую форму отражения действительности, в которой ярче всего проявляется активная, творческая роль субъекта, так как на основе познания действительности люди изменяют ее.

ОБЩИЙ ХОД РАЗВИТИЯ ПОЗНАНИЯ

Общий ход развития познания, как отмечал В. И. Ленин, состоит в движении его от явлений к сущности предмета. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях),— писал он,— открывает сущность (закон причины, тождество, различия etc) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания и политической экономии* (и истории»)[6]. Это означает, что изучение любого предмета начинается с его внешних, поверхностных сторон — с явлений. На основе анализа явлений наука проникает в сущность предмета, раскрывает его внутреннюю основу, которая определяет характер всего остального в предмете. Обнаружить сущность предмета — значит раскрыть в нем тождество и различие, противоположности, причину, закон, качество и количество, отрицание отрицания и многое другое. Все это связано с движением познания от явлений к сущности предмета и представляет собой общий ход развития познания.

Явление и сущность, качество и количество, тождество и различие, противоположности, причина, закон, отрицание отрицания и т. д.— это важнейшие моменты общего

[5] М. Пришвин. Незабудки, стр. 27.
[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 298.

хода развития познания, его категории. А категории, как известно, В. И. Ленин определял, как «ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [7]. Без оперирования этими категориями невозможно никакое познание. Категории есть всеобщие формы познания, с помощью которых последнее осуществляется.

Разумеется, в данном случае, рассматривая категории, мы говорим об оперировании этими категориями в ходе реального процесса познания, которое может происходить независимо от того, осознается это обстоятельство или нет. Так, мышление исследователя, пытающегося раскрыть природу, сущность какого-то конкретного явления, неизбежно связано с оперированием категориями «явление» и «сущность», хотя это может и не осознаваться исследователем.

С явлений начинается познание как в историческом, так и в логическом плане. Как наши далекие предки, приступая к изучению какого-либо предмета, имели дело прежде всего с явлениями, так и современный человек, обладающий огромным запасом научных знаний, начинает вначале знакомиться с явлениями.

Что же такое явление?

Термин «явление» употребляется в различных смыслах. Например, говорят: явление природы. Полное затмение солнца — явление довольно редкое; а марево в степи — обычное явление. В этих случаях термином «явление» обозначается какая-то перемена в природе.

Термин «явление» может употребляться и в ином смысле, как внешнее в отличие от внутреннего. Когда речь идет о начале познания, то термин «явление» употребляется как раз во втором смысле.

Явление, как начало познания, различно истолковывается идеалистической и материалистической философиями. Идеалист Кант, например, считал, что чувства людей определяют характер явлений и вне чувств явления не существуют. А это означало, по Канту, что исходным пунктом познания служит не внешний мир, а субъективные явления.

Иначе вопрос о начале познания решает материалистическая диалектика. Явления объективны. Если, например,

---

[7] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 85.

тело испускает энергию, которая проявляется в виде света, то свет, как явление, не есть продукт наших чувств, а объективная реальность, которая существует независимо от наших чувств.

Объективные явления и служат исходным пунктом для проникновения в сущность предмета. Так, камень, брошенный вверх, падает на землю. Это явление давно было известно людям. Но в течение долгого времени оно оставалось непонятным, так как не была известна сущность падения тел. Явление падения было понято, когда Ньютон установил, что причина его — взаимное тяготение тел. Эта причина как раз и была раскрыта ученым, исходя из явления всем известного.

Около 150 лет назад русский ученый Петр Иноходцев заметил, что в районе теперешних Курской и Белгородской областей стрелка магнита испытывает сильное воздействие каких-то намагниченных тел. На основании этого явления Иноходцев высказал предположение о залегании железной руды, что впоследствии подтвердилось. В наши дни так же было открыто Соколовско-Сарбайское месторождение железной руды в Казахстане. В обоих случаях такое явление, как поведение магнитной стрелки, послужило основанием для открытия месторождений железной руды.

Наука не останавливается на обнаруженных явлениях. Она всегда стремится раскрыть их сущность.

Древнегреческий философ Фалес Милетский писал о том, что ткачихи заметили свойство янтаря притягивать к себе легкие предметы, если янтарь предварительно потереть о шерсть. Это явление, замеченное в глубокой древности, долго не получало своего объяснения. Только через два тысячелетия наука проникла в его сущность: электроны в результате трения переходят с одного предмета на другой, а это приводит к тому, что один предмет в силу избытка электронов заряжается отрицательно, а другой предмет в силу потери электронов — положительно. Предметы, заряженные положительно и отрицательно, притягиваются.

В ходе дальнейшего изучения сущности этого явления возникла теория дальнодействия, представители которой полагали, что взаимодействие осуществляется непосредственно между зарядами на расстоянии. Затем на смену ей пришла теория близкодействия, которая уже более глубоко раскрывает характер взаимодействия между зарядами. Со-

гласно этой теории заряды действуют друг на друга не непосредственно на расстоянии, а через поле. Сменявшие друг друга теории свидетельствовали о все более глубоком понимании сущности взаимодействия заряженных частиц. Но значит ли, что на этом может быть закончено изучение этого явления? Конечно, нет. В этом взаимодействии еще очень многое остается необъясненным. Поле остается одним из главнейших предметов изучения современной физики.

Подобные же процессы происходят и в других науках. Так, с давних времен люди стали присматриваться к такому биологическому явлению, как жизнь. Все живое растет, размножается, реагирует на изменения внешней среды и т. д. Изучая и анализируя эти явления жизни, биологическая наука пришла к выводу, что все они имеют одну общую основу: связь с определенным специфическим биологическим обменом веществ. Открытие этой основы всех многообразных форм проявлений жизни и представляло собой проникновение в сущность жизни.

«Рост, размножение, воспроизведение себе подобного, подвижность, возбудимость, способность реагировать на изменения внешней среды, — пишет академик В. А. Энгельгардт,— все эти свойства живого в конечном счете неразрывно связаны с определенными химическими превращениями, без которых ни одно из этих проявлений жизнедеятельности не могло бы осуществиться. Совершенно ясно, что связь между метаболизмом и жизненными проявлениями многообразно опосредована через участие микро- и макроструктурной физической организации живого субъекта, участие электрических явлений и т. д. Но базис, фундамент всегда остается один и тот же: первичным фактором являются строго определенные процессы обмена веществ, закономерно протекающие, обычно координированные в многоступенчатые комплексы высокой сложности.

Отсюда с необходимостью следует, что познание природы и сущности перечислявшихся выше вторичных атрибутов жизни невозможно без детального изучения биохимических реакций, лежащих в их основе, т. е. процессов обмена веществ. Это и дало нам основание поставить эти процессы в первый ряд иерархии атрибутов жизни» [8].

---

[8] В. А. Энгельгардт. Специфичность биологического обмена веществ. Сб. «О сущности жизни». М., 1964, стр. 36—37.

О таком же характере развития современной физики пишет и Луи де Бройль: «Несмотря на всю важность и значительность прогресса, происшедшего в физике за последние века, ученые были не в состоянии глубоко понять истинную природу явлений, пока они ничего не знали о существовании квантов. Ибо без квантов нельзя было бы представить себе ни света, ни материи.

Можно понять, какое существенное влияние было оказано на само направление развития человеческих знаний в тот день, когда кванты исподтишка вошли в науку. В тот самый день величественное и грандиозное здание классической физики было потрясено до самого основания, хотя никто тогда еще и не отдавал себе ясного отчета в этом. В истории науки не много было подземных толчков, сравнимых по силе с этим.

И только сейчас мы в состоянии понять и оценить грандиозность и важность свершившейся революции» [9]. Эта революция в физике связана с раскрытием сущности света и вещества — обнаружением квант.

Но познание сущности предмета — это лишь один из этапов общего хода развития познания. Следующий этап состоит в том, что, овладев сущностью предмета, исследователь стремится затем объяснить все многообразие явлений изучаемого предмета, которые он в свое время абстрагировал, мысленно отделил от сущности. Причем, в данном случае явления объясняются им уже исходя из знания сущности предмета, которое составляет основу, благодаря которой только и можно объяснить явления. Так духовно воспроизводится предмет, вырабатывается его теоретический образ.

Явление и сущность в этом движении познания выступают как важнейшие его узловые пункты, категории, без которых невозможно познание. Такими же узловыми пунктами познания являются категории качество, количество, противоречие, отрицание отрицания и т. д.

Уже в начале познания люди судят о качестве предмета. Правда, пока оно еще не очень четко выявляется, но все же и на этой ступени познания предмет выступает перед исследователями как этот предмет, а не другой, т. е. как определенное качество. Эмпирически отличая один

---

[9] Луи де Бройль. Революция в физике. М., 1965, стр. 7—8.

предмет от другого, познающий проводит качественную грань между ними. Если бы такая качественная грань между предметами не проводилась в начале познания, то в таком случае не был бы определен и предмет исследования. Однако прежде чем что-то изучать, необходимо определить предмет исследования, тот круг явлений, который входит в него, т. е. выявить предварительное качественное своеобразие изучаемого предмета. Более глубокое, действительно научное качественное своеобразие предмета устанавливается тогда, когда удается раскрыть его сущность.

Так, буржуазная общественная наука до Маркса видела в истории человечества различные общественные организмы. Она, например, отличала буржуазное общество от феодализма. Идеологи буржуазии подчас довольно страстно выступали против феодализма. Однако, отличая буржуазное общество от феодализма, они, как правило, не шли при этом дальше явлений, не проникали в сущность общественной жизни. Лишь марксизм-ленинизм раскрыл сущность общественной жизни и выработал понятие общественно-экономической формации, что и дало возможность провести действительную качественную грань, отделяющую буржуазное общество от феодализма.

Хотя сущность предмета как раз и характеризует его действительное качество, но качество не сводимо к сущности. Понятие «качество» шире по своему содержанию, чем понятие «сущность». Качество предмета выражается как во внутренних существенных свойствах предмета, так и в его внешних являющихся свойствах. Причем все эти свойства, которые качественно отличают один предмет от другого, находятся в неразрывной связи. Существенные свойства определяют характер несущественных. А качество есть та незримая граница, которая проходит через весь предмет, через всю совокупность его свойств.

В начале познания сознание людей предварительно отображает не только качественное, но и количественное своеобразие в предмете. Более глубокое количественное своеобразие предмета также устанавливается тогда, когда удается раскрыть его сущность.

Связь же количества с качеством есть связь существенная. Она не лежит на поверхности предмета. Исследователь не видит того, как количественные изменения, нарастая, в определенной мере приводят к новому качеству.

Связь между старым и новым качеством может быть выявлена, открыта и познана лишь с помощью теоретического мышления в результате проникновения в сущность предмета. Действительно, в биологической науке на заре ее возникновения виды растений и животных рассматривались как нечто не связанное между собой, раз и навсегда созданное всевышним. Причина этого в том, что биологи непосредственно имели дело лишь с видами растений и животных, а не связями, которые существуют между ними. Заслуга Дарвина состояла в том, что он усмотрел связь между видами и представил их развитие как единую эволюционную линию, имеющую место в растительном и животном мире, где количественные изменения время от времени дают новое качество, новый вид. Раскрытие связи количества в качество стало возможным именно благодаря проникновению в сущность предмета.

Если качественные и количественные моменты в предмете предварительно обнаруживаются уже в начале познания, то с противоречием дело обстоит несколько иначе. К пониманию противоречивости предмета наука приходит позже. Не случайно, что для так называемого здравого смысла людей противоречия являются чем-то незаконным. Если и есть противоречия в мире, то они не в вещах, а между вещами, т. е. носят внешний характер. Противоречия в предмете наука раскрывает с помощью теоретического мышления, когда познается сущность предмета, которая заключает в себе противоречия. «*Все вещи*,— писал Гегель,— *противоречивы в самих себе*; и притом в том смысле, что это предложение выражает по сравнению с прочими истину и сущность вещей» [10].

Однако противоречия бывают разные.

Существуют противоречия диалектические, или, как говорил В. И. Ленин, «противоречия самой жизни» [11]. Так, свет как физическое явление противоречив в своей сущности. Свет имеет корпускулярно-волновую природу. Это — объективное противоречие. Вполне понятно, что познание природы света приводит к тому, что это объективное противоречие отображается в мышлении. Тем самым это объективное противоречие выражается субъективно, но, становясь субъективным, оно не перестает быть диалектическим противоречием, «противоречием самой жизни».

[10] Гегель. Сочинения, т. V. Соцэкгиз, 1937, стр. 519.

[11] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 312.

Но существуют также противоречия логические, или, как говорил В. И. Ленин, «противоречия изложения, доктрины»[12]. Эти противоречия не являются результатом отражения объективных противоречий, а представляют собой непоследовательность в мышлении. Они свидетельствуют о допущенной ошибке в рассуждениях. Логические противоречия есть субъективные противоречия, так как они находятся в мышлении, но эти противоречия принципиально отличаются от диалектических противоречий мышления. Логические противоречия субъективны в том особом смысле, что они не являются отражением реальных противоречий.

Во всем ходе дальнейшего изложения речь пойдет о диалектических противоречиях.

Каким же образом обнаруживаются противоречия в предмете?

Путь к познанию противоречий начинается с анализа явлений, в которых уже обнаруживается двойственность. Возьмем, к примеру, механическое движение. В абстрактной форме его можно будет представить так: тело движется из точки *А* в точку *Б* и при этом проходит через точки *В*, *Г*, *Д* и т. д., которые находятся между *А* и *Б*. Но что значит тело проходит через точки *В*, *Г*, *Д* и т. д.? Это значит, что тело какое-то время находится в каждой из этих точек. А так как этих точек между *А* и *Б* множество (или точнее сказать: весь путь от *А* до *Б* состоит из этих точек), то и выходит, что тело постоянно покоится то в одной, то в другой точке. И движение, следовательно, есть сумма этих состояний покоя.

Или будем рассуждать иначе. Если тело движется из *А* в *Б* и оно через некоторое время будет в точке своего назначения, то это значит, что оно постоянно перемещается. И движение, следовательно, есть перемещение.

Значит, из первого случая следует, что движение есть сумма состояний покоя; из второго случая, что движение есть перемещение. Эта двойственность явлений движения и заставляет исследователя задуматься над действительной сущностью движения.

Еще древнегреческие философы заметили эту двойственность явлений движения. Обнаружив ее, элеаты сделали такой вывод: поскольку в природе не должно быть

---

[12] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 312.

противоречий, а движение противоречиво, постольку движения в природе не существует, а то, с чем мы встречаемся,— это иллюзия.

В последующие столетия, во времена засилия метафизики, движение рассматривалось односторонне, метафизически. С подобными взглядами пришлось вести борьбу даже В. И. Ленину. Так, метафизик Чернов говорил, что движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, а в другой, следующий момент, в другом месте. Чернов, по замечанию В. И. Ленина, повторял рассуждения всех «метафизических» противников Гегеля. Обратив внимание на это, В. И. Ленин показал, что это неверное изображение движения потому, что «1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; 2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; 3) оно изображает движение, как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено» [13]. А раз противоречие, имеющееся в движении, в данном случае «прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено», то метафизик, поступая подобным образом, не вскрывает и действительной сущности движения.

Метафизическая точка зрения в истолковании движения заводит в тупик. Действительно, если движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, а в другой, следующий момент — в другом месте, то движение выступает как сумма состояний покоя. В таком случае вполне естественно поставить вопрос: почему же все-таки тело, начавшее свое движение из точки *А*, рано или поздно приходит в точку *Б*. И на этот вопрос нельзя получить ответ, исходя из метафизического понимания движения как суммы состояний покоя. Из состояний покоя никак не следует, что тело, бывшее в точке *А*, со временем прибудет в точку *Б*.

Однако и противоположная метафизической релятивистская точка зрения также не избавляет от неразрешенных трудностей в понимании движения. Если движение, согласно релятивистской точке зрения, есть только перемещение, в этом случае будет вполне уместен такой вопрос: а как же понять то обстоятельство, что тело все же в один момент находится в одной точке, а в другой мо-

---

[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 232.

мент — в другой точке. И на этот вопрос также нельзя получить ответ исходя из релятивистского понимания движения как только перемещения. Из состояний только перемещения никак не следует, что тело находится в один момент в одной точке, а в другой момент — в другой точке.

Истинную сущность движения раскрыла диалектика в результате того, что она обнаружила противоречие в движении. Два основных понятия, по мысли В. И. Ленина, выражают это: непрерывность и прерывность. Единство этих противоположностей и составляет сущность движения. Раскрыть противоречие в сущности движения помогло изучение двойственного характера явлений движения. Именно исходя из того положения, что движение есть и покой и перемещение, диалектика пришла к раскрытию противоречия в сущности движения, что движение есть единство противоположностей, единство непрерывности и прерывности. Так, в процессе движения познания от явлений к сущности было раскрыто противоречие в движении.

И, наконец, как теоретически воспроизводится отрицание отрицания, общая линия в развитии предмета?

Для того чтобы понять, например, общую линию общественного развития, необходимо было раскрыть сущность всех известных исторической науке обществ. Раскрыв эту сущность, Маркс ввел понятие «общественно-экономическая формация», которое обозначает общество на определенном историческом этапе его развития. После того, как была раскрыта эта единая сущность всех известных исторической науке обществ, была объяснена конкретная история их развития. Теоретически воспроизводя эту историю, марксистско-ленинская наука тем самым раскрыла и общую линию общественного развития, которая выражается законом отрицания отрицания. Вначале существовало общество, которое основывалось на общественной собственности на средства производства. Ряд последующих обществ характеризовался частной собственностью на средства производства, что явилось отрицанием предшествующего общества. Социалистическое общество, в свою очередь, явилось отрицанием тех обществ, в которых существовала частная собственность на средства производства, так как оно провозгласило общественную собственность на средства производства. Это уже было отрицание отрицания, кото-

рое включает в себя якобы возврат к старому, но на более высокой основе.

Значит теоретически воспроизводя общую линию в развитии предмета, представляющую собой отрицание отрицания, познание движется от явлений к раскрытию сущности и от сущности к объяснению явлений. Обнаружение сущности ведет к установлению связи между различными состояниями в развитии изучаемого предмета, а объяснение явлений раскрывает особенности различных состояний в развитии этого предмета.

Рассматривая общий ход развития познания, мы коснулись лишь некоторых его наиболее важных моментов. А именно того положения, что с движением познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям связано познание качественного и количественного своеобразия изучаемого предмета, противоречий, присущих ему, а также общей линии в его развитии, которая выражается отрицанием отрицания. Постижение качества и количества, противоречий, отрицания отрицания в развитии предмета означает, что исследователь, изучая тот или иной конкретный предмет, в мышлении своем оперирует всеми этими категориями. И без них вообще невозможно теоретическое мышление.

Что означает для естествоиспытателя, например, познание перехода количества в качество и оперирование этими категориями?

Это означает установление связи между двумя качественно различными состояниями объекта и интервала количественных изменений, который разделяет их. Так, уран в известных пределах остается ураном. Но когда наличествует так называемая критическая масса, определенное его количество,— происходит взрыв, возникает другое качество. Для того, чтобы овладеть секретом атомной энергии, необходимо было понять, при каком количестве урана возникает это другое качество, или, иначе говоря, постичь связь между количеством и качеством, переход количества в качество. И если бы в данном случае не был познан этот конкретный переход количества в качество, то не был бы раскрыт и секрет атомной энергии. Значит, познание перехода количества в качество — это не какая-то отвлеченная проблема, о которой говорят лишь философы, а практическая задача, которую постоянно решают естествоиспытатели. И они при этом оперируют данными категориями.

В. И. Ленин, анализируя общественную жизнь, не раз обращал внимание на необходимость познания перехода количества в качество при изучении того или иного общественного явления. «Кооператив есть лавочка,— писал он,— и какие угодно изменения, усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка. К такому взгляду приучила социалистов капиталистическая эпоха. И нет сомнения, что эти взгляды были правильным выражением сущности кооперативов, пока они оставались небольшим привеском к механизму буржуазного строя. Но в том-то и дело, что положение кооперативов в корне принципиально меняется со времени завоевания государственной власти пролетариатом, с момента приступа пролетарской государственной власти к систематическому созданию социалистических порядков. Тут количество переходит в качество. Кооператив, как маленький островок в капиталистическом обществе, есть лавочка. Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм» [14]. Только рассматривая кооператив в развитии, в котором имеет место переход количества в качество, можно понять действительную сущность его в условиях социализма.

Подобной чрезвычайно важной задачей является также и раскрытие противоречий в вещах. Так, источником превращений в микромире является взаимодействие частицы и ее антипода — античастицы. При столкновении эти противоположные друг другу частицы выделяют энергию. Обнаружив это обстоятельство, физика раскрыла то конкретное противоречие, которое является источником различного рода превращений в мире элементарных частиц.

Не менее важное значение раскрытие противоречий имеет в общественной жизни. В. И. Ленин всегда выступал с критикой взглядов, односторонне освещающих события, не вскрывающих реальные противоречия. При этом он обращал внимание на то, что как раз такие односторонние взгляды и являлись всегда результатом возведения в абсолют одной из противоположных тенденций в развитии, были связаны с неумением понять противоположные тенденции в единстве. В. И. Ленин писал, что «постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и

---

[14] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 161.

путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих,— и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит элементы нового строя... Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собой, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития» [15].

Односторонние теории, следовательно, возникают потому, что авторы их преувеличивают «то одну, то другую черту капиталистического развития». При этом такие авторы часто перескакивают от одной крайности к другой. Возводя односторонность в теорию, они «объявляют взаимно исключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история включает в себя эти различные тенденции» [16]. Для того, чтобы не впасть в положение подобных авторов, необходимо рассматривать общественную жизнь как представляющую собой единство противоположных тенденций. Такой подход к общественной жизни имеет огромное теоретическое и практическое значение.

Следовательно, познание перехода количества в качество, противоречий в вещах и т. д. — все это задачи, которые постоянно решаются как естествознанием, так и общественными науками. И исследователи в ходе изучения конкретных явлений с необходимостью оперируют этими категориями, может быть даже не всегда сознавая это.

Таковы наиболее важные моменты общего хода развития познания и категории, которыми необходимо оперирует наука в любой отрасли знания.

---

[15] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 65—66.
[16] Там же, стр. 66.

ФОРМЫ ЧУВСТВЕННОГО И ЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Движение познания от явлений к сущности осуществляется с помощью форм чувственного и логического познания.

Формами чувственного познания являются ощущения, восприятия и представления. Их роднит то, что они отражают, преимущественно, непосредственно являющееся во внешнем мире, единичное. Они — результат непосредственного контакта познающего субъекта с конкретным предметом. Но это не означает, что чувственные образы внешнего мира выступают в чистом виде; они всегда опосредствованы мышлением.

Являясь формами чувственного познания, ощущение, восприятие и представление с различной степенью совершенства отражают внешний мир. Ощущение есть образ какой-то стороны предмета; восприятие — образ предмета как целого; представление — чувственный образ предмета, воспроизводимый по памяти. Представление уже заключает в себе какие-то черты обобщения, так как этот образ хотя и относится к какому-то конкретному предмету, но он всегда содержит в себе черты ряда подобных предметов.

Однако если познавательная ценность восприятия выше, чем ценность ощущения, а познавательная ценность представления выше, чем ценность восприятия, то нельзя дело представлять таким образом, будто в ходе познания сначала возникают ощущения, затем восприятия и представления. Когда человек познает мир, то все его познавательные способности действуют как единое целое. Ощущения, как доказывает наука, не существуют вне восприятий, а восприятия не существуют вне представлений. В историческом же плане, разумеется, раньше возникла способность ощущения, затем восприятия, и, наконец, представления.

Если формы чувственного познания отражают непосредственно являющееся во внешнем мире, единичное, то формы логического познания — сущность вещей, общее, законы их развития.

Особенностью мышления является также то, что сущность вещей отражается им посредством абстракций. Познание сущности предмета связано с выделением в нем общего и отвлечением от многообразия. Причем научная абстракция получается не просто путем отвлечения от многообразия и выделения общего. Она есть результат

именно познания сущности, которая и представляет собой нечто общее в предмете.

Известно, например, что в буржуазном обществе товары обмениваются на товары. Анализируя обмен товаров, Маркс пришел к выводу, что если отвлечься от потребительных стоимостей товарных тел и от всех прочих их свойств, которыми они отличаются друг от друга, то у товарных тел остается одно общее свойство — то, что они продукты труда. Труд и составляет сущность стоимости, благодаря которой товары могут обмениваться между собой. Эта сущность, будучи получена отвлечением от многообразия и выделением общего, и получила свое отражение в мышлении в такой абстракции как стоимость.

Вопрос о природе абстракции давно был поставлен философской наукой и имеет немалую историю. Известно, что в чувствах мы имеем дело с единичным; мышление с помощью абстракций отображает общее. Какова же природа абстракций?

Рационалисты XVII в. полагали, что общее усматривается с помощью интеллектуальной интуиции, т. е. мысленного, непосредственного усмотрения, не основанного на доказательствах. Интуиция, говорили они, и является причиной возникновения абстракций. Интеллектуальная интуиция, как полагал Декарт, связана с наличием у человека врожденных идей. Критикуя Декарта за врожденные идеи, Лейбниц считал, что такие идеи могут существовать лишь в виде известных склонностей и задатков ума. По Канту же, знание приобретает характер всеобщего тогда, когда чувственное содержание подводится под формы рассудка, которые, являясь априорными, и сообщают знанию всеобщность.

Диалектико-материалистическое решение проблема природы абстракций получила в марксистско-ленинской философии. Общее, согласно материалистической диалектике, существует в вещах. Мышление, опирающееся на данные чувств, и раскрывает это общее. Абстракции есть результат мышления, способного анализировать, отвлекаться, обобщать. Эта способность мышления к логическим операциям не есть что-то априорное. Она сложилась исторически в соответствии с реальной действительностью. Следовательно, абстракции, отражающие общее в вещах, объективны в своем источнике. Их возникновение связано с мышлением, способным к логическим операциям.

Конечно, в какой-то степени можно говорить и о возможности интеллектуальной интуиции в познании, когда некоторые истины усматриваются как бы непосредственно, но при этом надо иметь в виду, что это непосредственное усмотрение не есть что-то иррациональное, но оно связано с мышлением; оно венчает результаты его большой работы.

Говоря об абстракциях, следует сказать, что ни одна наука не может существовать без абстракций. В этом ее сила, так как посредством абстракций отражается сущность предмета. В. И. Ленин говорил, что «*все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[17].

Так, географические карты являются своеобразными абстракциями. Каждая карта имеет свой масштаб, т. е. степень отвлечения от деталей (существуют крупно- и мелкомасштабные карты). Абстракции, которыми пользуются географы, имеют различную степень конкретности. Топографический план, например, совершенно не учитывает кривизны земной поверхности, на географической же карте отображается шарообразность Земли. Поскольку шаровая поверхность не может быть развернута на плоскости без разрывов и складок, постольку географы вводят такие понятия, как меридианы и параллели, градусная сетка широты и долготы. При этом они прибегают к различного рода так называемым картографическим проекциям, стремясь свести к минимуму искажения в изображении поверхности Земли[18]. Но какие-то искажения всегда остаются, так как всякая абстракция, говорит В. И. Ленин, огрубляет действительность. И без этого огрубления действительность не может получить своего отражения в мышлении.

Механика пользуется такими абстракциями, как точка и линия. Точек и линий, как таковых, в природе не существует. Это — абстракции, которые служат для отображения того, что тело в тот или иной момент времени может находиться в том или ином пункте. Этот пункт и обозначается точкой. Тело, двигаясь, проделывает определен-

---

[17] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 152.

[18] Глобус, например, дает еще более адекватное отражение земной поверхности, чем карты. Однако это то же абстрактное отображение действительности (большие земные расстояния изображаются всего лишь короткой линией).

ный путь. Этот путь обозначается линией. Для изучения движения механика пользуется такими абстракциями, как путь, время и скорость. С точки зрения математики скорость представляет собой вектор, который имеет величину и направление. Скорость же переменного движения выражается такими абстракциями, как дифференциал пути и дифференциал времени. Отношение бесконечно малого приращения пути к бесконечно малому приращению времени движения и составляет скорость движения тела в какой-то точке, что также является абстракцией.

Для того, чтобы отобразить действительность в ее многообразных связях и отношениях, люди пользуются системами абстракций, определенным образом связанными между собой. Различные формы мышления — умозаключения, понятия и т. д.— как раз и представляют собой такие системы абстракций. Так, умозаключение — это система абстракций, в которой соединяется ряд суждений. Причем, в различных умозаключениях суждения находятся в различных связях между собой; характер связи между суждениями в дедуктивных умозаключениях отличен от характера связи в индуктивных умозаключениях.

Рассмотрим основные формы мышления, которые являются важными элементами структуры познания.

При анализе форм мышления нередко возникает вопрос: с чего начать? Некоторые полагают, что надо начинать с понятий, ибо суждения более сложная форма мышления, чем понятие. Эту сложность суждения усматривают в том, что-де суждение состоит из понятий. Такой аргумент в подтверждение сложности суждения по сравнению с понятием не является убедительным, так как существуют суждения, которые отражают внешние связи в предмете и поэтому эти суждения еще не «доросли» до понятия, которое всегда есть отражение существенных связей в предмете. Конечно, существуют суждения, которые отражают и существенные связи в предмете. Это происходит тогда, когда уже выработано понятие о предмете и в суждении в таком случае развертывается содержание понятия. Но к понятию о предмете люди все же приходят, начиная с внешних связей в предмете, отражающихся в суждениях. Значит, принимая во внимание логику общего хода развития познания, правомернее рассматривать вначале суждение, а не понятие. Что же понимается под такой формой мышления, как суждение?

Мыслить — это значит судить о предмете, утверждать или отрицать наличие в нем тех или иных свойств. «Если я говорю,— писал К. Д. Ушинский,— что у лошади нет рогов, а у коровы нет гривы, что у льва втяжные, острые когти, а у лисицы пушистый хвост, то, значит я приписываю предметам те или другие признаки или рассуждаю... Во всем, что мы говорим и думаем, есть непременно суждение» [19].

Суждение — одна из форм движения мышления. Движение мышления в данном случае состоит в том, что в суждении что-либо утверждается или отрицается о предмете. Это утверждение или отрицание представляет собой отражение наличия или отсутствия каких-то связей в предмете. Суждение при этом может отражать как внешние, несущественные, так и внутренние, существенные связи.

В каждом суждении есть нечто общее: то, о чем идет речь (субъект суждения); то, что высказывается о предмете (предикат суждения); то, что выражает характер связи между предметом и его свойством (связка). Это общее, что присуще каждому суждению, и составляет специфику этой формы мышления.

Форма мышления есть определенная связь элементов мысли, независимая от ее содержания. Суждения, например, могут быть самыми различными по своему содержанию, однако они всегда имеют субъект, предикат и связку, т. е. форма у них одна и та же, общая — субъектно-предикативная.

Любое суждение, отражая какую-то одну связь, выделенную из многообразия других связей внешнего мира, представляет собой абстракцию. Эта абстракция есть элементарная ячейка мышления, с которой начинается и в которой осуществляется вся остальная мыслительная деятельность. Без суждений не может состояться ни одно умозаключение, а где нет умозаключений, там нельзя выработать понятие.

Умозаключения и понятия являются более сложными формами движения мышления. Они отражают уже не одну какую-то связь, а целую систему связей, отношений внешнего мира, которая выражается соответственно системой абстракций, определенным образом связанных

[19] К. Д. Ушинский. Сочинения, т. 4, стр. 559.

между собой. Характер связи абстракций, отображающих реальные связи предметов, определяет, например, вид умозаключения.

Возьмем к примеру такое дедуктивное умозаключение:

Все хвойные деревья имеют листья в виде игольчатой хвои
Сосна — хвойное дерево

Следовательно, сосна имеет листья в виде игольчатой хвои

Не трудно понять, какую систему отношений внешнего мира отражает это умозаключение. Каждое из трех суждений, составляющих умозаключение, отражает какую-то объективную связь. В первом суждении говорится, что все хвойные деревья имеют листья в виде иголок; второе суждение свидетельствует о том, что сосна есть хвойное дерево; и, наконец, в третьем суждении высказывается то, что сосна имеет листья в виде иголок. Умозаключение же в целом представляет собой систему связей: то, что присуще всему классу предметов (о чем говорится в первом суждении), то присуще и каждому предмету этого класса (третье суждение), так как предмет, о котором идет речь, входит в этот класс (второе суждение).

Данная система объективных связей выражена в мышлении с помощью абстракций. Каждое суждение есть абстракция, так как оно представляет какую-то одну связь, выделенную из многообразия связей внешнего мира и получившую отражение в мышлении. В данном умозаключении три абстракции, которые связаны таким образом, что процесс умозаключения идет от абстракции о классе предметов к абстракции, отображающей единичный предмет. Эта система абстракций в логике и называется дедуктивным умозаключением.

Результаты мыслительной деятельности человека закрепляются в понятиях. Понятия, образно говоря, являются сгустками человеческого знания о мире. Особенностью этого образа является то, что в понятии отражается сущность предмета. Понятие возникает тогда, когда ум человеческий постигает природу предмета.

Поскольку сущность предмета чрезвычайно многогранна, заключает в себе множество связей, постольку и понятие о предмете является отражением целой системы связей внешнего мира. Возьмем такое понятие, как понятие

«человек». «Человек,— по определению БСЭ,— общественное существо, представляющее собой высшую ступень развития живых организмов на Земле, способное производить орудия труда, использовать их в своем воздействии на окружающий мир и обладающее сложно организованным мозгом, сознанием и членораздельной речью»[20]. Эта система объективных связей (человек есть общественное существо, производит орудия труда, обладает сознанием и речью и т. д.) и составляет содержание понятия «человек».

Система объективных связей в понятии выражается рядом абстракций. Нельзя дело представлять так, будто понятие — это всегда какая-то одна абстракция. Не случайно говорят о развитии понятия о предмете, о его углублении, конкретизации и т. д. Здесь как раз и имеется в виду то, что в связи с развитием содержания понятия увеличивается и количество абстракций, с помощью которых это содержание выражается в понятии. Вначале, например, понятие отражало какую-то одну объективную связь, затем вторую, третью и т. д. Все эти связи и выражаются рядом абстракций.

В понятии абстракции выступают в виде системы. Это становится особенно видно, когда приходится определять понятие. Определить понятие — это значит указать на родовой и видовой признак предмета. А это можно сделать только с помощью определенной системы связи абстракций, которые отражают род и вид предмета. Абстракции в определении выступают в отношении субординации: вначале указывается род предмета, а затем — вид, как признак, выделяющий предмет из рода.

Прав был Гегель, который полагал, что понятие существует только через систему суждений и умозаключений, только через целостную развернутую теорию. Понятие есть одна из сложнейших форм движения мышления, которая и по своему содержанию и по своей форме, по существу, совпадает с такой гносеологической формой, как теория. Развитие теории предмета и представляет собой не что иное, как выработку действительно научного понятия о предмете.

Раскрывая специфику различных форм движения мышления, Гегель показал, что в формах мышления мы

---

[20] Большая Советская Энциклопедия, т. 47, стр. 93.

каждый раз встречаемся с такими моментами, как общее, особенное и единичное. Будучи различным образом связаны между собой, они и образуют различные формы мышления. В умозаключениях эти моменты даны в развернутом виде. Так в дедуктивном умозаключении имеет место трехчленная связь. Субъект и предикат опосредствованы средним термином. В понятии же общее, особенное и единичное даны как бы в «сжатом» виде. В суждении же выявляется связь двух из рассматриваемых моментов. Все эти формы мышления и являются элементами структуры познания.

ФОРМЫ РАЗВИТИЯ ЗНАНИЙ

Познание, двигаясь от явлений к сущности, посредством использования чувственных и логических форм, получает определенные результаты в своем развитии, которые являются отражением внешнего мира. Эти результаты и есть знание на различных уровнях его развития.

Различные философские направления по-разному относятся к знанию. Агностики, например, уверяют, будто истинное знание о вещах, раскрывающее их сущность, невозможно. Диалектический же материализм признает возможность знаний и видит в них адекватное отражение внешнего мира, которое возникает в ходе долгого и трудного пути познания, а не какого-то мгновенного озарения [21]. Знание есть результат познания, но результат не

[21] Однако нельзя отрицать, что иногда человеку как-то сразу приходит в голову мысль, заключающая в себе новое знание, открытие в науке. Но это «сразу» вещь довольно относительная. Во-первых, всякая новая мысль является в какой-то степени выводом из предшествующего опыта и знаний индивидуума. Так, например, открытия в области ядерной физики делаются людьми, имеющими знания в этой области. Если же человек не располагает такими знаниями, то нечего от него и ждать нового слова в этой науке. Во-вторых, всякая новая мысль, как правило, не является абсолютно внезапной. Она приходит в голову потому, что человек постоянно думает о предмете. Рассказывают, что однажды Д. И. Менделеева спросили: «Как вам пришла в голову, Дмитрий Иванович, ваша периодическая система?» Ученый коротко, но весьма многозначительно ответил: «Да ведь... я над ней, может быть, двадцать лет думаю, а вы думаете сидел и вдруг... готово!» (См. Б. М. Кедров. День одного великого открытия. М., 1958, стр. 301). Значит и в этом случае, когда удачная мысль приходит в голову человеку как бы сразу, это новое знание есть результат длительной подготовки, а не какого-то мгновенного озарения в полном смысле этого слова.

застывший, а все время изменяющийся. В теории познания, учил В. И. Ленин, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным.

Рассматривая знание в развитии, философская наука выделяет две важные его формы: опытное и теоретическое. Эти две формы знания возникли на основе общего хода развития познания: движения познания от явлений к сущности предмета.

Поскольку познание, развиваясь, идет от явлений к сущности предмета, постольку и в соответствии с этим мы имеем дело с двумя различными уровнями в развитии знаний: опытным и теоретическим.

В нашей литературе еще идут споры о том, какое знание может быть отнесено к опытному, а какое — к теоретическому. Существует мнение, согласно которому к первому уровню относятся все результаты, получаемые в опытных науках: наблюдение отдельных явлений, связей, процессов, их отбор, сопоставление, мысленный анализ и синтез их; возможные виды экспериментирования; абстрагирование отдельных свойств и отношений предметов, образование понятий, обобщение, фиксирование эмпирических законов, выдвижение гипотез, моделирование, использование умозаключений и т. п. Второй же уровень знаний выступает в качестве надстройки над опытным исследованием и представляет собой построение особых систем знаний, называемых теориями.

Эта точка зрения, по всей видимости, требует некоторого уточнения. Совершенно бесспорно, что нельзя опытное знание сводить к тому, что дают лишь ощущения. Опытное знание включает в себя и многое другое. Но в то же время, если опытное знание включает в себя и образование понятий о предмете в полном смысле этого слова, то что же остается в таком случае на долю теоретического знания? Ведь если возникло действительно научное понятие о предмете, раскрывающее во всей глубине и всесторонности его природу, то уже никакой другой уровень в развитии знаний и не нужен. К тому же часто понятие о том или ином предмете и представляет собой его теорию, а вся совокупность теоретических знаний о пред-

мете дает действительно научное понятие о нем. Как нам кажется, здесь несколько расширительно понимается термин «опытное знание».

Положение же о теоретическом знании, как системе знаний, также не совсем точно. Бесспорно, что всякое теоретическое знание представляет собой определенную систему знаний, построенную на основе логических принципов, и вне этой системы нет, собственно, и теории. Но не всякая система знаний может быть теорией. Бывает и так, что опытные знания приводятся в систему, не получив теоретического обобщения, как это, например, имело место в классификации Линнея. Это тоже система знаний, но она была еще далека от той действительно научной теории этого вопроса, которую выработал Дарвин.

Рассмотрим вопрос об этих двух формах знания несколько подробнее.

В опыте люди имеют непосредственное отношение с предметами внешнего мира. В мышлении эта непосредственная связь утрачивается, так как мышление уже имеет дело не непосредственно с предметами внешнего мира, а с опытным знанием, которое возникает из непосредственного отношения к предметам внешнего мира. По своему содержанию оно представляет собой не что иное, как отражение явлений.

Основными средствами получения опытного знания являются наблюдение и эксперимент. Правда, тут важно обратить внимание на то обстоятельство, что ни наблюдение, ни эксперимент не существуют в их чистом виде, вне мышления, но всегда направляются мышлением и осуществляются на основе последнего (особенно это касается эксперимента). Поэтому и без мышления нет опытного знания.

Мышление на этой стадии развития знаний в какой-то мере уже обобщает данные опыта — наблюдений и экспериментов, не выходя за пределы явлений. Поэтому в науке говорят об абстракциях опытного характера, которые связаны с отражением являющегося в предметах, и об абстракциях теоретических, раскрывающих существенные стороны предмета. Различие между этими абстракциями проходит по той часто незримой, но объективно существующей границе, которая пролегла между явлением и сущностью. Мнение же о том, будто эксперимент может вывести исследователя за пределы явлений, не учиты-

вает того обстоятельства, что эксперимент никогда не существует вне теоретического мышления.

Опытное знание, как и любое другое знание, объективно по своей природе. Оно есть отражение предметов внешнего мира в сознании людей. Однако предметы внешнего мира бывают разные. Есть предметы, о существовании которых мы не знаем, и предметы, известные нам, о которых мы высказываем суждения, даем им те или иные оценки и т. д. Это факты.

В политической экономии существует категория «предмет труда». Предмет труда — это не вся природа, а лишь та ее часть, которая осваивается, изменяется и совершенствуется, т. е. иначе говоря, та часть природы, которая включена в материальное производство. Аналогично дело обстоит и с категорией «факт». Факт — это объективный предмет с его свойствами, связями и отношениями, которые известны людям и является, если угодно, моментом духовного производства, моментом познания. С развитием познания, с расширением его сферы увеличивается и количество фактов, которым располагает та или иная наука.

Факт объективен в том смысле, что это — объективная реальность; факт субъективен в том смысле, что это та часть объективной реальности, которая выделена людьми из всего многообразия других вещей. Если предмет — это любая часть объективной реальности и в этом смысле предмет всецело объективен; то факт есть лишь та часть объективной реальности, которая, отражаясь в сознании людей, входит в познание; факт — это единство объективного и субъективного. С факта, с этой элементарной единицы знания и начинается любая наука. Знание фактов и есть опытное знание, как справедливо говорят многие философы. Но это требует пояснения.

Как уже говорилось, опытное знание по своему содержанию есть отражение явлений. Не противоречит ли это положение тому, что опытное знание есть знание фактов? Нет. Дело в том, что факт может выступать как со стороны явлений, так и со стороны сущности. Наука фиксирует фактическое положение дел тогда, когда она только что приступает к изучению предмета и, следовательно, имеет дело лишь с явлениями. Наука фиксирует положение дел и тогда, когда обнаружена и раскрыта природа предмета и когда, следовательно, познана сущность пред-

мета. Таким образом, факты могут свидетельствовать о явлениях и о сущности предмета.

Когда же факт выступает перед исследователем со стороны явлений, то в этом случае и говорят о том, что этот факт составляет содержание опытного знания. Опытное знание и есть знание о являющемся в фактах.

Обычно говорят, что познание идет от фактов к раскрытию законов. Но познание, начинаясь с фактов, никуда не уходит от фактов. Познание развивается от являющегося в фактах, к существенному в них.

Нередко в литературе факт и явление отождествляются. Явление употребляется в смысле факта, а факт в смысле явления. На самом же деле это не одно и то же. Познание, начиная с являющегося в фактах, раскрывает существенное в фактах. Категории «явление» и «сущность» выражают то именно, что познание не просто идет от факта, а от явлений к существенному в факте. Различие между фактом и явлением, следовательно, состоит в том, что явление есть внешнее в факте, за которым кроется его сущность; факт же есть единство явления и сущности.

Рассматривая содержание опытного знания, нельзя не обратить внимания и на такую гносеологическую категорию, как «проблема».

Проблема возникает тогда, когда наука располагает определенными фактами, но еще не дала им объяснения. Вначале факты выступают перед исследователем как нечто являющееся. Поэтому встает вопрос: с чем связано это являющееся, какова его природа, его сущность?

Возможен и такой случай, когда человек располагает фактами, но не ставит перед собой задачи объяснения их. Тогда не возникает и никакой проблемы. Суть же исследовательского подхода состоит в том, чтобы понять факты, в связи с чем и возникает проблема.

При этом надо иметь в виду, что проблема — это не какое-то застывшее знание. Она есть процесс развития знания. Поэтому и говорят: проблема поставлена; намечено ее решение; проблема в какой-то степени решена; и, наконец, решенная проблема.

Проблема есть единство известного и неизвестного или единство известного с гипотетическим предположением о сущности фактов. Когда же сущность фактов раскрыта, развивающееся знание переходит границу пробле-

мы и превращается из знания проблемного в знание теоретическое.

. Проблема может возникнуть и тогда, когда уже существует теория предмета, ибо жизнь, практика открывает новые факты, а, следовательно, и возникает необходимость объяснения их.

Все это — факты, проблемы — составляют содержание опытного знания. Основными средствами получения опытного знания, как уже говорилось выше, являются наблюдение и эксперимент.

Первые представления людей о Земле носили характер опытного знания. Древнегреческий философ Фалес полагал, что Земля — это остров, плавающий в океане. Подобное представление о Земле основывалось в значительной мере, на знании того факта, что Греция расположена на многочисленных островах. Многие народы древности представляли Землю в виде плоскости. Солнце и другие светила, по мнению древнегреческого философа Анаксимандра, движутся вокруг Земли как центра Вселенной. Видимый свод есть половина шара. Другое полушарие находится под Землей. Сама же Земля есть плоскость. Такое представление о форме Земли объяснялось ограниченностью опыта.

Новый опыт изменил представление людей о форме Земли. После кругосветного путешествия Магеллана уже нельзя было держаться старых взглядов. Новые опытные данные показали, что Земля имеет форму шара.

Опыт, по справедливому замечанию А. И. Герцена, есть хронологически первое в деле получения знаний. Однако опыт имеет свои пределы: он не идет дальше явлений. А бывает и так, что опыт вводит людей в заблуждение, так как явления обманчивы. Чтобы этого не случилось, опыт, говорит А. И. Герцен, должен перейти в умозрение. Опытное знание должно превратиться в знание теоретическое, которое отражает сущность предмета, общее, закономерное в нем.

Для того, чтобы опытное знание превратилось в знание теоретическое, требуются немалые усилия, так как факты вначале познания выступают как единичность. Задача же состоит в том, чтобы от единичного перейти к общему, закономерному в них. Главная трудность здесь состоит в том, что, с одной стороны, никакой факт сам по себе не может доказать закона, так как факт в начале познания выступает как единичность, а закон есть общее; с другой стороны,

собрать все факты, которые бы, действительно, доказали всеобщность раскрытого закона, нельзя. А там где не доказана всеобщность, не может быть и речи о раскрытии закона.

Опираясь на опытные данные, в которых факты выступают как единичность, с помощью теоретического анализа, абстрагирования, гипотез и многих других логических операций, наука раскрывает закономерное в фактах.

Таким образом, без фактов ничего не сделаешь. Но и факты сами по себе, какими они выступают вначале познания, еще ничего не дают. Только теоретический анализ фактов может раскрыть закономерности, которым они подчиняются. Так, изучая свет, физики вначале столкнулись с удивительными фактами, которые, с одной стороны, свидетельствовали о том, что свет корпускулярен, а, с другой стороны, что свет представляет собой волны. Таковы факты. Из этих фактов никак непосредственно не вытекал вывод, что свет имеет корпускулярно-волновую природу. И только теоретический анализ этих фактов показал, что свет имеет корпускулярно-волновую природу.

Теоретический анализ, основываясь на фактах, идет дальше явлений, раскрывает сущность. Но этот результат теоретического анализа, в свою очередь, должен быть подтвержден фактами. Однако сами факты, в их чистом виде, не могут ни опровергнуть, ни подтвердить результаты теоретического анализа, так как теория имеет дело с общим, а факт есть единичность; чтобы факты получили доказательную силу, явились критерием истинности теории, они должны быть в свою очередь теоретически проанализированы. Только в таком виде они выступают и как доказательство справедливости теории и как критерий ее истинности.

Необходимость перехода от опытного знания к теоретическому связана с потребностями практики. Не раскрыв сущность предмета, его закономерности, нельзя воздействовать на предмет. Кроме того, есть задачи, которые нельзя решить опытным путем. Известно, например, что вес тела можно узнать опытным путем с помощью весов. Но как быть с атомом или частицами атома? Так, для того, чтобы установить вес атома, измеряют объем молекулы с помощью электронного микроскопа и определяют плотность вещества. Получив опытным путем эти исходные данные, затем теоретически вычисляют вес атома.

Теория имеет то преимущество перед опытом, что она есть осмысленный, обобщенный, а потому и сокращенный опыт. Пимен в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» говорит Григорию:

Учись, мой сын, наука сокращает
Нам опыты быстро текущей жизни.

В теории в снятом виде заключены данные опыта. Теория, если можно так выразиться,— это концентрат опытных данных, который качественно отличается от опыта.

Переход от опытного знания к теоретическому — это закономерность развития любой науки. Даже в такой, казалось бы сугубо теоретической отрасли знания, как математика, которая не так часто обращается к опыту, действует эта же самая закономерность. Она, может быть, лишь особым образом проявляется здесь. «Как известно,— пишет академик В. Глушков,— к числу важнейших элементов творческой работы математика относится, с одной стороны, нахождение методов решения тех или иных задач, а с другой — доказательство теорем, в том числе и теорем, обосновывающих те или иные свойства предлагаемых методов.

В разные периоды развития математики соотношение между этими элементами менялось. Возьмем, скажем, отрезок времени с конца семнадцатого и до начала девятнадцатого века. Это было время бурного развития методов математического анализа, время первоначального накопления фактов. Запросы быстро развившейся механики предъявляли настолько большой спрос к новым методам решения различных прикладных задач, что полная отшлифовка, скрупулезное обоснование получаемых методов часто не поспевали за развитием самих методов.

В девятнадцатом веке математики направили свое внимание на систематизацию и обоснование накопленных ранее фактов. Это не значит, конечно, что процесс открытия новых фактов и разработки методов решения новых задач остановился или замедлился. В абсолютном выражении он даже ускорился, но относительная доля его в математическом творчестве, несомненно, стала меньше, ибо резко усилилось внимание с строгому обоснованию получаемых результатов. Это потребовало развития многих отраслей математики, направленных в первую очередь не на увеличение мощи математического аппарата для решения прикладных задач, а на обслуживание самой ма-

тематики. Кумиром математиков стала теорема, а не метод решения той или иной конкретной задачи.

Сказанное не следует, разумеется, понимать так, что математики переключились на бесполезную работу. Ведь не будь этой титанической работы по обоснованию, вряд ли математика оказалась бы готовой для решения тех задач, которые поставило перед ней развитие физики в двадцатом веке. Замечательно, что многие разделы математики, созданные первоначально лишь для внутриматематических нужд (например, неэвклидова геометрия или теория групп) нашли непосредственное приложение в физике наших дней. Таким образом, в процессе работы «на собственные нужды» фактически заготовлялся впрок материал для будущих применений» [22].

Значит, и в математике закономерность в развитии знаний от опытного к теоретическому находит проявление. Специфика проявления этой закономерности в математике состоит в том, что нахождение методов решений той или иной задачи для нее есть накопление фактов. И это, если угодно, есть своеобразное опытное знание, так как найденные методы решения той или иной задачи еще не получают обобщения. Затем, в ход дальнейшего развития математики, уже наступает стадия, когда найденные методы решения задач получают свое теоретическое обоснование и доказательство.

Современная наука все больше имеет дело с объектами ненаглядного порядка. И теперь часто то или иное положение считается истинным в том случае, когда оно выведено чисто теоретически из предпосылок теоретических, а не из опыта. Наглядность не является признаком, свидетельствующим об истинности, а не наглядное оказывается истинным, как, например, это имело место в геометрии Лобачевского и некоторых других теориях.

И все же, признавая, что современная наука действительно стала все больше иметь дело с объектами ненаглядного порядка, надо прямо сказать, что закономерность развития знания от опытного к теоретическому не утратила своего значения. И в наши дни опытные данные, в принципе говоря, представляют собой исходный пункт познания.

Когда мы говорим, что опытные данные представляют

---

[22] В. Глушков. Электронные вычислительные машины и будущее математики. «Наука и жизнь». 1965, № 6, стр. 2—3.

собой исходный пункт познания, то при этом имеем в виду, что опытные данные могут и не существовать в чистом виде, а уже каким-то образом теоретически истолкованы. Но поскольку дальнейшее развитие теории связано с опытами, то опытные данные остаются исходным пунктом познания.

Однако это не исключает того, что тот или иной исследователь при определенных условиях может начинать исследование из каких-то уже известных в науке теоретических предпосылок и чисто теоретически выводить из них другие. Причем такой ход исследования не отменяет закономерности развития знания от опытного к теоретическому.

Допустим, что исследователь начал с какого-то уже теоретического результата и чисто теоретическим путем получил новый результат. Но дело в том, что тот теоретический результат, с которого начал исследователь А, был получен его предшественником исследователем Б. И получен он был, исходя из опытных данных. Если геометрия Лобачевского была создана чисто теоретически и из теоретических предпосылок, то надо признать и то, что эта геометрия никак не могла бы возникнуть, если бы не было геометрии Эвклида. Переход от одной геометрии к другой опирался на логические принципы, на возможность доказательства от противного. И в этом смысле, при всем их различии, это связанные между собой геометрии. Геометрия же Эвклида в своих исходных данных опиралась на опыт. Вот и выходит, что современная наука не отменяет закономерности в развитии знаний от опытного к теоретическому, если на развитие знания смотреть исторически, а не только так, с чего начал данный исследователь и к чему он пришел.

Да и после того, как получен бывает какой-то новый результат чисто теоретическим путем, он рано или поздно снова найдет точки соприкосновения с опытом. В данном случае мы имеем дело не с какой-то абсолютной независимостью развития теоретического знания по отношению к опыту, но лишь с относительной самостоятельностью в его развитии.

Возникнув из опытного знания, теоретическое знание развивается дальше; в нем на смену одним представлениям приходят другие. В этом отношении характерно развитие теоретических представлений в области философии. Древние греки в философии видели науку об основе

всего существующего. Но и они не сразу пришли к пониманию того, что же является основой всех вещей. Так, Фалес утверждал, что такой основой надо считать воду: из нее произошло все существующее; Анаксимен за первооснову принимал воздух; а Гераклит — огонь и т. д. Прошло немало времени, прежде чем наука пришла к важнейшему теоретическому выводу, что основу основ всего существующего составляет материя. И это теоретическое представление не осталось неизменным, оно развивалось и совершенствовалось. Метафизический материализм под материей понимал вещество, из которого состоят все предметы окружающего мира. В XX в. такое понимание уже не могло удовлетворить науку. В физике было открыто, что частицы вещества могут превращаться в кванты энергии. Под воздействием идеалистической философии некоторые физики начали даже утверждать, будто «материя исчезает». Если стоять на точке зрения метафизического понимания материи, то такой вывод возможен. Раз материя — это вещество, а частицы вещества аннигилируют, т. е. превращаются в кванты энергии, то, следовательно, «материя исчезает».

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин показал, что открытия в физике требуют дальнейшего развития теоретических представлений о материи. Нельзя материю отождествлять с веществом. Вещество есть лишь один из видов материи. Другим видом материи является энергия. Иначе говоря, материя — это объективная реальность, т. е. все то, что лежит за пределами сознания людей и отражается в их ощущениях. А вещество и энергия лежат за пределами сознания людей. Потому они и являются объективной реальностью, материей. Превращение частиц вещества в кванты энергии, следовательно, не связано с исчезновением материи, а лишь с ее превращением из одного вида в другой. Это единственно правильный вывод, который и был сделан диалектическим материализмом на основе новых данных физической науки. Не случайно в свое время Энгельс заметил, что со всяким открытием, составляющим эпоху в науке, материализм должен менять свою форму.

Так на смену одним теоретическим представлениям приходят другие.

В каком же отношении находятся сменяющие друг друга теоретические представления?

Во всяком теоретическом представлении есть объективное содержание, т. е. то, что соответствует действительности, но есть и то, что не соответствует действительности и что в дальнейшем отбрасывается ходом развития научного знания. Так, Роберт Бойль в книге «Скептический химик или Сомнения и парадоксы относительно элементов алхимиков», вышедшей в 1668 г., впервые научно определил понятие «элемент». Элементы, по Бойлю,— это составные части вещества, «первоначальные и простые, вполне несмешанные тела». Но в список элементов он включил также и огонь, а Лавуазье — еще и теплотвор, световое вещество, что не было впоследствии принято наукой.

То обстоятельство, что всякое теоретическое представление включает в себя не только объективное содержание, но и то, что впоследствии оказывается отвергнутым наукой, свидетельствует о том, что теоретические представления являются истинами относительными, т. е. заключают в себе приблизительное знание о предмете.

Наука развивается таким образом, что познание идет от теоретических представлений, заключающих в себе относительную истину, приближенное знание, к представлениям более полным и исчерпывающим, к абсолютной истине. В каждой относительной истине есть объективное содержание, элементы абсолютного содержания. В ходе развития познания нарастает количество объективного и абсолютного содержания. Знание, следовательно, развивается от истины относительной к истине абсолютной. Из относительных истин, учит теория познания диалектического материализма, складывается истина абсолютная.

Процесс нарастания объективного содержания в знаниях и свидетельствует о преемственной связи в развитии теоретических представлений. Эта связь выражается в том, что в последующих представлениях развивается дальше объективное содержание предшествующих теоретических представлений. Так, М. В. Ломоносов, развивая мысли Гассенди о том, что атомы, соединяясь, образуют молекулы, пришел к выводу, что молекулы могут быть однородными и разнородными. Однородные молекулы группируются из однородных атомов, разнородные молекулы — из разнородных атомов. Тем самым М. В. Ломоносов показал, что простые вещества состоят из атомов одного химиче-

ского элемента, сложные вещества — из атомов различных элементов. Это было дальнейшее развитие того объективного содержания, которое имелось в представлениях Гассенди. Оно свидетельствовало о преемственной связи в представлениях этих двух великих ученых.

Теоретическое знание развивается не только в отношении нарастания в нем объективного содержания, но и в отношении восхождения от абстрактного к конкретному.

Исходная абстракция, которая составляет содержание теоретического знания на первых порах, противоречива по своему характеру. Она отражает сущность в предмете, а так как эта сущность затемняется формами ее проявления, то содержание исходной абстракции кажется не соответствующим действительности, данной непосредственно практически. Исходная абстракция представляет на первый взгляд как бы уход от объекта. «Движение познания к объекту,— говорит Ленин,— всегда может идти лишь диалектически: отойти чтобы вернее попасть»[23]. Для того, чтобы знание соответствовало действительности, содержание исходной абстракции должно получить дальнейшее развитие. А для этого необходимо снять это кажущееся несоответствие действительности, обнаружить посредствующие звенья между сущностью и формами ее проявления, объяснить формы проявления из сущности. Когда же многообразные формы проявления становятся понятыми, исходя из единой сущности, тогда и возникает конкретное знание о предмете. Конкретное знание достигается с помощью абстракций, логически связанных между собой в единство многообразных определений. Такое конкретное теоретическое знание о предмете есть высшая форма в развитии знаний.

Восхождение от абстрактного к конкретному характерно для любой науки. Так, академик Л. Арцимович, говоря о развитии физико-математических наук за последние годы, отмечает, что в физике изменения коснулись прежде всего соотношения между разработкой вопросов, имеющих глубокое принципиальное значение для науки в целом, и разработкой вопросов, которые в конечном счете имеют прикладную цель. К первой группе вопросов, по его мнению, сейчас по праву принадлежит та проблематика, которая связана с анализом свойств элементар-

---

[23] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 252.

ных частиц и законов их взаимодействия. Это физика высоких энергий, которая изучает наиболее глубокие свойства материи.

«Исследования носят здесь аналитический характер,— пишет Л. Арцимович.— Они представляют собой поиски законов, управляющих, если так можно выразиться, конечными структурными элементами вещества, а, может быть, также структурой пространства и времени. Здесь движение идет в том направлении, на котором мы можем в любой момент встретиться с необходимостью коренного и глубокого пересмотра основных физических представлений.

В большинстве других областей физики эта стадия уже давно пройдена и разработка проблем носит характер, который можно назвать синтетическим, или конструктивным. Тут обычно постановка задачи заключается в том, чтобы на основе уже известных законов, управляющих структурными элементами — атомами, электронами, молекулами, построить новые вещества или создать новые состояния этих веществ с заранее заданными свойствами, которые делают их важным источником новых технических или научных применений» [24].

С такой задачей встречаются физики, стремящиеся создать новое состояние вещества — высокотемпературную плазму, которая должна стать источником термоядерных реакций. Это же характерно для квантовой радиофизики, физики высоких давлений, полупроводников, акустики, спектроскопии и т. д. Практическая направленность в любой из этих областей является главным и определяющим стимулом, хотя здесь и не ожидается открытия новых принципиальных законов природы, которые бы могли привести к пересмотру основ современной физики.

А если на основе раскрытых физических законов стремятся создать высокотемпературную плазму и получить целый ряд других практических результатов, то разве это не является восхождением от абстрактного знания в физической теории к знанию конкретному? Безусловно, является. В этом-то, собственно, и состоит суть восхождения от абстрактного знания к конкретному. Конкретность теории состоит в том, что на основе раскрытых законов объясняют действительность, данную непосред-

[24] «Известия», 24 января 1962 г.

ственно практически, и преобразуют ее. Отсюда и знание теоретическое перестает быть абстрактным, кажущимся не соответствующим действительности, данной непосредственно практически. Оно становится конкретным, соответствующим действительности, и кажущееся его несоответствие действительности исчезает.

Конечно, проникнув в сущность какого-то вновь изучаемого явления, теория какой-то отрезок времени может развиваться чисто логически, не приходя в соприкосновение с практикой. В этом состоит относительная самостоятельность в развитии теории. Но теория, развиваясь относительно самостоятельно, всегда, строго говоря, соответствует действительности, а ее несоответствие лишь кажущееся, ибо наука пользуется при этом логическими средствами, выработанными исторически, которые являются отражением реальных отношений вещей, а потому логические формы всегда дают истинный результат, если были истинными исходные данные. Современная наука не раз являла нам примеры того, как, казалось, самые что ни на есть абстрактнейшие теории находили практический выход. Это значит, что были найдены формы проявления раскрытой сущности, а от этого абстрактное знание превращалось в конкретное. Такая логика развития присуща и одной из наиболее абстрактных отраслей знания — математике. Геометрия Лобачевского до тех пор являлась абстрактным знанием, пока не было выявлено, в каких пространственных формах она проявляется. А когда это произошло — совершалось восхождение от абстрактного знания к конкретному.

Таким образом, знание развивается от опытного к теоретическому, а теоретическое в свою очередь от абстрактного к конкретному. Все это необходимые формы развития знания в любой науке.

В каком же спрашивается отношении находятся формы развития знания с одной стороны и формы чувственного и логического познания — с другой?

В этом отношении следует отметить, что в книге «Проблемы мышления в современной науке» правильно опытное знание трактуется как отражение непосредственно являющегося, а теоретическое — сущности предмета. Однако нельзя согласиться с утверждениями, будто результаты эмпирического познания выражаются в форме элементарного суждения, умозаключения, понятия, в

то время как теоретическое мышление связано с применением ряда логических приемов, таких, как, скажем, диалектический анализ и синтез, существенно отличающихся от элементарного анализа и синтеза. В действительности же, конечно, не существует каких-то двух, отличающихся по своим формам, мышлений: элементарного и теоретического. Мышление одно, ему присущи единые формы, составляющие его структуру. И если мы выше и употребляли термин «теоретическое мышление», то не в том смысле, будто в противоположность теоретическому мышлению существует какое-то другое, элементарное мышление, отличное от него по своим формам. О теоретическом мышлении речь шла в том смысле, что это мышление, которое уже вышло за пределы явлений и проникло в сущность предмета. Но все это осуществляется в тех же самых формах мышления, в которых выражаются и результаты эмпирического познания. С помощью одних и тех же форм явления, отражаясь в чувствах, включаются в содержание мышления, в результате чего возникает опытное знание; с помощью тех же самых форм осуществляется переход от явлений к сущности, в результате чего возникает знание теоретическое; с помощью тех же самых форм теоретическое знание из абстрактного превращается в конкретное. Короче говоря, мышление одно, но оно, углубляясь в предмет, дает более совершенные результаты, которые отражают мир все полнее.

Отношение между двумя основными формами знания: опытным и теоретическим, с одной стороны, и формами чувственного и логического познания, с другой, состоит в следующем. Возникновение опытного знания связано как с формами чувственного, так и логического познания. Чувства являются непосредственным контактом человека с природой. И потому опытное знание в своей основе есть знание непосредственное. В то же самое время чувственные образы никогда не существуют в чистом виде. «Орел видит значительно дальше, чем человек, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла» [25], — писал Энгельс. Это происходит потому, что у человека чувственные образы не существуют вне мышления. Они связаны с формами мышления и с помощью их выражаются и перерабатываются. И в этом смысле опытное знание носит уже опосредствованный характер.

[25] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 490.

Теоретическое же знание возникает с помощью мышления, которое перерабатывает результаты опытных данных. Чувства здесь как бы отходят на второй план, правда, не утрачивая своего значения и на этой стадии развития знаний, ибо даже при относительно самостоятельном развитии мышления оно исходит из того, что дают чувства и рано или поздно опять приходит, да и не может не прийти к тому, с чем имеют дело чувства. Если бы мышление не приходило к этому, нельзя было бы проверить истинность того или иного теоретического результата. А в этой проверке истинности теоретического результата, или, другими словами, истинности знаний, без чувств не обойдешься.

Из сказанного следует, что нельзя получение опытного знания связывать только с формами чувственного познания. В этом свою роль играет и мышление. А теоретическое знание не есть только продукт оперирования формами мышления, ибо без форм чувственного познания теоретическое знание также невозможно. Однако, если в получении опытного знания преимущественная роль принадлежит чувствам, которые отображают явления, то в получении теоретического знания преимущественную роль играет мышление, проникающее в сущность предметов. Если на стадии опыта чувственные данные облечены в формы мышления, то на стадии теории чувственные данные перерабатываются с помощью мышления.

Правда, за последнее время в нашей философской литературе появилась такая точка зрения, согласно которой вопрос о чувствах и мышлении не является будто бы гносеологической проблемой, а потому и нельзя чувства и мышление рассматривать как ступени познания, так как «во-первых, чувственный опыт и мышление не разделены во времени, это две одновременно существующие стороны человеческого сознания. Во-вторых, знание в узком смысле слова, т. е. то, что оценивается, как истинное или ложное, всегда формулируется в суждении. Поэтому вне сферы мышления собственно человеческого знания не существует. Чтобы быть знанием, результат чувственного опыта должен быть вовлечен в сферу мышления...

«От проблемы «чувство — мысль» необходимо, на наш взгляд,— пишет В. А. Смирнов,— отличать вопрос об уровнях знания. В первом приближении можно выделить два таких уровня: эмпирическое и теоретическое знания...

Мы считаем, что вопрос о ступенях познания может ставиться в плане «эмпирическое — теоретическое», а не в плане «чувство — мысль» (1-я и 2-я сигнальные системы)» [26].

Нам представляется совершенно правильной мысль о том, что необходимо отличать проблему «чувство — мысль» от проблемы об уровнях знания. Эти два гносеологических аспекта хотя тесно связаны между собой, но они не тождественны. Вопрос об уровнях знания есть вопрос о результатах, которые получаются в процессе познания, а то, каким образом достигаются эти результаты — это уже проблема о формах чувственного и логического познания.

Конечно, это не значит, что опытное и теоретическое знания, как результаты познания, есть нечто неизменное; и опытное и теоретическое знание развиваются с помощью форм чувственного и логического познания. Однако неубедительны аргументы, которыми пытаются обосновать мысль о том, будто нельзя ставить вопрос о ступенях познания в плане «чувство — мысль», так как это-де не теоретико-познавательный, а физиологический аспект. Когда говорят об ощущениях, восприятиях, представлениях, суждениях, умозаключениях и понятиях, то речь идет о важнейших формах, в которых осуществляется познание и без которых нет, собственно, и познания. Все эти формы, конечно, связаны с физиологическими процессами в коре головного мозга и потому к ним может быть подход со стороны первой и второй сигнальной систем. Однако физиологический подход не исключает возможности гносеологического анализа форм чувственного и логического познания, их познавательной ценности как ступеней в развитии познания.

К тому же, когда речь идет о чувственной и логической ступенях познания, то это отнюдь не значит, что в познании сначала действуют чувства, а затем мышление. И В. А. Смирнов прав, когда говорит, что «чувственный опыт и мышление нераздельны во времени». Но мышление, хотя оно и исходит из данных чувств, есть более высокая ступень в познании мира по сравнению с чувствами. Познавательная ценность его результатов выше. Это, прежде всего, и имеется в виду, когда выделяют две ступени в

---

[26] В. А. Смирнов. Уровни знания и этапы процесса познания. «Проблемы логики научного познания». М., 1964, стр. 23—24.

познании, а отнюдь не то, что сначала действуют чувства, а затем мышление.

Мы согласны и с тем утверждением автора, что знание оценивается как истинное или ложное, будучи выражено в суждении. Однако и это не означает, что нельзя ставить вопрос о соответствии наших ощущений с действительностью. Люди постоянно проверяют истинность тех образов, которые возникают на чувственной ступени познания, пусть даже они и выражены в форме суждений. Последнее обстоятельство отнюдь не мешает ставить вопрос об истинности образов чувственной ступени познания. А если это так, то вполне правомерна и постановка вопроса о познавательной ценности форм чувственного познания и нет основания выбрасывать их из сферы гносеологического анализа.

На наш взгляд, правильным будет не выбрасывать из сферы гносеологического анализа формы чувственного и логического познания, а исследовать их, раскрыть их взаимоотношения с уровнями эмпирического и теоретического знаний.

ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКИ

Рассматривая вопрос о структуре познания, мы рассмотрели ряд наиболее важных ее моментов. Однако эта характеристика структуры познания была бы не полной, если оставить не рассмотренным вопрос о содержании и форме в познании.

Познание всегда направлено на какой-то предмет реальной действительности. Этот предмет, отражаясь в сознании, и составляет содержание познания. Форма же есть то, с помощью чего происходит отражение этого предмета в сознании. Предмет может получить отражение или в чувственной или в логической форме; знание о нем может выражаться или в опытной или в теоретической форме; знание может быть или абстрактным или конкретным по форме и т. д. Форма всегда выступает как нечто всеобщее в отношении содержания, ибо самые различные предметы реальной действительности могут получить свое отражение в одной и той же форме. Так в форме суждения «*S* суть *P*» выражается самое различное содержание. В различных науках знание может выражаться в абстрактной и конкретной форме и т. д.

Форма, хотя и выступает как нечто всеобщее в познании, однако она никогда не существует в чистом виде. В мышлении не существует каких-то чистых суждений, лишенных содержания. Любое суждение представляет собой единство содержания и формы. Суждение в чистом виде, взятое лишь со стороны его формы,— это абстракция от реального мышления, которой пользуется философ, изучающий структуру познания. И такое собственно абстрагирование от реального мышления — вещь вполне правомерная и необходимая, ибо, поступая таким образом, философ изучает структуру познания, законы, по которым оно совершается. Он в данном случае выполняет ту же работу, которую осуществляет исследователь в любой отрасли знания, выявляя законы изучаемого предмета. Законы, будучи выявлены и сформулированы, также представляют собой абстракции от реальной действительности. И в чистом виде, как они представлены в научном трактате, в реальной действительности не существуют. Всякий закон, как нечто всеобщее, проявляется в единичном и через единичное.

Логика, например, занимается изучением форм мышления и законов, по которым совершается движение в этих формах мышления, а не его содержанием. Это относится как к тому, чем в свое время занималась формальная логика, так и к тому, чем в наши дни занимается диалектическая логика.

Диалектическая логика, как современная теория мышления, разумеется, принципиально отличается от логики формальной. Однако и диалектическая логика занята исследованием именно форм мышления, которые носят всеобщий характер, отвлекаясь от его содержания. Содержание мышления есть содержание частных наук, а не диалектической логики.

Говоря о том, что логика вообще занимается изучением форм мышления, некоторые философы и логики при этом имеют в виду, что диалектическая логика занимается не только формой мышления, но и его содержанием, т. е. это наука о содержательных формах, а будто бы формальная логика изучает чистые формы мышления. То, что диалектическая логика — наука о содержательных формах, с этим спорить не приходится, ибо в реальном мышлении нет чистых форм, в нем все формы содержательны. А раз диалектическая логика изучает это мышление, значит она

наука о содержательных формах. А разве в таком смысле формальная логика, в материалистическом ее истолковании, не является наукой о содержательных формах? Она тоже изучает реальное мышление, в котором имеют место только содержательные формы, правда, согласно формальной логике движение этих форм подчиняется закону тождества, противоречия и т. д.

Значит логика имеет дело с содержательными формами, однако, исследуя мышление, логика отделяет форму от содержания, и изучает именно форму, а не содержание мышления.

Однако некоторые философы и логики полагают, будто то обстоятельство, что логика отвлекается от содержания мышления, свидетельствует о ее ограниченности, ибо-де форма мышления не служит реальным условиям истинности наших выводов. Но тогда спрашивается, для чего необходима такая форма мышления, если она не служит условием истинности выводов? Иногда даже подвергаются критике законы формальной логики за их безразличие к содержанию мышления. А разве законы диалектической логики не безразличны к содержанию мышления? Если бы они не были безразличны к содержанию мышления, они не были бы законами движения форм мышления. И, собственно, по этой линии иногда формальная логика противопоставляется диалектической, будто последняя есть логика содержательная. В результате получается, что диалектическая логика есть наука о содержании мышления. Но в таком случае обнаруживается непоследовательность, так как обычно все авторы определяют логику вообще как науку о формах и законах мышления, но когда рассматривается диалектическая логика, то она некоторыми философами превращается в науку о содержании мышления. Содержание мышления — это содержание частных наук, а не логики. Когда В. И. Ленин выступал против бессодержательной логики, то его критика относилась к логике Канта, по мнению которого логика изучает априорные формы мысли, находящиеся изначально в голове человека, в то время как содержание идет из внешнего мира. Здесь, в логике Канта, действительно, формы бессодержательны. Но на самом деле таких форм не существует. В реальном мышлении все формы содержательны.

Логика изучает в мышлении именно формы, абстрагируя их от содержания. Это относится, разумеется, и к диа-

лектической логике. Так, едва ли кто будет подвергать сомнению то обстоятельство, что восхождение от абстрактного к конкретному представляет собой такую теоретико-познавательную форму, изучением которой занимается диалектическая логика. И как она ее изучает? Что ее интересует в процессе восхождения от абстрактного к конкретному?

Восхождение от абстрактного к конкретному имеет место в любой отрасли знания. Диалектическая логика, изучая этот вопрос, не интересуется различным содержанием в различных отраслях знания. Ее задача — выявить ту всеобщую форму, в которой протекает этот процесс в любой отрасли знания.

Следовательно, теория познания и логика изучают формы познания, которые составляют его структуру. Задача при этом состоит в том, чтобы в реальном процессе познания, в котором формы существуют в неразрывном единстве с содержанием, выявить эти формы, отвлекаясь от содержания познания, обнаружить структуру познания. И в этом отвлечении форм от содержания познания, и в изучении форм познания отвлеченно от его содержания и состоит суть теоретико-познавательного подхода к изучению такого общественного явления, как познание.

Глава вторая

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ, ИХ СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Немецкий философ Лейбниц как-то сказал, что нельзя найти двух одинаковых листьев на дереве. И он был прав. Стоит присмотреться к листьям березы, чтобы увидеть, что все они действительно отличаются друг от друга формой, количеством прожилок и т. д. И в то же время в них есть и нечто общее, что отличает лист березы, например, от дубового листа. Любой закон как раз и является тем общим, что есть в вещах. Это — один из признаков закона.

Однако наиболее характерным признаком закона является то обстоятельство, что закон есть существенная связь, присущая вещам, а не просто нечто общее в вещах.

Причем законы бывают разные. Одни из них относятся к каким-то отдельным формам движения материи. Так, каждая конкретная наука изучает одну из форм движения материи. Законы, раскрываемые конкретной наукой, относятся только к данной форме движения материи и не распространяются на другую. Законы биологии, например,— это законы движения и изменения в растительном и животном мире, поэтому, изучая эти законы, нельзя понять такого процесса, как движение элементарных частиц.

Частный характер законов, изучаемых конкретными науками, не означает, что данные законы не имеют никакой всеобщности. Любой закон всегда представляет собой нечто всеобщее, так как он выражает сущность не одного, а многих явлений, но его всеобщность не выходит за рамки изучаемой формы движения материи.

Наряду с этим есть законы, которые относятся ко всем без исключения формам движения материи, да и не толь-

ко материи. Они одновременно являются и законами познания. Так, философию интересуют не законы отдельных форм движения материи, а наиболее общие законы движения, т. е. те законы, которым подчиняется развитие в природе, в обществе и в познании. В этом состоит своеобразие предмета философии и специфика тех законов, которые она изучает. Это — всеобщие законы в буквальном смысле этого слова.

Изучение всеобщих законов развития было предметом исследования философии на протяжении всей ее истории. Значительный вклад в это дело внес Гегель. Он открыл и сформулировал основные законы диалектики, правда, идеалистически истолковав их. Наиболее же полное, всестороннее и глубоко научное выражение эти законы получили в материалистической диалектике, развитой в трудах Маркса, Энгельса и Ленина.

ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

С давних пор религия учит о сотворении мира богом. В противоположность такому взгляду на происхождение мира Спиноза провозгласил, что природа является причиной самой себя. Никто ее не творил. Она сама, в силу естественных причин, заключенных в ней, существует и развивается.

Движение — неотъемлемый признак материи. Нет движения без материи и материи без движения. Источник развития заключен в самой материи.

Что же является источником развития материи?

Известно, например, что со временем выветриваются горные породы; каждую весну «оживает» земная природа, продолжая свою жизнь, начатую с далеких времен; изменяются отношения людей в обществе. Спрашивается, благодаря чему происходит все это?

Если такой вопрос поставить перед геологом, то он, вероятно, будет искать какую-то конкретную причину выветривания горных пород; биолог выскажет свои соображения, касающиеся конкретных причин развития растительного мира; историк укажет на конкретные причины изменения отношений людей в обществе.

Однако этот же вопрос может быть поставлен и несколько иначе: а нет ли всеобщей причины, которая вызывает изменения и в камне, и в растении, и в человече-

ском обществе? Или, иначе говоря, что является источником развития материи?

Источником развития, как учит философская наука, являются внутренние противоречия, заключенные в материи. К этому выводу философия пришла на основании обобщения данных конкретных наук.

В самом деле, когда биолог говорит, что причиной развития растений является постоянно идущий процесс ассимиляции, усвоения продуктов внешней среды организмом, и диссимиляции, выделения из организма отходов жизнедеятельности во внешнюю среду, то это ведь означает, что развитие растений происходит благодаря борьбе двух противоположных процессов в организме (ассимиляции и диссимиляции), что противоречие — причина развития растений.

Историк утверждает, что отношения людей в обществе изменяются, в конечном счете, в зависимости от развития производительных сил. Действительно, изменения производительных сил заставляют изменяться производственные отношения и все прочие отношения в обществе. Исходя из этих данных и обобщая их, философия делает вывод, что общество развивается благодаря противоречию между производительными силами и производственными отношениями. Это противоречие всегда являлось и будет являться причиной общественного развития, двигателем человеческой истории.

Учитывая эти и многие другие данные, философия и пришла к обобщающему выводу, что источником развития материи являются противоречия.

Гегель, который, правда, идеалистически подходил к истолкованию мира, писал, что противоречия «корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» [27].

Однако высказанное философами положение о том, что источником развития материи являются противоречия, нуждается в конкретизации, и прежде всего необходимо раскрыть содержание понятия «противоречие».

В любом развивающемся предмете есть такие стороны, которые противостоят друг другу. Они называются *противоположностями*. Противоположности взаимоисклю-

---

[1] **Гегель.** Сочинения, т. V, стр. 520.

чают друг друга, так как каждая из них представляет собой нечто отличное от другой. Северный полюс магнитной стрелки компаса показывает Северный полюс Земли; южный полюс магнитной стрелки — Южный полюс Земли.

Однако противоположности не только взаимоисключают друг друга, но и находятся во взаимной связи. Северный полюс магнитной стрелки не существует и не может существовать без южного полюса магнитной стрелки.

Противоречие как раз и состоит из двух противоположностей и из отношения между ними. Это отношение характеризуется как взаимоисключением противоположностей, так и их взаимосвязью.

Взаимосвязь противоположностей свидетельствует о том, что противоположности находятся в состоянии единства. Это *единство* выражается в том, что взаимосвязанные противоположности существуют в рамках одного и того же предмета.

Противоположности предмета представляют собой не только единство, но и находятся между собой в состоянии *борьбы.*

Отсюда и название закона: единство и борьба противоположностей.

Следует заметить, что термин «борьба» В. И. Ленин берет в кавычки. Так, отношение таких, например, противоположностей в обществе, как буржуазии и пролетариата, действительно характеризуется борьбой в прямом смысле этого слова. Когда же рассматривается отношение, например, противоположностей в неорганической природе, то в этом случае термин «борьба» употребляется уже в какой-то степени в переносном смысле слова, так как это уже не та борьба, которая существует между буржуазией и пролетариатом. Или, точнее сказать, здесь борьба носит другой характер, специфический для неорганической природы.

Итак, отношение между противоположностями в противоречии характеризуется, во-первых, их взаимоисключением, борьбой; и, во-вторых, их взаимосвязью, единством. Благодаря наличию всех этих моментов и развиваются предметы внешнего мира.

Противоречия в вещах, как мы сказали, являются источником их развития. Противоречие же есть единство и борьба противоположностей, борьба, которая в ходе развития предмета ведет к изменениям в противоположно-

стях. Противоположности, изменяясь, обостряют борьбу. При этом изменяется и характер отношения между противоположностями. Все это взаимодействующие процессы. Борьба, наконец, приводит к тому, что на смену старому противоречию приходит другое, новое противоречие, и так без конца.

Следовательно, противоречия, сами по себе, не остаются раз и навсегда данными и неизменными. Они развиваются. Однако противоположности в развивающемся противоречии всегда находятся в единстве. Борьба противоположностей обостряется, часто достигая стадии конфликта, за которым следует разрешение данной системы противоречий и приход другой, новой системы противоречий.

Если противоположности в развивающемся противоречии находятся всегда в состоянии единства, то как в таком случае понимать высказывание В. И. Ленина о том, что «единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» [2].

Иногда это высказывание В. И. Ленина толкуется таким образом, что противоположности в развивающемся противоречии находятся в единстве, пока остаются в рамках определенного качества. Переход же в другое качество связан с появлением нового противоречия, а следовательно, и нового единства. Однако в связи с таким толкованием этого ленинского высказывания резонно будет заметить, что с переходом в другое качество и появлением нового противоречия не только появляется новое единство, но и борьба тоже становится иной, чем была в рамках старого качества. Раз на смену одному противоречию приходит другое, качественно отличное от первого, то все составляющие его моменты (противоположности, их единство, их борьба) также претерпевают качественные изменения. Значит, в таком смысле не только единство, но и борьба преходящи. Но В. И. Ленин все же говорит о преходящем характере единства и абсолютности борьбы.

В. И. Ленин в данном случае имеет в виду нечто иное, а именно то, что противоречие, развиваясь, проходит такую стадию, когда противоположности приходят в состоя-

---

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 317.

ние равнодействия. До этой стадии противоположности не находились в равнодействии, а затем, и при выходе из этой стадии, противоположности опять не будут находиться в равнодействии. Однако в развитии противоречия бывает такая преходящая стадия, когда противоположности находятся в состоянии равнодействия. Эту преходящую стадию в развитии противоречий В. И. Ленин и называет стадией единства противоположностей. В таком смысле единство и является преходящим моментом в противоречии, даже в пределах одного и того же качества, в то время как борьба в противоречии в пределах одного и того же качества не является преходящей. Она идет непрерывно, постоянно. И в этом смысле она абсолютна.

Не трудно заметить, что когда выше речь шла о том, что противоположности в развивающемся противоречии всегда находятся в единстве, имелось в виду другое. А именно: не бывает такого положения, чтобы в противоречии была одна противоположность и не было другой. На всем пути развития противоречия в нем всегда существуют две противоположности, находящиеся в единстве. Противоречие не распадается на не связанные между собой противоположности. Однако в развитии противоречий бывает такая стадия, когда противоположности приходят в состояние равнодействия. Эту преходящую стадию В. И. Ленин и называет единством противоположностей. Отсюда следует, что здесь мы имеем дело с термином «единство», употребляемым в двух различных смыслах.

В связи с рассмотрением перехода от одного противоречия к другому следует обратить внимание и на такое обстоятельство. Иногда этот переход толкуется таким образом: при разрешении противоречия одна из противоположностей уничтожается, а другая переходит во вновь возникающее противоречие. И в новом противоречии она составляет одну из противоположностей. Такое представление требует уточнения. Бесспорно, что между старым и новым противоречием существует преемственная связь. И эта связь в большей мере осуществляется через ту противоположность, которая берет верх в борьбе. Но тут важно подчеркнуть то, что противоположность, которая взяла верх в борьбе и перешла в новое противоречие, в результате этого перехода становится уже качественно иной. Переход от одного противоречия к другому есть в то же время и переход от одного качества к другому качеству.

А раз так, то и все элементы, входящие в новое противоречие, претерпевают качественные изменения.

Таков смысл закона единства и борьбы противоположностей.

Анализируя общественное развитие, В. И. Ленин писал, что «оно идет в противоречиях и путем противоречий» [3]. «Прав был философ Гегель, ей-богу; жизнь идет вперед противоречиями» [4],— подчеркивал Ленин.

В. И. Ленин показал, что вначале предмет выступает как нечто единое, не обнаруживающее противоположностей. В ходе развития происходит раздвоение его на противоположности. Так, рассматривая историю развития крестьянства, В. И. Ленин отмечал: «В нашей деревне крепостное общество вытесняется «современным» (буржуазным) обществом, *поскольку* крестьянство перестает быть классом, распадаясь на сельский пролетариат и сельскую буржуазию (крупную, среднюю, мелкую и мельчайшую)» [5]. Этот распад класса на два противоположных класса есть раздвоение единого на противоположности, а это означает возникновение противоречия в общественном развитии.

Возникшее противоречие в свою очередь развивается, отношение между его противоположностями изменяется. Всякий прогресс, отмечал В. И. Ленин, сопровождается также прогрессом противоречий, т. е. обострением и расширением их. Обострение и расширение противоречий приводит к конфликту между противоположностями. Социальная революция и означает, что развитие отношений между противоположностями дошло до предела. Задача ее — разрешить конфликт между противоположностями, снять одну систему противоречий и предоставить возможность для развития другой системы противоречий.

Однако какой бы остроты ни достигал конфликт между противоположностями, они всегда связаны между собой. Так, критикуя народников, утверждавших, что развивающийся капитализм якобы разрушает общественные связи, так как ему присущи антагонизмы и острая классовая борьба, В. И. Ленин в статье «К характеристике экономического романтизма» писал: «Обыкновенно противополагают союз крестьян данной общины или ре-

[3] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 65.
[4] Там же, т. 47, стр. 219.
[5] Там же, т. 6, стр. 312.

месленников (или кустарей) данного ремесла капитализму, разрушающему эти связи, заменяющему их конкуренцией. Это рассуждение повторяет типичную ошибку романтизма, именно: заключение от противоречий капитализма к отрицанию в нем *высшей формы общественности*. Разве капитализм, разрушающий средневековые, общинные, цеховые, артельные и т. п. связи, не ставит на их место другие? Разве товарное хозяйство не есть уже *связь* между производителями, связь, устанавливаемая *рынком*? Антагонистический, полный колебаний и противоречий характер этой *связи* не дает права отрицать *ее существование*. И мы знаем, что именно развитие противоречий все сильнее и сильнее обнаруживает силу этой связи, *вынуждает* все отдельные элементы и классы общества стремиться к соединению, и притом соединению уже не в узких пределах одной общины или одного округа, а к соединению всех представителей одного класса *во всей нации* и даже в различных государствах. Только романтик с своей реакционной точки зрения может отрицать существование этих связей и их более глубокое значение, основанное на общности ролей в народном хозяйстве, а не на территориальных, профессиональных, религиозных и т. п. интересах. И если подобное рассуждение заслужило название романтика для Сисмонди, писавшего в такую эпоху, когда существование этих новых, порождаемых капитализмом, связей было еще в зародыше, то наши противники и подавно подлежат такой оценке, ибо *теперь* громадное значение таких связей могут отрицать лишь совсем слепые люди» [6].

Следует обратить внимание, что в данном случае, говоря о переходе от общины в России к капитализму, от одной системы противоречий к другой, В. И. Ленин критикует романтиков, полагавших, что при появлении таких противоречий, при которых противоположности становятся в антагонистическое отношение между собой, связи между ними разрушаются. Не отрицая появления подобных противоречий при капитализме, В. И. Ленин решительно выступает против того, что в таком случае связи между противоположностями разрушаются. Напротив, эти связи не только не разрушаются, но становятся сильнее.

---

[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 207—208.

Усиление антагонизма между противоположностями ведет и к усилению связи между противоположностями.

Отсюда следует, что нельзя упрощенно представлять действие закона единства и борьбы противоположностей в общественном развитии: если при капитализме усиливается антагонизм между противоположностями, то тем самым разрушается связь между противоположностями. К сожалению, с подобным упрощенным представлением относительно действия закона единства и борьбы противоположностей в общественном развитии еще приходится встречаться. Например, рассматривая действие этого закона в эпоху империализма, обычно говорят лишь о том, что империализм разъедают антагонизмы, что борьба противоположностей достигает своей высшей точки. И это верно. Но при этом совершенно упускается из виду связь между противоположностями. Создается впечатление, будто она не существует и что при империализме действует не закон единства и борьбы противоположностей во всем своем содержании, а лишь какой-то урезанный закон — закон борьбы противоположностей. Но такого закона, как известно, не существует в действительности.

Характерно, что если применительно к империализму этот закон иногда толкуется как закон борьбы противоположностей (упускается момент их единства), то применительно к социализму в его толковании иногда встречается иное упрощенчество. Некоторые авторы работ о социализме подчеркивают лишь момент единства и упускают из виду момент наличия противоположностей, борьбы. Закон же в таком толковании также утрачивает свое содержание. Вроде бы и признается наличие противоречий при социализме, но содержание противоречия совершенно выхолащивается. Сторонники такой точки зрения, по всей видимости, думают так: в социалистической действительности есть противоречия, но лучше если бы их не было. При этом они верят в то, что будет время, когда вообще не будет противоречий и наступит тишь и гладь и божья благодать. Это уже какое-то маниловское прекраснодушие, которое в наших условиях нередко сочетается с волюнтаристическим отношением к противоречиям жизни.

Известно, что в свое время В. И. Ленин высмеял народников, которые строили иллюзии в отношении будущего общества, полагая, что оно не будет содержать в себе противоречий. Они, например, не видели в капитализме про-

гресса лишь только потому, что последний содержит в себе противоречия. Все поистине прогрессивное, по их мнению, не должно иметь противоречий. «Нет ничего более нелепого,— писал В. И. Ленин,— как выводить из противоречий капитализма его невозможность, непрогрессивность и т. д. —это значит спасаться в заоблачные выси романтических мечтаний от неприятной, но несомненной действительности»[7]. Противоречия капитализма не исключают того, что в свое время этот общественный строй был прогрессивным, а прогрессивность того или иного общественного строя не исключает противоречий в нем.

Социализм, будучи самым прогрессивным общественным строем, содержал и будет содержать в себе противоречия. Нельзя смотреть на противоречия социализма, выражаясь словами Гегеля, как на «аномалию», на «преходящий пароксизм болезни». Противоречия социализма составляют «корень его жизненности», «корень его движения». Они такой же объективный факт нашей жизни, как общественная собственность на средства производства и соответствующие ей производственные отношения, между которыми существовало и всегда будет существовать противоречие. Если бы не было этого специфического для социализма противоречия, не было бы и социализма.

Совершенно не случайно поэтому, читая «Науку логики», В. И. Ленин особо отметил мысль Гегеля о том, что иногда стремятся очистить действительность от противоречий и борьбы, что такое «нежничанье» присуще филистерам. Эту мысль он отметил потому, что чрезвычайно живуч предрассудок, будто действительность может существовать и без противоречий.

Резюмируя, следует сказать, что закон единства и борьбы противоположностей действует, конечно, и в условиях капитализма и в условиях социализма, и, что особенно важно, он действует повсюду во всем своем содержании, без каких бы то ни было изъятий.

Развитие противоречий рано или поздно приводит к такому состоянию, что предмет превращается в новое качество. Каким же образом возникает новое качество? Каков механизм этого превращения? На этот вопрос отвечает следующий закон диалектики — закон перехода количества в качество.

---

[7] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 48.

Французский философ Ж. Робинэ писал: «Камень, дуб, лошадь — не люди, но на них можно смотреть как на более или менее грубые типы человека... В камне и в растении можно найти те же самые существенные для жизни принципы, что и в человеческом организме; вся разница заключается в комбинациях их признаков, в числе, пропорции, порядке и форме органов» [8]. Это значит, что между камнем, дубом, лошадью и человеком не существует качественных различий; если и есть между ними различия, то они носят количественный характер. Больше того, по мнению этого философа, в каждом зародыше заключен взрослый организм, но только в уменьшенном, свернутом, сжатом, спрессованном виде. Поэтому и развитие отдельного вида также представляет собой лишь количественный рост, где развертывается свернутое, разжимается сжатое, распрессовывается спрессованное и т. д. Короче говоря, и эволюционное и индивидуальное развитие носит лишь количественный характер.

Прав ли Робинэ, который не видел качественных различий между камнем и человеком, между зародышем и взрослым организмом?

Как бы отвечая на этот вопрос, русский ученый В. Л. Комаров заметил: «Если бы жизнь на земле, раз возникнув, возрастала затем только количественно, то поверхность земли покрылась бы толстым слоем студени, подобной той, которую и теперь вырабатывают бактерии, амебы и другие близкие к ним организмы. Но количество имеет свойство переходить в качество. При этом массы вещества, находящиеся в различных взаимоотношениях (химических, физических и пр.) с внешней средой, приобретают различные качества или, как говорят, дифференцируются. Однообразная масса становится разнородной» [9].

И ученый был, конечно, глубоко прав. Материя чрезвычайно многообразна в своих формах проявления. В природе происходят не только количественные, но и качественные изменения. Многообразие форм движения материи как раз и объясняется тем, что в ходе развития

---

[8] Ж. Робинэ. О природе. М., 1935, стр. 508.

[9] В. Л. Комаров. Происхождение растений. М., 1943, стр. 44.

количество переходит в качество. Последующие формы движения материи качественно отличаются от предшествующих и в то же время преемственно связаны с ними, так как возникают в результате количественных изменений, происходящих в предшествующих формах. Так, качественная грань между растениями и животными была подготовлена количественными изменениями, происходившими в растительном мире. Эти количественные изменения и привели к новому качеству: появлению животных, чья организация принципиально отличается от организации растений (животные, например, имеют нервную систему, чего нет у растений).

Однако прежде чем более подробно говорить о законе, скажем несколько слов об основных категориях, в которых выражается этот закон.

Любой предмет отличается от других, представляя определенное качество. Так, физики говорят о различных силах, качественно отличающихся друг от друга. В ядре атома действуют ядерные силы между протонами и нейтронами, которые обеспечивают устойчивость ядра. Электромагнитные силы определяют строение атома, благодаря им электрон вращается вокруг ядра атома. Эти же силы объединяют атомы в молекулы. И, наконец, существуют силы тяготения, которые действуют между космическими телами. Так разная природа всех этих сил делает их качественно отличными друг от друга.

Анализируя содержание категории «качество», Гегель писал: «Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [10].

Качество — это все то, что отличает один предмет от другого, делает его именно этим предметом, а не другим. Предмет есть всегда определенное качество; качество выражает характер предмета. Качество предмета — это вся совокупность свойств и отношений его составляющих, как существенных, так и не существенных. Существенные свойства составляют основу качества, определяя характер всех других его свойств.

Свойство есть момент, сторона предмета. В свойствах обнаруживается качество предмета. По ним люди судят о качестве. Так электромагнитные силы, возникающие в

---

[10] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 157.

результате внутриатомного взаимодействия, проявляются в виде таких свойств, как свет, тепловое излучение и т. д., по которым физики и изучают электромагнитные силы.

Однако каждый предмет есть не только определенное качество, но и определенное количество. *Количество* — это степень развития предмета. Производительные силы определенной общественно-экономической формации могут иметь различную степень своего развития. Эта их различная степень развития и есть количественная характеристика производительных сил данной общественно-экономической формации.

Одно и то же качество может иметь различную количественную характеристику, которая находится в определенных пределах. Если какое-то качество, развиваясь, выходит за эти пределы, возникает новое качество, которое имеет свою количественную характеристику, находящуюся в определенных пределах.

Развитие качества в пределах определенного количества, когда качество не перестает быть другим, составляет *меру*. Количественные изменения до поры до времени не оказывают никакого влияния на качество. Качество остается безразличным к ним. Вот этот интервал количественных изменений в пределах какого-то одного качества и есть мера. Качество и количество есть противоположности предмета, находящиеся в единстве, которое и выражается категорией «мера».

Действие закона перехода количественных изменений в качественные выражается в том, что количество переходит в качество. В любом развивающемся предмете постоянно идут количественные изменения, которые, достигая определенной меры, приводят к тому, что предмет изменяет свое качество, на смену старому приходит новое качество. В этом смысле и говорится о переходе количества в качество [11].

---

[11] Энгельс, как известно, этот закон назвал так: «закон перехода количества в качество и обратно». Что означает это «обратно»? Дело в том, что когда говорят, что количество переходит в качество, то это не означает, что какое-то «чистое» количество переходит в какое-то «чистое» качество. Ни «чистого» количества, ни «чистого» качества в природе не существует. Если взять любой предмет, то можно легко убедиться, что он представляет собой единство качества и количества. Качество в нем неразрывно связано с количеством, а количество — с качеством. А отсюда следует, что выражение «переход количества в качество» в ка-

Качественные изменения возникают в результате количественных изменений. Так, если какому-то веществу сообщать тепло, нагревая его все горячее и горячее, то в данном случае будут происходить количественные изменения. Тепло влияет на силу взаимодействия между молекулами вещества. При сравнительно низких температурах существует сильное взаимодействие между молекулами. Так, если твердое вещество нагревать, то оно до поры до времени остается твердым, но затем, при определенном для каждого конкретного вещества количестве тепла, резко ослабевает сила взаимодействия между молекулами, и вещество становится жидким. Это качественное превращение произошло в результате количественных изменений. Если же и дальше продолжать нагревание, то при определенном количестве тепла снова резко ослабевает сила взаимодействия между молекулами и вещество превращается в газ. Это качественное превращение также произошло в результате количественных изменений.

Причем, если количественные изменения идут постепенно, то переход от старого качества к новому осуществляется сразу. «Вода,— писал Гегель,— через охлаждение не становится твердой постепенно, не делается сначала кашеобразной, чтобы затем, делаясь постепенно все тверже и тверже, достигнуть консистенции льда, а сразу затвердевает; уже достигнув температуры точки замерзания, она все еще может полностью сохранить жидкое состояние, если она остается в покое и ничтожное сотрясение приводит ее в состояние твердости» [12].

Анализируя характер перехода от старого качества к новому, В. И. Ленин писал: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности» [13].

Что это значит? Это значит то, что количественные из-

кой-то мере условно. Если бы мы решили точно выразить существо этого закона, то нам пришлось бы сделать это в такой может быть несколько тяжелой формуле: «переход количества качественного в качество количественное». А это, в свою очередь, означает, что, как исходный пункт перехода обладает количеством и качеством, так и завершающий пункт перехода тоже обладает и качеством и количеством. И значит переход количества в качество является одновременно и переходом качества в количество.

[12] Гегель. Сочинения, т. V, стр. 434.

[13] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 256.

менения идут постепенно, переход же от старого качества к новому связан с перерывом этой количественной постепенности, ибо появление нового качества как раз и прерывает процесс количественных изменений, идущих в рамках старого качества. Количественная постепенность прерывается именно фактом появления нового качества. Этот перерыв количественной постепенности и есть *скачок*.

Скачок характеризуется противоречивостью, так как он представляет собой связь двух противоположных друг другу качеств: старого и нового.

Поскольку количественная постепенность прерывается появлением нового качества и этот перерыв количественной постепенности есть скачок, постольку появление нового качества, или иначе говоря, «качественное превращение» и «скачок»,— понятия, совпадающие по своему содержанию.

Однако с некоторого времени в философской литературе скачок стал получать несколько иное истолкование, чем то, которое давал ему В. И. Ленин. Возникла даже теория так называемого «постепенного» скачка.

Доказывая справедливость утверждения о существовании «постепенного» скачка, некоторые авторы прибегают к самому простому примеру: превращению воды в пар. При этом они заявляют, что и вода в пар может превращаться по-разному: в виде взрывного скачка и в виде «постепенного» скачка.

О процессе превращения воды в пар Гегель, как известно, писал так: «Степень температуры воды сначала не оказывает никакого влияния на ее капельно-жидкое состояние, но затем при возрастании или уменьшении температуры достигается точка, на которой это состояние сцепления качественно изменяется, и вода переходит, с одной стороны, в пар и, с другой — в лед» [14].

Это, по мнению некоторых авторов, описание не вообще скачка, а всего лишь одной из его форм — взрывного скачка. Суть его состоит-де в том, что количественные изменения, идущие постепенно (изменение температуры воды), прерываются качественным изменением (превращение воды или в пар или в лед). Этот качественный перерыв количественной постепенности и есть взрывной скачок.

Такое понимание скачка в свое время было единствен-

---

[14] Гегель. Сочинения, т. I, стр. 186.

ным и общепринятым. Однако затем такой скачок стали рассматривать лишь как одну из форм скачка — скачок со взрывом и утверждать, что наряду с взрывным скачком существует «постепенный» скачок. Некоторые авторы так и пишут, что вода может превратиться в пар и в форме «постепенного» скачка. Если оставить, например, воду в блюдце, то хотя она и не достигнет никогда температуры +100°, однако в течение какого-то времени она также превратится в пар. Этот процесс и выдается за «постепенный» скачок. Истолковывают его обычно так. Наряду с количественными изменениями, которые приводят к ослаблению сил сцепления между частичками воды, здесь происходят и изменения качественные, выражающиеся в том, что отдельные частички воды постепенно превращаются в пар (одна, затем другая и т. д.). Эти качественные изменения будут происходить до тех пор, пока вся вода не превратится в пар. Тот факт, что превращение всей воды в пар связано с постепенным превращением отдельных частичек воды в пар, по мнению этих авторов, и говорит о том, что данный скачок происходит не просто в результате количественных изменений, а в результате и количественных и качественных изменений. Здесь не сразу возникает новое качество, говорят они, а по частям, постепенно, и поэтому такой скачок и надо называть «постепенным» скачком.

Но, во-первых, с физической точки зрения между первым и вторым превращением воды в пар принципиальной разницы нет. Если и существует какая-либо разница, то она выражается лишь в том, что при нагревании воды процесс парообразования носит более интенсивный характер, чем парообразование при обычных условиях, без специального подогрева. И в том, и в другом случае природа этих процессов одна и та же. Она состоит в ослаблении сил взаимодействия между молекулами.

Во-вторых, и с философской точки зрения здесь также нет двух качественно различных форм скачка. И в первом, и во втором случае мы имеем дело со скачком как качественным перерывом количественной постепенности, а не с каким-то «постепенным» скачком.

Ошибка в рассуждениях авторов, признающих «постепенный» скачок, состоит в том, что они не расчленяют два различных превращения. Одно дело, когда рассматривается превращение всей воды в пар, и другое дело, когда

рассматривается превращение отдельной частички воды в пар. Это — различные предметы рассмотрения и их нельзя валить в одну кучу. Рассмотрим оба вида этих превращений в отдельности.

Превращение отдельной частички воды в пар связано с тем, что в ней происходит ослабление сил взаимодействия между молекулами, т. е. происходят определенные количественные изменения, в результате которых она и превращается в пар [15]. Новое качество здесь возникает без каких бы то ни было предшествующих ему более мелких качественных изменений, а в результате лишь количественных изменений. И скачок, следовательно, в данном случае представляет качественный перерыв количественной постепенности. С этим толкованием превращения отдельной частички воды в пар, вероятно, согласятся и сторонники «постепенного» скачка. Разногласия возникают дальше, когда рассматривается превращение всей воды в пар.

По нашему мнению, и второе превращение — превращение уже всей воды в пар — также представляет собой скачок как качественный перерыв количественной постепенности, но отнюдь не какой-то «постепенный» скачок. Только надо условиться о следующем: если мы рассматриваем превращение всей воды в пар, то будем рассматривать именно это превращение, а не превращение отдельной частички воды в пар. Иначе говоря, будем соблюдать правила логики: не подменять один предмет в ходе рассуждения другим.

Как же вся вода, находящаяся на блюдце, превращается в пар?

И в этом случае в результате количественных изменений возникает новое качество, а не в результате и количественных и качественных изменений, т. е. «постепенного» скачка, как утверждают некоторые авторы. В самом деле, когда одна частичка воды на блюдце превратилась в пар, то еще нельзя сказать, что вся вода на блюдце превратилась в пар; этого нельзя сказать и тогда, когда две частицы превратятся в пар и т. д. Здесь мы имеем дело с аналогичным случаем, о котором говорится в софизме древних греков, называющемся «кучей». В результате прибавления по одной песчинке рождается куча. Одна песчинка

---

[15] В данном случае не обязательной является температура +100°С. Превращение отдельной частички воды в пар может происходить и при других температурах.

кучи не составляет. Но прибавление к ней других песчинок дает кучу. Когда это происходит — сказать трудно. Качественная грань здесь, действительно не отличается четкостью. Но можно определенно сказать, что и здесь она существует и возникает в результате количественных изменений — прибавления к песчинке других песчинок. Появляется куча и возникает новое качество как перерыв количественной постепенности, без каких бы то ни было предшествующих ему более мелких качественных изменений. Таким образом, и здесь скачок есть качественный перерыв количественной постепенности, а не «постепенный» скачок, когда новое качество является будто бы результатом и количественных и качественных изменений.

Итак, скачок всегда и везде есть качественный перерыв количественной постепенности. Разумеется, все это не означает того, что все скачки одинаковы. Они различаются между собой по времени протекания, на что справедливо указывал В. И. Ленин. Один скачок может продолжаться секунду, а другой — 10 лет. Но это уже другой вопрос, вопрос не о внутреннем содержании скачка, а о том, сколько времени он продолжается. Однако и скачок, который продолжается 10 лет, по своему содержанию представляет собой качественный перерыв количественной постепенности, а не «постепенный» скачок, который возникает в результате и количественных и качественных изменений.

Правда, когда скачок истолковывается как качественный перерыв количественной постепенности и, следовательно, появление нового качества рассматривается как совпадающее по содержанию со скачком, а количественные изменения — как постепенность, то может возникнуть следующий вопрос: если постепенность есть процесс количественных изменений — а В. И. Ленин только так понимал этот термин, то как быть с тем, что переход от социализма к коммунизму в целом будет носить постепенный характер. Ведь совершенно понятно, что этот период будет включать в себя не только количественные, но и качественные изменения. Такой вопрос возникает не потому, что здесь есть какая-то проблема, а лишь потому, что с каких-то пор произошло расширение смысла этого термина. Постепенность за последнее время стали понимать как нечто включающее в себя и количественные и качественные изменения.

Спрашивается, к чему же было расширять смысл этого термина. По нашему мнению, для этого не было никаких серьезных оснований. Больше того, расширение смысла этого термина привело истолкование закона перехода количества в качество к такому усложнению, что на этой основе стала произрастать словесная схоластика.

По мнению сторонников теории «постепенного» скачка, существуют два рода качественных изменений — большие и малые. Когда рассматривается переход от одного качества к другому, то обычно говорят, что при «постепенном» скачке в рамках старого большого качества происходят маленькие качественные изменения, которые и приводят в результате к большому качеству. Они же стали говорить и о двух формах скачка. Скачок от одного большого качества к другому большому качеству есть большой скачок. Возникновение же маленького качественного изменения в рамках старого большого качества есть малый скачок. Затем сторонники «постепенного» скачка начали утверждать, что имеются и два рода постепенности. Одна постепенность — это постепенность, когда происходят только количественные изменения; другая постепенность включает в себя и количественные и качественные изменения.

Далее. Если существует «постепенный» скачок, который включает в себя как количественные, так и качественные изменения, то тем самым понятие «скачок», по существу своему, уже включает в себя все содержание закона перехода количества в качество. И к чему тогда этот закон называть законом перехода количества в качество? Назовите его уже тогда законом скачка, раз в последнее понятие входит все содержание рассматриваемого закона. Подобные нелепости как раз вытекают из теории «постепенного» скачка.

Все это идет вразрез с правильным пониманием закона перехода количества в качество. В действительности же новое качество возникает в результате количественных изменений. Количественные изменения, идущие постепенно, достигают определенной меры, и в результате этого возникает новое качество, которое представляет собой перерыв количественной постепенности, скачок.

Если всякое развитие есть процесс количественных и качественных изменений (о чем свидетельствует закон перехода количества в качество), то спрашивается, в ка-

ком же направлении происходит это развитие? На этот вопрос отвечает следующий закон диалектики — закон отрицания отрицания.

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ

Направление развития в земных условиях носит восходящий характер. Жизнь, например, развивается от простейших к более сложным и совершенным формам. В таком же направлении происходит общественное развитие. На основе развития производительных сил совершенствуются производственные и все другие общественные отношения.

Восходящее развитие в первую очередь характеризуется возникновением нового, более совершенного. Однако только к этому дело не сводится. Восходящее развитие — явление куда более сложное.

Известно, что ничто в мире не возникает на голом месте. Всему что-то предшествует, все из чего-то происходит. Это следует из закона сохранения материи, которая превращается из одного вида в другой и никогда не исчезает бесследно. Материя всегда существовала, существует и будет существовать. И если возникает какое-то явление, то можно с уверенностью сказать, что оно возникает из какого-то другого, т. е. имеет предшественника и связано с ним. Это относится и к возникновению любого нового, более совершенного явления: будь то явление природы или социальной жизни. Новое имеет предшественника и связано с ним. Этим предшественником нового является старое. Всякое новое есть противоположность старому. В борьбе со старым возникает новое. Борьба этих противоположностей и ведет вперед.

Когда новое побеждает старое, обычно и говорят о том, что происходит восходящее развитие. Новое, побеждая, является отрицанием старого. Но это не такое отрицание, когда новое, победив, всецело выбрасывает за борт старое. Новое вырастает на почве старого, впитав в себя все ценное, что было в старом. Новое преемственно связано со старым. Отрицание старого новым, следовательно, не означает абсолютного уничтожения старого и возникновения какого-то «чистенького» нового, ничем не связанного со старым, а включает в себя преемственную связь со старым. В этом суть диалектического взгляда на *отрицание*.

Социализм является миром новых человеческих отношений по сравнению со всеми предшествующими об-

щественно-экономическими формациями, но социализм является и продолжением, дальнейшим развитием всего ценного в области материальной и духовной культуры, что было выработано человечеством в предшествующие эпохи, за всю историю его существования.

Отрицание, таким образом, является одним из моментов восходящего развития. Такое отрицание Гегель называл «снятием», которое «означает сберечь, *сохранить* и вместе с тем прекратить, *положить конец»* [16].

Где нет отрицания, там нет и восходящего развития. Наука, например, только тогда плодотворно развивается, когда постоянно подвергаются сомнению существующие знания. И потому любимым девизом Маркса было: подвергать все сомнению. Однако такое сомнение не означает абсолютного отрицания существующих знаний, как это полагают скептики. Отрицание в диалектическом смысле есть отрицание с удержанием положительного в существующих знаниях.

Развивая диалектический взгляд на отрицание, В. И. Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание, как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» [17]. В. И. Ленин критиковал метафизический взгляд на отрицание как на отрицание голое, чистое, без какой бы то ни было преемственности с предшествующей формой. Последующая форма всегда содержит в себе элементы предшествующей. В этом суть всякого действительного отрицания [18]. Он критикует далее скептицизм, который

---

[16] Гегель. Сочинения, т. V, стр. 99.

[17] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 207.

[18] Кстати сказать, в нашей литературе часто встречаются такие термины, как «метафизическое отрицание» и «диалектическое отрицание». Но, во-первых, голых, чистых отрицаний в реальной действительности не существует, а значит не существует и метафизических отрицаний как таковых. Другое дело, что метафизик имеет свой, особый взгляд на отрицание. Метафизик не отрицает наличия в реальной действительности отрицаний, но он им дает свое одностороннее, а потому и неправильное толкование. А, как известно, предмет и взгляд на него — это не одно и то же. Надо говорить не о метафизическом отрицании, а о мета-

придерживается метафизического взгляда на отрицание, проповедуя зряшнее отрицание, т. е. отрицание всего, что было сделано раньше. Так, сторонники «Пролеткульта» полагали, что надо начисто уничтожить буржуазную культуру и на голом месте строить культуру пролетарскую. Необходимо, конечно, критически относиться к тому, что было сделано в прошлом, но в то же время необходимо воспринимать все то положительное, что содержалось в прошлом. В. И. Ленин, как известно, подверг критике сторонников «Пролеткульта».

При этом надо иметь в виду, что восходящее развитие не сводится только к отрицанию. Если рассматривать развитие какого-то предмета на протяжении значительного периода времени, то можно обнаружить, что за первым отрицанием последует второе, за вторым третье, за третьим четвертое и так до бесконечности, ибо нет предела развитию форм в природе и обществе. Так, на Земле вслед за неорганическими веществами появились вещества органические; затем из органических веществ возникла жизнь, вначале растительная, а затем и животная. Ряд отрицаний представляет смена общественно-экономических формаций.

Анализ ряда отрицаний вскрывает еще ряд особенностей восходящего развития. Так, оказывается, что в каждом последующем отрицании отрицается то, что утверждалось в предшествующем. К тому же любое отрицание всегда представляет собой и утверждение. Последующее отрицание отрицает то, что утверждалось в предшествующем отрицании. Однако это последующее отрицание не представляет собой какого-то чистого отри-

---

физическом взгляде на отрицание. Во-вторых, точнее будет говорить, в противоположность метафизическому взгляду на отрицание, о диалектическом взгляде на отрицание, а не о диалектическом отрицании, который отражает довольно полно свойства действительного отрицания. Но это все же взгляд на предмет, а не сам предмет. Ведь не употребляем же мы термин «диалектическая природа», хотя хорошо знаем, что природа развивается по законам диалектики, а не по каким-то другим законам. Короче говоря, в реальной действительности существует отрицание, которое является моментом развития. И на это отрицание есть два взгляда: метафизический, который упускает из виду преемственную связь между формами, и диалектический, который всесторонне и полно раскрывает суть отрицания, отмечая при этом и преемственную связь между формами.

цания. Оно, в свою очередь, что-то и утверждает, в частности, утверждает себя как определенное бытие, а утверждение себя, как определенного бытия, представляет в то же самое время и отрицание того, что утверждалось в предшествующем отрицании.

Так, на смену первобытнообщинному строю пришел строй рабовладельческий. Это было отрицание первобытнообщинного строя. Но при этом рабовладельческий строй утверждал себя как определенную форму собственности (основу этого строя составляла собственность рабовладельца на средства производства и раба). Значит, отрицание есть в то же время и утверждение, так как отрицается при этом одно и утверждается этим самым другое.

За первым отрицанием последовало второе. Возник феодальный строй, который отрицал то, что утверждал строй рабовладельческий. На смену собственности рабовладельца на средства производства и раба пришла собственность феодала на средства производства и частичная собственность на крепостного, который находился от него в большой зависимости. Это отрицание также являлось и утверждением. Феодализм утверждал себя как определенную форму собственности.

Следовательно, каждое отрицание есть в то же время и утверждение, в каждом последующем отрицании отрицается то, что утверждалось в предшествующем.

Причем нельзя упрощенно понимать отрицание как такой процесс, в котором отрицание совершается лишь в точках соприкосновения старой и новой форм. Отрицание заключено в самой возникающей форме. Если появилась какая-то новая форма, то она фактом своего бытия отрицает старую; всякая новая форма фактом своего бытия утверждает себя. Любая форма, следовательно, есть одновременно и отрицание и утверждение, причем и то и другое проходит через всю совокупность свойств.

Поскольку в ходе развития за одним отрицанием следует второе, за вторым третье и т. д. и при этом каждое последующее отрицание отрицает то, что утверждалось в предшествующем, постольку и закон, выражающий суть восходящего развития, получил название закона отрицания отрицания.

Раз каждое последующее отрицание является отрицанием содержания предшествующего, и притом оно тем самым утверждает свое содержание, то можно сделать вывод,

что второе отрицание похоже на первое, третье — на второе и т. д., или, иначе говоря, все они похожи друг на друга в том отношении, что каждое отрицание является и отрицанием и утверждением одновременно. И это, действительно, так. Но если внимательно присмотреться к процессу развития, то наряду с существованием общих черт, присущих всем отрицаниям, во втором отрицании есть некоторые черты, которых нет в первом. Поясним это на примере с зерном. Появившееся на свет растение является отрицанием зерна, брошенного в землю. Это—первое отрицание. Растение, развиваясь и созревая, в свою очередь, дает зерна. Это — второе отрицание. Второе отрицание, конечно, кое в чем похоже на первое: и в первом, и во втором случае имеет место отрицание предшествующего и утверждение существующего. Это присуще любому отрицанию. Однако второе отрицание имеет и некоторые черты, каких нет у первого. В самом деле процесс развития в данном случае начинался с зерна и закончился урожаем зерен. На первый взгляд может показаться следующее: с чего начиналось развитие — к тому оно и пришло, т. е. развитие идет как бы по кругу. Однако это не так. Конечно, те зерна, которые получены в результате развития, сохранили черты наследственности зерен, брошенных в землю. Но за время этого цикла развития произошли и изменения, так как на каждое брошенное в землю зерно получено 10—15 зерен. Значит, хотя развитие начиналось с зерен и закончилось урожаем зерен, но это не просто возврат к тому, с чего оно начиналось. Это возврат в том смысле, что вначале были зерна и в конце развития получен урожай зерен. Но так как урожай зерен отличается от зерна, брошенного в землю вначале, то это возврат на более высоком уровне. Развитие, следовательно, идет как бы по спирали, а не по кругу. Когда происходит целый ряд отрицаний, то третья форма представляет собой синтез двух предшествующих форм. В снятом виде она содержит в себе предшествующие формы. И в то же время третья форма во многом похожа на первую, причем больше, чем на вторую. Такова логика восходящего развития, которая впервые была подмечена Гегелем.

Возникает вопрос: почему же третья форма больше похожа на первую, чем на вторую? С чем связана эта закономерность в восходящем развитии?

В любом предмете идет постоянная борьба двух противоположных начал: нового со старым. Она приводит к

тому, что новое побеждает старое. Победа нового над старым есть отрицание. Борьба противоположных начал приводит к тому, что на смену одному предмету приходит другой, прямо противоположный, т. е. совершается переход в свою противоположность.

Так, обозначим противоположные начала, тенденции в каком-нибудь предмете символами *Д* и не-*Д*. Теперь допустим, что тенденция не-*Д* в ходе развития побеждает тенденцию *Д*. Предмет, в котором вначале была доминирующей тенденция *Д*, превратился в свою противоположность, в другой предмет, в котором стала доминирующей тенденция не-*Д*. Но борьба на этом не заканчивается. На смену одному противоречию приходит другое. Если раньше шла борьба противоположных тенденций *Д* и не-*Д*, то после того как победила тенденция не-*Д*, возник новый предмет и новое противоречие. Теперь тенденции не-*Д* начинает противостоять нечто ей противоположное, что меньше похоже на не-*Д* и больше похоже на *Д*. Обозначим эту новую тенденцию, которая противоположна тенденции не-*Д*, через *Д'*. Рано или поздно тенденция *Д'* победит тенденцию не-*Д* и снова предмет превратится в свою противоположность, в другой предмет, в котором доминирующей будет уже тенденция *Д'*. Таким образом, борьба противоположных начал, в ходе которой предмет превращается в свою противоположность, приводит к тому, что третья форма бывает похожей на первую. Происходит так называемый возврат к старому, но на более высоком уровне в сравнении с тем, что вначале представлял предмет. Второе отрицание тоже представляет собой переход предмета в свою противоположность. Новый предмет становится во многом похож на первоначальный предмет, хотя первоначальный и конечный предметы и не тождественны друг другу.

Но здесь необходимо сделать следующую весьма существенную оговорку. Дело в том, что возврат к старому на более высоком уровне не обязательно произойдет во втором отрицании и не обязательно третья форма будет во многом похожа на первую, как это было в примере с зерном. Возврат к старому на более высоком уровне может произойти и не во втором отрицании. Но одно закономерно: возврат к старому на более высоком уровне составляет один из необходимых моментов закона отрицания отрицания, который всегда имеет место в развитии; триа-

дичность же развития не обязательна. Триада не является необходимым признаком этого закона.

Все эти моменты вместе взятые (возникновение нового, преемственная связь его со старым, возвраты к старому на более высоком уровне) составляют содержание закона отрицания отрицания, который характеризует восходящее направление в развитии.

Таково содержание основных законов диалектики.

О ФОРМАХ ПРОЯВЛЕНИЯ ЗАКОНОВ ДИАЛЕКТИКИ

Законы диалектики являются наиболее общими законами. Они действуют в природе и обществе, им подчиняется и процесс познания. Поэтому и говорят о совпадении законов бытия и познания, так как и бытие и познание развиваются по одним и тем же законам.

Однако прежде чем говорить о формах проявления законов диалектики в различных сферах действительности, обратим внимание на принцип тождественности законов бытия и познания, ибо этот принцип является основанием для исследования вопроса о формах проявления законов диалектики.

Когда происходит переход от форм чувственного познания к формам логического познания, то он осуществляется по законам диалектики. По этим же самым законам происходит и логическое мышление. Высказывает ли человек какую-то мысль, выраженную в суждении, идет ли процесс размышления в следующих одно за другим умозаключениях, вырабатывается ли научное понятие о предмете — все эти процессы осуществляются на основе законов диалектики.

Чем это объясняется, что законы бытия являются и законами познания? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть характер отношения законов познания и бытия. Этот вопрос давно был поставлен философской мыслью, но наибольшую остроту он приобрел в философии нового времени.

Так, Кант, например, законы мышления противопоставлял бытию. Он полагал, что законы мышления априорны, доопытны. Такое субъективно-идеалистическое понимание законов мышления подверг критике еще Гегель с позиций объективного идеализма. Опираясь на идею

тождества бытия и мышления, он считал, что в основе бытия лежит абсолютная идея. Развитие последней привело к возникновению мышления. Законы же развития этой абсолютной идеи являются одновременно как законами бытия, так и законами мышления. Законы бытия и законы мышления — это одни и те же законы, законы развития абсолютной идеи.

Марксистско-ленинское понимание отношения законов бытия и законов познания коренным образом отличается от взглядов Канта и Гегеля. Исходя из признания объективного мира и возможности познания его людьми, т. е. из материалистического решения основного вопроса философии, марксизм-ленинизм утверждает, что диалектика вещей породила диалектику познания и потому законы объективного мира являются и законами познания.

Структура познания, его формы и законы складывались на протяжении тысячелетий, в ходе практической деятельности людей. Бытие, отражаясь в сознании людей, порождало в познании те же самые наиболее общие законы, которым оно само подчиняется. Так, всякий предмет, как мы знаем, обладает качеством и количеством, количественные изменения в определенной мере ведут к изменениям качественным. Для того, чтобы познать предмет таким, каков он есть, и надо бывает выявить его качественное и количественное своеобразие, установить момент, когда количественные изменения могут привести к изменениям качественным. И люди поступают именно так, когда исследуют тот или иной предмет (независимо от того, осознают они этот факт или нет). Короче говоря, объективный закон перехода количества в качество стал и законом их познания.

Аналогично дело обстоит и с другими законами. Если всякий предмет представляет собой единство и борьбу противоположностей, и именно благодаря противоречиям предмет живет и развивается, то для того, чтобы познать предмет таким, каков он есть, необходимо раскрыть противоречия в предмете. Если один предмет в ходе развития отрицается другим, и развитие заключает в себе моменты преемственности, возврата к старому на более высоком уровне, то для того, чтобы познать предмет таким, каков он есть, необходимо выявить все эти моменты в предмете. Это мы и делаем, когда изучаем тот или иной предмет.

Другими словами, объективные законы и стали законами нашего познания.

Причем законы диалектики не только характеризуют общий ход развития познания и являются методом познания, но им подчиняется и движение форм познания.

В ходе истории под воздействием мира вещей складывалась структура человеческого познания, прежде чем она стала такой, какой она существует в настоящее время. Рассматривая этот вопрос, В. И. Ленин писал: «...если *все* развивается, то относится ли сие к самым общим *понятиям* и *категориям* мышления? Если нет, значит, мышление не связано с бытием. Если да, значит, есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение» [19]. Поскольку же мышление является отражением бытия, постольку законы бытия стали и законами движения форм познания. Законы познания, следовательно, не априорны. Они произошли в результате отражения вещей внешнего мира в сознании людей.

Однако по этому, казалось бы, довольно ясному и бесспорному вопросу в нашей литературе идут оживленные споры. Разумеется, все согласны с тем, что диалектика вещей породила диалектику познания и потому законы бытия являются и законами познания, но нет единого мнения по вопросу о том, как точнее выразить характер отношения между законами бытия и познания, т. е. имеем ли мы здесь «совпадение» законов бытия и познания, «тождество» или же «единство» их?

Энгельс, как известно, писал о тождестве законов бытия и мышления. Диалектика, говорил он, является наукой об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления. По его мнению, существует два ряда законов, которые по сути дела тождественны и различаются лишь следующим: человек может применять их сознательно, тогда как в природе они пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, преодолевая бесчисленный ряд случайностей.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» говорил о совпадении, тождестве этих законов и нигде не употреблял при этом термина «единство». Даже при рассмотрении закона единства и борьбы противоположностей он отмечал тождество противоположностей, обращая внимание

[19] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 229.

при этом на то, что различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны.

Когда речь идет об одних и тех же законах, проявляющихся в различных сферах действительности, то можно и нужно говорить о тождестве этих законов, а не о их единстве. Ведь единство есть и у сапожной щетки с молочными железами млекопитающего, проявляющееся хотя бы в их материальности. Но кто скажет, что сапожная щетка и молочные железы млекопитающего — это одно и то же? А о диалектических законах бытия и познания можно сказать, что это одни и те же законы. Термин «тождество» более точно выражает отношение законов бытия и познания.

Надо сказать, что в нашей философской литературе существует какая-то боязнь употребления такого термина, как «тождество». Эта боязнь происходит от того, что Гегель в свое время говорил о тождестве законов бытия и мышления. А некоторые наши товарищи продолжают еще рассуждать так, что в материалистической диалектике все должно быть не так, как у Гегеля. Но это, конечно, ложный ход мысли, основанный на нигилистическом отношении к достижениям философии в домарксистский период. К тому же совершенно ясно, что тождество законов бытия и познания можно толковать как идеалистически, так и материалистически. Следовательно, нечего бояться употребления этого вполне научного философского термина.

Диалектико-материалистическое положение о тождестве законов бытия и познания, высказанное Энгельсом, В. И. Ленин развил дальше. В трудах Энгельса и Плеханова при общем правильном понимании отношения законов бытия и познания недостаточно обращалось внимания на рассмотрение законов диалектики как законов познания. Причем законы диалектики часто рассматривались как сумма примеров. Обратив особое внимание на законы диалектики как на законы познания, В. И. Ленин выдвинул положение о диалектике как теории познания марксизма. «Вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела),— замечает В. И. Ленин,— не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [20].

---

[20] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 321.

Положение о диалектике как теории познания есть, по существу, дальнейшее развитие проблемы тождества законов бытия и познания. Именно исходя из тождества законов бытия и познания, стало возможным сформулировать положение о диалектике как теории познания. Если наиболее общие законы развития природы и общества — законы диалектики — являются одновременно и законами познания, то, следовательно, диалектика и является теорией познания.

Говоря о значении рассматриваемой проблемы в целом, следует отметить, что с идеей тождества законов бытия и познания связано и современное представление о предмете философии, которое вошло в науку с появлением марксизма, в середине XIX в. Раньше философия считалась наукой наук, потому что она включала в себя всю совокупность знаний, которыми располагало человечество. В марксизме же философия строго выделила предмет своего исследования. Она уже не является наукой наук и не включает в себя всю совокупность знаний, выработанных человечеством. Она стала наукой лишь о наиболее общих, тождественных законах бытия и познания. Именно принцип тождества этих законов объединяет их в единый предмет исследования, изучением которого и занята материалистическая диалектика. Марксизм тем самым покончил с разделением философии на онтологию и гносеологию. Существует одна философская наука — материалистическая диалектика. Законы, изучаемые ею, действуют как в бытии, так и в познании. Материалистическая диалектика, по мысли В. И. Ленина, наука о законах развития мира и познания его. Она есть вывод истории познания мира. Материалистическая диалектика вооружает естествоиспытателей мировоззрением и знанием законов познания.

Материалистическая диалектика, будучи качественно новой философией, преемственно связана со всей предшествовавшей ей философией. Если говорить о том положительном, что материалистическая диалектика взяла из предшествующей философии и критически переработала в соответствии с новым пониманием предмета философии, то это, говорит Энгельс, учение о мышлении и его законах — формальную логику и диалектику. «А диалектика в понимании Маркса и согласно также Гегелю,— писал В. И. Ленин,— включает в себя то, что ныне зовут тео-

рией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от *не*знания к познанию»[21]. Все остальное содержание прежней философии либо отошло в область частных наук, либо в силу своего спекулятивного характера было отброшено.

Эта переоценка ценностей произошла не без издержек. Когда философия, как наука наук, была раскритикована, возник позитивизм, который пытался учить, будто естественники вообще могут обойтись без философии, что наука сама себе философия и т. д. Но эти рассуждения оказались глубоким заблуждением. Ни одна наука никогда не обходилась и не обходится без философии. Но те, кто думает, что они могут обойтись без философии, часто становятся проповедниками самой худшей философии, той философии, которая уже раскритикована передовой мыслью.

Принцип тождественности законов бытия и познания, как уже говорилось выше, является основанием для исследования вопроса о формах проявления законов диалектики в различных сферах действительности. Он является основанием потому, что исходя из этого принципа необходимо иметь в виду следующее: от того, что эти законы проявляются в различных сферах действительности, от этого они не перестают быть одними и теми же по своему содержанию. Однако в нашей литературе при решении вопроса о формах проявления законов диалектики в различных сферах действительности это обстоятельство не всегда принимается во внимание. А отсюда и возникают ошибочные представления на этот счет.

Тождественность законов бытия и познания не исключает, а, напротив, предполагает исследование того, каким образом законы диалектики проявляются в различных сферах действительности. Такое исследование, во-первых, дает возможность уяснить, в каких же именно формах проявляются эти законы; во-вторых, раскрывает конкретность законов диалектики, что они существуют не в чистом виде, а в реальных объектах и только в них; и, в-третьих, изучение форм проявления может уточнить понимание существующих законов.

---

[21] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 54—55.

Однако некоторые авторы эту правомерную в принципе постановку вопроса доводят до абсурда. Подобная ситуация возникает тогда, когда при изучении форм проявления законов диалектики в той или иной сфере действительности предпринимаются попытки изменить содержание законов диалектики. При этом договариваются до того, что тот или иной закон диалектики становится явно не похожим на закон в его изначальном значении, как он был сформулирован в классической философии и интерпретирован в марксизме-ленинизме. Особенно это проявляется при анализе форм проявления законов диалектики в общественной жизни. Выше уже говорилось о том, какие иногда метаморфозы происходят с законом единства и борьбы противоположностей, когда рассматривают его действие в условиях империализма и в условиях социализма. Закон единства и борьбы противоположностей в истолковании некоторых авторов то превращается в закон борьбы противоположностей без их единства в условиях империализма, то в закон, из которого исчезают и противоположности и борьба, а остается лишь единство. Ведь при рассмотрении форм проявления законов диалектики в условиях социализма встречаются, например, такие взгляды, когда наличие противоречий признают, а наличие противоположностей, их борьбы отрицают.

На симпозиуме по современным проблемам материалистической диалектики, проходившем в Москве в апреле 1965 года, Ц. А. Степанян говорил: «Применять к новому обществу старые формулы о раздвоении единого на взаимоисключающие противоположности — значит увековечить старые формулы и не видеть новое социальное содержание общественного развития, которое характерно для эпохи перехода от социализма к коммунизму». «При социализме, — продолжал он, — противоречия перестают приобретать форму борьбы взаимоисключающих социальных противоположностей, все определенней становясь столкновением различных внутренне связанных сторон и тенденций единого общественного организма» [23].

Выходит, что противоречия при социализме существуют, а противоположностей, их борьбы уже не существует. Однако известно, что противоречие состоит из противоположностей, а где нет противоположностей, там нет

---

[23] «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 148.

и противоречия. Довольно странная получается специфика проявления у закона единства и борьбы противоположностей в условиях социализма, когда из его содержания выпадают самые существенные элементы, без которых, собственно, нет и закона.

Или другой пример. При рассмотрении специфики проявления закона перехода количества в качество в условиях социализма утверждают, что скачки здесь носят постепенный характер. Причем это не мешает некоторым авторам тут же утверждать, что и вода может превращаться в пар с помощью «постепенного» скачка. Спрашивается, где же в таком случае специфика проявления этого закона в условиях социализма, если и вода может превращаться в пар с помощью «постепенного» скачка?

Выше мы уже высказали свое мнение о «постепенных» скачках. Рассуждения о том, что специфика проявления закона перехода количества в качество в условиях социализма выражается в постепенном характере скачка, также ставят вопрос об изменении содержания этого закона, чего вообще не может происходить ни с каким законом. Содержание закона всегда при всех условиях остается одним и тем же, независимо от того, в каких формах проявляется это содержание.

На этом же симпозиуме Г. М. Штракс, рассматривая специфику проявления законов диалектики в условиях социализма, высказал мысль о том, что «изменение социальной жизни обусловливает изменение содержания и форм проявления законов диалектики», и о том, что существуют различные «типы диалектики»[24]. О двух типах объективной диалектики говорил и В. П. Рожин. Выражая несогласие с концепцией двух типов диалектики, В. П. Чертков заметил, что если последовательно развить точку зрения о том, что существуют различные типы диалектики, то придется отрицать всеобщность законов диалектики[25].

Из сказанного следует, что вопрос о формах проявления законов диалектики является предметом дискуссии и требует к себе пристального внимания. В своей общей постановке он имеет значение и для данной работы, так как мы далее собираемся вести речь также о формах проявления законов диалектики, но применительно к познанию.

---

[24] «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 150.
[25] Там же, стр. 143.

Для исследования вопроса о специфике проявления законов диалектики прежде всего следовало бы определить смысл этого понятия. Однако о специфике проявления законов диалектики, обычно говорят и пишут как о чем-то само собой разумеющемся. Смысл этого понятия не определен и он явно расплылся, особенно в связи с анализом действия законов диалектики в общественной жизни, так как в некоторых работах просто говорится о действии законов диалектики в общественной жизни и это называется спецификой; в других работах делаются попытки внести в содержание законов диалектики нечто специфическое от каждого анализируемого предмета, и это тоже называется спецификой.

Совершенно бесспорно, что ни один закон, в том числе и закон диалектики, не существует в чистом виде: он существует в реальных объектах и благодаря им. В этом смысле, обычно, и говорят о том, что действие закона проявляется в данных объектах. Причем объекты, в которых проявляется действие закона, отличаются друг от друга. Эти отличные друг от друга объекты, в которых проявляется действие закона, и есть формы его проявления. Так, закон всемирного тяготения проявляется во взаимодействии между Землей и Луной; он проявляется и между любыми двумя различными телами, находящимися на Земле, и т. д.

Все это различные формы проявления действия одного и того же закона. Однако при всем различии форм, в которых проявляется действие этого закона, он не перестает быть самим собой. Нельзя себе представлять дело таким образом, что, проявляясь в одном объекте, действие закона носит один характер, проявляясь в другом объекте,— другой характер. В действительности же характер действия закона, его содержание, всегда остается одним и тем же неизменным. Однако форма, в которой проявляется это содержание, каждый раз различна, так как различны объекты, в которых проявляется действие закона. Это и понятно. Если бы закон каждый раз, проявляясь в объекте, отличном от другого, менял свое содержание, то он утратил бы свою всеобщность и перестал быть законом. Ведь «закон есть прочное (остающееся) в явлении»; «закон — идентичное в явлении» [26], тождественное, одинаковое. В этом суть любого закона.

[26] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 136.

Значит, существует закон, который характеризуется определенным содержанием, и существует форма, в которой проявляется это содержание. Хотя содержание закона и проявляется в той или иной форме, и вне формы проявления ни один закон не существует, однако, содержание закона и форма его проявления — это не одно и то же. Больше того, иногда форма проявления так отличается от закона, что мистифицирует его содержание. Ведь известно, что стоимость создается общественно-необходимым трудом. А эта фундаментальная закономерность экономической жизни в такой форме своего проявления, как банковский капитал, выглядит таким образом, будто стоимость создает стоимость, так как на капитал, находящийся в банке, идут проценты.

При рассмотрении проблемы специфики проявления законов диалектики не всегда учитывается то обстоятельство, что закон и форма его проявления это не одно и то же; часто о них рассуждают как о вещах тождественных. Отсюда и возникают ошибочные представления, которые приводит тех, кто занимается изучением форм проявлений законов диалектики, к тому, что они начинают пытаться коренным образом изменить содержание этих законов.

Гносеологическая природа этой ошибки состоит именно в том, что исследователи не проводят различия между законом и формой его проявления. Раз формы есть проявление закона, то они некоторые черты формы и включают в содержание закона и тем самым как бы «развивают его дальше». На самом же деле какой-бы необычайной и оригинальной ни была форма проявления, она не изменяет содержания закона. Нельзя особенности формы проявления, ее специфические черты включать в содержание закона.

Если нельзя особенности форм проявления, их специфические черты вносить в содержание закона, то это не означает, что при изучении форм проявления не может быть уточнено содержание закона. Исследование форм проявления законов диалектики может уточнить понимание того или иного закона, раскрыть какие-то новые моменты в его содержании. Причем эти уточнения, обогащающие содержание диалектических законов, должны носить всеобщий характер. Изучение законов диалектики на любом конкретном материале есть раскрытие того общего, что есть и в природе, и в обществе, и в мышле-

нии. «Диалектика буржуазного общества у Маркса,— писал Ленин,— есть лишь частный случай диалектики»[27]. Это же относится и к диалектике социалистического общества. Однако уточнение содержания закона на основе изучения форм его проявления не изменяет коренным образом его содержания. Всякий закон (не только закон диалектики) имеет вполне определенное содержание. Это содержание обладает устойчивостью и постоянством.

Как уже говорилось, формы, в которых проявляются законы диалектики, различаются между собой. Каждая из них имеет свои специфические особенности, которые связаны с природой того или иного предмета, с его сущностью. Так, например, различаются между собой формы движения материи; формы общественной жизни отличаются от форм природы; формы познания отличаются от форм бытия и т. д. Во всех этих формах и проявляется действие законов диалектики.

В природе, а также большей частью и в человеческой истории законы диалектики пролагают себе дорогу бессознательно, в форме внешней необходимости, среди бесчисленного ряда случайностей. И это объясняется характером тех форм, которые имеют место в природе и человеческой истории. Когда же в человеческой истории появляется такая форма общественной жизни, как социализм, законы диалектики начинают сознательно использоваться людьми. Это выражается в том, что люди, осознав действие этих законов в общественной жизни, приступают к тому, чтобы сознательно создавать формы общественной жизни. Это сознательное творчество форм общественной жизни основано на знании законов диалектики, что, однако, не значит, конечно, что в условиях социализма уже не имеют места действия, не основанные на законах диалектики. В данном случае мы как раз имеем дело с такой формой проявления законов диалектики, которая отличается от форм проявления этих законов как в природе, так и в обществе до появления социализма.

Человеческая же голова может применять законы диалектики, как отмечал Энгельс, сознательно. Осознав тот факт, что человеческое познание совершается по законам диалектики, мы можем всю свою дальнейшую познавательную деятельность строить на основе законов диалек-

---

[27] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 318.

тики. Это есть также особая форма проявления законов диалектики.

Законы диалектики, конечно, могут и бессознательно пролагать себе дорогу в познании. Это бывает тогда, когда исследователь, не осознавая того факта, что его мышление подчиняется законам диалектики, стихийно мыслит диалектически.

Исходя из сказанного можно сделать вывод: специфика проявления законов диалектики не означает того, что в природе, например, закон перехода количества в качество действует в известном определенном содержании, а в условиях социализма (в связи со сложностью общественной жизни) содержание его расширяется, что в нем появляются какие-то новые элементы, которых не было раньше. И в условиях социализма закон перехода количества в качество остается в том же своем содержании, что и в природе, его содержание не расширяется и не сужается. Поэтому, когда возникает проблема исследования специфики проявления законов диалектики в различных сферах действительности, то дело должно сводиться не к тому, чтобы показать, как изменилось содержание закона, а как в специфических формах той или иной сферы действительности эти законы проявляются.

В связи с этим, нам представляется, что точнее будет говорить не о «специфике проявления законов диалектики», а о различных формах проявления законов диалектики. Выражение же «специфика проявления законов диалектики» всегда толкает к такому пониманию, будто закон диалектики в каждом отличном объекте действует по особому, становится иным по своему содержанию. А это неправильно.

Нередко приходится слышать, что законы диалектики по-разному действуют в различных сферах действительности. Но раз закон по-разному действует в различных сферах действительности, то значит, и его содержание каждый раз изменяется. Ведь действие закона как раз и составляет его содержание. Но закон всегда остается неизменным по своему содержанию, меняются только формы его проявления. Тут даже не совсем точно будет сказать, что закон по-разному проявляется, так как и в этом выражении иногда заключается тот смысл, что он по-разному действует. Точнее сказать: закон проявляется в различных формах, а не по-разному проявляется.

Несколько слов о своеобразии форм познания, в которых проявляется действие законов диалектики. Материалистическая диалектика исходит из того положения, что как содержание познания, так и его формы являются отражением внешнего мира. Объективность содержания не требует особых доказательств, что касается форм, то здесь дело обстоит несколько сложнее. Формы в любом индивидуальном акте познания выступают как нечто заранее сложившееся. Это вызывает иллюзию, будто они априорны. На самом же деле и формы познания есть не что иное, как отражение реальных отношений вещей. Так, например, существует такая форма мышления, как силлогизм. Она является отражением реальных отношений вещей. В мире вещей существует следующее реальное отношение: тот признак, который присущ классу вещей, присущ и каждому предмету этого класса. Это реальное отношение и породило такую форму мышления, как силлогизм. Иначе говоря, силлогизм, как форма мышления, является отражением этого реального отношения.

Но каким же образом реальное отношение вещей породило силлогистическую форму мышления? Вследствие чего объективное отношение вещей превратилось в один из фундаментальнейших устоев нашего мышления?

Люди подметили, что признак, присущий классу, присущ и каждому предмету этого класса. Расширение сферы познания привело к убеждению, что так дело обстоит всегда и везде. Это знание, в силу своего аксиоматического характера, превратилось в структурную единицу мышления, в его важнейшую форму. Затем уже, независимо от конкретного содержания, люди всегда и везде стали умозаключать подобным образом. Так возникла силлогистическая форма мышления, которая является отражением объективного отношения, существующего в действительности. Подобным образом сложились и многие другие формы мышления, а затем, как следствие этого процесса, и структура мышления в ее теперешнем состоянии.

То обстоятельство, что формы познания являются не чем иным, как отражением реальных отношений вещей, не снимает вопроса о их своеобразии. Напротив, хотя такие формы мышления, как суждение, умозаключение, понятие и т. д., и сложились в результате отражения объективных отношений вещей, но во внешнем мире независимо от человека и его мозга не существует ни суждений, ни

умозаключений, ни понятий и т. д. Все это специфические формы познания, качественно отличающиеся от форм природы и общества.

В связи со сказанным, следует обратить внимание на то, что в нашей литературе не всегда проводится различие между формами познания и законами, которым подчиняется движение познания в этих формах. Нередко случается так, что формы познания выдаются за законы познания. Так, например, познание мира в чувственной и логических формах, анализ и синтез некоторые авторы рассматривают как специфические законы познания.

Но, во-первых, еще со времен Аристотеля различают формы и законы, как элементы познания принципиально отличающиеся друг от друга. Никогда формы мышления не выдавались в логике за законы и наоборот, Сейчас же в нашей литературе и в учебной практике иногда формы мышления выдаются за законы мышления. Так, мышление оперирует такими категориями, как сущность и явление. Мышление движется от явлений к сущности и от сущности к явлениям. На основании того, что понятия в этой форме мышления существуют не изолированно друг от друга, а связаны между собой, эту форму мышления начинают трактовать как закон мышления.

Едва ли связь между понятиями может явиться основанием для превращения их в законы. Ведь в таком случае любое умозаключение можно считать законом мышления, так как в нем существует связь между посылками. Однако никто пока умозаключения не превращает в законы, ибо умозаключения — это формы мышления. Это относится и к «парным» категориям. Они являются формами мышления. А связь между ними, действительно, выражается законами. Так, движение познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям выражается законами диалектики. Здесь имеет место и переход от одного качественного уровня в развитии знаний к другому, и отрицание отрицания и т. д.

Во-вторых, когда действительно специфические формы познания, качественно отличающиеся от форм природы и общества, выдаются за законы познания, то отсюда делается вывод о наличии в познании специфических законов, которые не являются законами объективного мира. Но это противоречит принципиальному положению материалистической диалектики о тождественности законов

бытия и познания. В познании нет специфических законов, а есть специфические формы, в которых оно осуществляется. Познание подчиняется тем же законам, что и бытие, законам диалектики.

В связи с этим в нашей литературе нередко, вместо того чтобы рассматривать, как законы диалектики проявляются в специфических формах познания, исследуют совсем другие вопросы: а отражается ли диалектика вещей в наших понятиях, суждениях и умозаключениях. Так, ставится, например, вопрос: отражают ли понятия движение во внешнем мире или нет? Или они отражают только устойчивость в вещах?

Само собой разумеется, что понятия отражают не только устойчивость в вещах, но и развитие. Содержание понятий изменяется в результате изменения предметов, а также углубления знаний об объективной действительности. Если бы этого не было, то люди просто не могли бы жить в нашем вечно изменяющемся мире. Однако логическая проблематика состоит не в том, что отражают и чего не могут отразить формы мышления во внешнем мире. Они в принципе могут все отразить. Задача логики состоит в том, чтобы раскрыть своеобразие форм мышления, изучить всеобщие формы, в которых осуществляется познание в любой отрасли знания, независимо от конкретного содержания, а также проанализировать, каким законам подчиняется движение познания в этих формах, а не рассматривать содержание этих форм. Логику интересует не то, что отражается, а то, как отражается. «Логика,— писал В. И. Ленин,— есть учение о познании. Есть теория познания... Тут *действительно*, объективно **три** члена: 1) природа; 2) познание человека, = **мозг** человека (как высший продукт той же природы) и 3) форма отражения природы в познании человека, эта форма и есть понятия, законы, категории etc» [28]. Вот эта форма отражения как раз и интересует логику.

Диалектическая логика рассматривает формы познания, отвлекаясь от их содержания. Она раскрывает специфику этих форм и законы, по которым происходит движение познания в этих формах.

---

[28] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 163—164.

Глава третья

ПРОТИВОРЕЧИЕ — ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ ПОЗНАНИЯ

Возникновение познавательного образа предмета, как мы уже говорили, связано с развитием познания от опытного знания к теоретическому знанию, от абстрактного к конкретному. Оно связано также с переходом от форм чувственного познания к логическим формам и с оперированием логическими формами. Все это различные аспекты одного и того же единого процесса познания.

Отвлекаясь от многих деталей этого сложного процесса, можно сказать, что он каждый раз направлен на какой-то определенный предмет. Мы изучаем предмет, а результатом этого изучения является его образ, возникающий в человеческой голове. Предмет и образ — это основные элементы познания, взятого в самом общем виде. И здесь уже не трудно усмотреть действие закона единства и борьбы противоположностей. Предмет, с одной стороны, и возникающий в человеческой голове его образ, с другой,— это две противоположности единого процесса познания: предмет есть нечто материальное, а образ — отражение материального; образ — это идеальное. Обе эти противоположности находятся в единстве. Познание есть отношение этих противоположностей; оно соединяет их в единство. Познание, по мысли В. И. Ленина, соединяет природу и человека, а не разъединяет их, как это утверждал Кант. Познание так соединяет предмет и образ, что образ в процессе познания, являясь отражением предмета, обогащается за счет предмета. Кант же полагал, что образ есть продукт чисто субъективной деятельности. Естественно, поэтому у него познание разъединяет чело-

века и природу. Познавая, человек, по Канту, как бы уходит в себя, удаляясь все дальше и дальше от предмета. Таков идеалистический взгляд немецкого философа на познание, отрицавшего возможность познания природы. Обратив внимание на то, что предмет и образ — это противоположности, Кант упустил при этом из виду, что это противоположности единого процесса, что познание их соединяет.

В отличие от кантовской философии диалектический материализм рассматривает предмет и образ как противоположности единого процесса. Образ есть отражение предмета. Причем вне познания данные противоположности не существуют. Это, разумеется, не означает, что предмет не существует вне познания, вне его отношения к образу. Любой предмет существует объективно, независимо от сознания людей и в этом смысле вне его отношения к образу. Однако только в познании он начинает выступать как противоположность образу.

Познание — это вечное противоречие предмета и образа, противоречие, которое не стоит на месте, а все время претерпевает изменения. В этом противоречии изменяется буквально все. Во-первых, по мере изучения предмета, изменяется образ; во-вторых, изменяется и сам предмет, так как ни в природе, ни в обществе нет ничего неизменного; в-третьих, изменяется в связи с этим и отношение между образом и предметом. Тенденция изменения в характере отношения между образом и предметом состоит в том, что образ развивается в направлении все большего и большего совпадения с предметом. Однако полного совпадения их никогда не произойдет. И, наконец, в-четвертых, предмет и образ представляют собой такое единство, стороны которого взаимодействуют между собой, влияют друг на друга. Образ возникает под влиянием предмета внешнего мира, воздействующего на органы чувств человека. Это основная посылка материализма в теории познания. Но образ в свою очередь оказывает обратное воздействие на предмет, правда, не так, как это понимал Кант. На возникающий в сознании человека образ оказывает влияние не только изучаемый предмет, но и весь предшествующий запас знаний и опыта, а также те формы познания, которыми пользуется при этом исследователь. Это именно и свидетельствует об активной роли субъекта в познании. Однако сразу же заметим, что эти факторы не равнознач-

ны. Основным, определяющим фактором является воздействие предмета, так как, в конечном счете, то, что идет от субъекта при возникновении образа — все это само когда-то возникло на протяжении веков и тысячелетий под влиянием внешнего мира.

Образ возникает под влиянием предмета, который оказывает непосредственное воздействие на сознание. Образ же не оказывает непосредственного воздействия на предмет. Его воздействие на предмет опосредствовано практикой людей. Чем совершеннее образ, тем с большим успехом люди, опираясь на этот образ, могут практически воздействовать на предмет, изменяя и приспособляя его к своим нуждам. Значит, в конечном счете, и образ воздействует на предмет, только это воздействие опосредствовано практикой людей. Предмет и образ взаимодействуют в ходе познания и практики.

Противоречие между предметом и образом приводит познание в движение. Заключается это в следующем: овладевая тем или иным предметом и стремясь заставить служить его своим целям, люди в ходе практической деятельности обнаруживают несовершенство образа. Попросту говоря, образ на определенной ступени развития производственной деятельности людей перестает удовлетворять запросам практики. Практика требует, чтобы люди знали о предмете больше того, что они знают, т. е. чтобы образ был более совершенным, чем он есть. А когда возникает такое противоречие, тогда усилия людей направляются на преодоление его. В результате образ углубляется, совершенствуется. А затем возникают все новые и новые противоречия между предметом и образом. В ходе познания они разрешаются. Постоянное возникновение и разрешение противоречий ведет познание вперед. Без этих противоречий не было бы движения в познании, да строго говоря, не было бы и самого познания.

Однако рассмотрим несколько подробнее и конкретнее процесс формирования познавательного образа. Для того, чтобы возник такой образ, отображающий предмет более или менее глубоко, познание должно пройти путь от явлений к раскрытию сущности предмета и от сущности предмета к объяснению явлений.

Спрашивается, подчиняется ли этот процесс развития образа предмета действию закона единства и борьбы противоположностей?

Движение познания от явлений к сущности связано с раздвоением предмета на противоположности: явление и сущность. Исследователь, раздваивая предмет на эти противоположности, выделяет сущность в предмете, его внутреннюю основу и отвлекается от всего внешнего, непосредственно являющегося, для того, чтобы основательнее изучить сущность в предмете. Это раздвоение предмета приводит к тому, что возникают два образа одного и того же предмета: образ предмета, фиксирующий явления, и образ предмета отображающий сущность. Поскольку явления не совпадают с сущностью, постольку возникают противоположные образы предмета, что и свидетельствует о возникновении противоречия в познании.

После того, как раскрыта сущность предмета, необходимо объяснить явления. А это означает, что исследователь соединяет противоположности, синтезирует их. В результате вместо двух противоположных образов предмета возникает единый образ предмета, отображающий предмет, как со стороны его сущности, так и со стороны явлений. Тем самым и разрешается противоречие, возникшее в познании.

Значит, процесс формирования познавательного образа, связанный с движением познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям, есть возникновение и разрешение противоречий. Раздвоение предмета на противоположности ведет к возникновению противоречия в познании. Соединение этих противоположностей разрешает возникшее противоречие. Если на первой стадии предмет выступает перед исследователем, как обладающий противоположными сторонами (явлением и сущностью), то на второй стадии предмет начинает выступать, как воплощение единства этих противоположностей, ибо явления получают объяснение на основе сущности. В возникновении и разрешении противоречий как раз и проявляется действие закона единства и борьбы противоположностей в познании. Процесс формирования познавательного образа подчиняется этому закону.

В этой связи необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство. В. И. Ленин писал: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики» [1].

---

[1] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 316.

Это высказывание, обычно комментируется таким образом, что раздвоение единого и познание противоречивых частей его, собственно, и есть не что иное, как действие закона единства и борьбы противоположностей в познании. Больше того, некоторые авторы в этом раздвоении единого даже усматривают какую-то специфику действия этого закона в познании. Но это не совсем так. В данном случае речь идет об анализе как одной из форм движения мышления. Без анализа, который и есть не что иное, как раздвоение единого, невозможно познать любой предмет, в том числе и противоречия, заключенные в нем. Причем анализ не является формой движения мышления, созданной специально для познания только противоречий.

Но в чем же в таком случае состоит действие закона единства и борьбы противоположностей, если не в раздвоении единого на противоположности? Оно состоит в том, что раздвоение предмета на противоположности приводит к возникновению двух противоположных образов предмета. Это возникающее противоречие в познании и свидетельствует о действии закона единства и борьбы противоположностей в познании.

Значит, действие этого закона состоит не в раздвоении единого, ибо раздвоение единого есть анализ предмета, а в том, что анализ приводит к возникновению противоречия в познании, которое и вынуждает познание развиваться дальше, т. е., что анализ, как форма движения мышления, подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей.

Раздвоение единого и закон единства и борьбы противоположностей — это не одно и то же, хотя они и связаны между собой. Раздвоение единого — это анализ, определенная форма движения мышления, а закон единства и борьбы противоположностей есть тот закон, по которому осуществляется движение в этой форме мышления.

Далее соединение этих противоположностей в единство приводит к разрешению возникшего противоречия в познании. Это тоже проявление действия закона единства и борьбы противоположностей в познании. Оно свидетельствует о том, что и синтез, как форма движения мышления, также подчиняется действию этого же самого закона.

Таким образом, процесс познания, который осуществляется в таких его формах, как анализ и синтез, совер-

шается по закону единства и борьбы противоположностей. Его действие выражается в возникновении и разрешении противоречий в познании.

Что же касается того, что в результате раздвоения предмета на противоположности и их соединении иногда мысленно воспроизводятся реальные противоречия, то — это уже совершенно другой вопрос, вопрос о том, как познаются реальные противоречия, а не вопрос о том, каким законам при этом подчиняется движение форм мышления.

Действительно, с помощью анализа и синтеза мысленно воспроизводятся реальные противоречия. При этом надо иметь в виду следующее. Исследуя противоречие, наука каждый раз познает разное по своему конкретному содержанию противоречие. Но в этом разном всякий раз есть нечто общее: объективная реальность вынуждает мысль двигаться по пути раздвоения предмета на противоположности, а затем синтезировать эти противоположности в единство.

Процесс формирования познавательного образа связан с развитием от опытного по форме знания к теоретическому и от абстрактного к конкретному. Опытное знание и теоретическое, абстрактное, и конкретное возникают на основе движения познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям. Поэтому когда речь идет о том, что движение познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей (о чем уже говорилось выше), то это относится и к процессу развития от опытного знания к теоретическому, от абстрактного к конкретному. Ведь когда наука раздваивает предмет на явление и сущность и возникает два различных образа предмета, то это, по существу, и есть противоречие между опытным знанием и теоретическим.

Когда же наука приходит к синтезу сущности и явлений и возникает единый образ предмета, то это, по существу, и есть разрешение противоречия между опытным знанием и теоретическим.

Рассматривая действие закона единства и борьбы противоположностей в ходе развивающегося знания, обратим внимание еще на ряд важных гносеологических моментов этого процесса.

Во-первых, опытное знание, как известно, получается с помощью наблюдения и эксперимента В этих формах

опытного знания также проявляется закон единства и борьбы противоположностей. Ведь известно, что ни наблюдение, ни эксперимент никогда не существуют в чистом виде. И наблюдение и эксперимент всегда направляются мышлением, хотя и наблюдение и эксперимент и есть то, что происходит непосредственно перед глазами исследователя. Это значит, что и в наблюдении и в эксперименте чувственное и рациональное, как противоположности, даны в единстве. И вне этого единства противоположностей нет ни наблюдения, ни эксперимента.

Во-вторых, факт, как момент познания, также противоречив в своей основе. С одной стороны, факт есть объективная реальность; с другой,— это та часть объективной реальности, которая получила отражение в сознании людей. Факт, следовательно, есть единство объективного и субъективного. Если нет какой-то одной из этих противоположностей, нет, собственно, и факта как явления гносеологического порядка. Факт, как противоречие объективного и субъективного, находится в процессе изменений, которое выражается в том, что знания о предмете развиваются, а, следовательно, и факт, как знание о предмете, не остается неизменным. Противоречие знания и предмета и вынуждает факты изменяться.

Метафизический материализм, который не учитывал важной роли субъекта в познании, не видел, что факт есть единство объективного и субъективного. Факты для такого материалиста — это объективная реальность, да и только, при этом — нечто статичное, лишенное какого бы то ни было развития. Факт рассматривался им как явление совпадающее по своему смыслу с предметом, частью объективной реальности.

В-третьих, и в такой форме научного знания, как проблема, также находит свое проявление закон единства и борьбы противоположностей. Ведь проблемная ситуация возникает тогда, когда наука располагает определенными фактами, но когда она еще не дала им объяснения, иначе говоря, когда известны явления, но пока не понята их сущность. Проблема есть единство противоположностей (явления и сущности), которое не остается неизменным. Это противоречие развивается. Постановка проблемы, намечающееся ее решение, частичное решение, и, наконец, решение — все это стадии в развитии противоречия, которое составляет суть такой формы научного знания, какой

является проблема. Ибо на всех этих стадиях, наука с различной степенью проникает в сущность изучаемого предмета. При постановке проблемы есть лишь необходимость проникновения в сущность предмета, но сущность остается пока неизвестной. Намечающееся решение связано с наличием гипотетического предположения, идеи, на основе которой могут быть поняты явления. И, наконец, решение проблемы связано с тем, что познана сущность явления. Таким образом, и здесь налицо единство противоположностей, противоречие в познании, которое проходит ряд стадий в своем развитии.

Проблемная ситуация в науке возникает и тогда, когда уже существует теория предмета, но практика обнаружила новые явления, которые не могут быть поняты с помощью имеющейся теории. Тогда и возникает проблема: объяснить эти явления. «Мы никогда не должны забывать,— пишет Луи де Бройль,— (история наук это доказывает), что каждый успех нашего познания ставит больше проблем, чем решает, и что в этой области каждая новая открытая земля позволяет предполагать о существовании еще неизвестных нам необъятных континентов» [2].

Так, например, волновая теория объясняла многие явления света. Однако было обнаружено еще одно явление — фотоэлектрический эффект, который оказался необъяснимым с точки зрения этой теории. Согласно волновой теории с возрастанием интенсивности потока света должна была возрастать энергия выбиваемых электронов из металла. Этого не происходило в фотоэлектрическом эффекте. Все вылетаемые электроны имели одинаковую скорость и энергия не возрастала с возрастанием интенсивности света. Это была проблемная ситуация в науке.

Иными словами, проблема возникает в связи с тем, что исследователь, опираясь на достигнутый уровень в развитии знаний, замечает их несовершенство, что связано с обнаружением каких-то новых явлений, которые не укладываются в рамки существующих знаний. Проблема есть противоречие знаний с действительностью. Это противоречие есть в то же время противоречие между теорией и опытом, так как существующие знания выражены в теории, а действительность дана в опыте. В проблеме в данном случае уже имеет место не просто противоречие меж-

---

[2] Луи де Бройль. По тропам науки. М., 1962, стр. 317.

ду явлением и непознанной сущностью, но противоречие между знанием и незнанием в пределах в какой-то мере познанной сущности. Раз существует теория предмета, то уже какие-то стороны его сущности известны. И если новые явления не могут быть объяснены с помощью известного в сущности, значит, в ней что-то неизвестно. Это противоречие известного и неизвестного в сущности и приводит в движение знание.

Таким образом, во всех этих гносеологических явлениях не трудно усмотреть действие закона единства и борьбы противоположностей.

Выше говорилось о возникновении и разрешении противоречий между различными формами знаний, поскольку проникновение в сущность предмета связано с возникновением двух различных образов предмета: образа, полученного в опыте и отражающего явления, и образа теоретического, раскрывающего его сущность. В то время как объяснение явлений связано с разрешением этого противоречия, так как возникает единый теоретический образ предмета, отражающий сущность и явления. Однако все это будет возникновение и разрешение противоречий, если можно так выразиться, «внутри» знаний, противоречия между различными его видами. Однако это только одна сторона дела. Другой стороной дела является то обстоятельство, что противоречия между различными видами знаний возникают потому, что знания, развиваясь, постоянно вступают в противоречие с практикой. И как раз противоречия между различными видами знаний есть лишь форма проявления противоречий между различными видами знаний и практикой.

В противоречие с практикой вступает как опытное, так и теоретическое знание. Возникновение и разрешение этих противоречий и есть источник развития познания. «*Отражение* природы в мысли человека,— замечает В. И. Ленин,— надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их» [3–4].

Уже в самом начале процесса познания возникает следующее противоречие. Опытное знание, отражающее лишь явления, часто вступает в противоречие с развива-

[3–4] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 177.

ющейся практикой. Так, мы уже говорили о том, что Земля в непосредственном наблюдении кажется людям плоской. Такого мнения и придерживалось человечество в течение длительного времени относительно ее формы. Но вот это опытное знание пришло в противоречие с развивающейся практикой, когда люди стали совершать кругосветные путешествия. Стало ясно, что опытное знание не заключает в себе истинного представления о форме Земли [5].

Встал вопрос о пересмотре этих представлений. И когда пересмотр этих представлений произошел, возникло истинное представление о форме Земли, связанное с раскрытием действительной сущности изучаемого предмета. Противоречие между знанием и практикой было разрешено. Оно было разрешено самим ходом развивающегося знания, благодаря тому, что знание поднялось на новую, более высокую ступень в своем развитии.

Учитывая данные практики, наука перешла от опытного знания, отражавшего лишь явления, к знанию теоретическому, отражающему сущность предмета [6]. При этом важно заметить, что именно противоречие между опытным знанием и практикой явилось тем стимулом, благодаря которому совершалось это движение в познании предмета. Если бы не было этого противоречия, то не было бы и движения в познании предмета, его развития.

Иногда приходится слышать, что практика движет развитием знаний. Знания, разумеется, развиваются не ради знаний, а, в конечном счете, ради практики. И в этом смысле практика движет их развитием. Однако выражение «практика движет развитием знаний» требует и некоторого уточнения. Практика в том смысле движет развитием знаний, что она, развиваясь, время от времени всту-

---

[5] В наши дни, как известно, появилась возможность непосредственно наблюдать за формой Земли, что и делают космонавты. Раньше же заключение о шарообразности Земли являлось результатом лишь теоретических выкладок, как это было, например, у Аристотеля.

[6] Субъективные идеалисты, заметив противоречие между опытным знанием и действительностью, не могут понять, что возникновение этого противоречия в познании вещь необходимая, что за возникновением его необходимо следует и его преодоление. Они рассуждают часто метафизически: раз существует противоречие между опытным знанием и действительностью, значит мир не познаваем. На самом же деле из первой мысли никак не следует вторая.

пает в противоречие со сложившимся уровнем знаний. Поэтому вернее будет сказать, что противоречие между знанием и практикой приводит в движение знания, а не просто практика, как таковая.

Противоположности в рассматриваемом противоречии явно не равнозначны. Знания развиваются под определяющим влиянием практики. Практика вызывает к жизни идеи. И «практикой своей,— замечает В. И. Ленин,— доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний, науки». Поэтому «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания»[7]. Практика — первична, а знание — вторично. Но все это, разумеется, не отменяет положения о том, что именно возникающее противоречие между знанием и практикой приводит в движение знания, служит источником их развития.

Практика, как и знание, никогда не стоит на месте. Иногда возникает такое положение, когда практика уходит вперед, а теория начинает отставать от практики, от ее возросших запросов. Возникает противоречие между теоретическим знанием и практикой. Это противоречие между теоретическим знанием и практикой и заставляет науку двигаться дальше: переходить от одних теоретических взглядов к другим, более глубоким по своему существу.

Известно, что в свое время марксизм исходил из того, что социалистическая революция возможна одновременно в ряде стран. Это соответствовало тем историческим условиям, в которых был сделан данный вывод. Однако жизнь шла вперед. Общественное развитие привело к необходимости в XX в. сделать иной вывод: социалистическая революция возможна в одной стране и невозможна в ряде стран ввиду неравномерности развития капитализма. К этому заключению и пришел В. И. Ленин. Так противоречие между теоретическим знанием и практикой явилось стимулом дальнейшего развития марксизма. Изменения в мире, превращение домонополистического капитализма в монополистический вызвали дальнейшее развитие теории социалистической революции. Теория социалистической революции, какой она была во времена Маркса, пришла в противоречие с общественной практикой в XX в. Заботясь

[7] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 146.

о связи марксистской теории с жизнью, В. И. Ленин своевременно разрешил это противоречие. Теория социалистической революции была развита дальше и приведена в соответствие с практикой, с ходом общественного развития в новую историческую эпоху.

Как уже говорилось, теоретическое знание, возникнув на первых порах, носит абстрактный характер. Это — знание сущности предмета, отвлеченно от явлений. А так как непосредственно практически люди имеют дело с явлениями, то, вполне естественно, что абстрактное знание вступает в противоречие с практикой. Когда же явления становятся истолкованными и понятыми в свете познанной сущности предмета, знание из абстрактного превращается в конкретное. И этим ходом развития знаний разрешается возникшее противоречие.

Значит, не только опытное, но и теоретическое знание вступает в противоречие с практикой. Противоречия, которые постоянно возникают между знанием и практикой, а затем и разрешаются, являются источником развития знаний вообще. «Для настоящего теоретика,— пишет М. Планк, — ничто не может быть интереснее, чем такой факт, который находится в прямом противоречии с общепризнанной теорией: ведь здесь, собственно, начинается его работа» [8]. Противоречия — вечный корень жизненности знаний, их бесконечного развития и совершенствования.

Рассматривая вопрос о развитии форм знания и о тех противоречиях, в которые вступает знание с практикой, мы, по существу, каждый раз ставили вопрос о том, а соответствуют ли знания действительности? И в этом развитии форм знания были периоды, когда знания соответствовали действительности. Затем практика уходила вперед, раскрывая какие-то новые стороны действительности, и знания вступали в противоречие с практикой. Возникновение противоречия между знанием и практикой свидетельствовало о их несоответствии с действительностью. Когда же возникшее противоречие между знанием и практикой разрешалось, наступал снова период соответствия знаний с действительностью.

О чем все это свидетельствует? Какие выводы можно сделать из всей этой истории развития форм знания?

---

[8] М. Планк. Физические очерки, М., 1925, стр. 56.

Первый вывод — это признание относительного характера практики, выяснение того, что практика не есть что-то раз и навсегда данное и неизменное. Она все время находится в процессе развития. И если сегодня, с точки зрения практики, те или иные знания находятся в соответствии с действительностью, то может быть завтра, в связи с развитием практики и открытием каких-то новых сторон в действительности, эти знания станут не соответствовать действительности. Это, конечно, не значит, что все в этих знаниях уже никуда не годится. Они содержат в себе моменты и соответствующие действительности. Поэтому точнее будет сказать так, что эти знания не совсем правильно отражают действительность. Это несоответствие знаний с действительностью возникло потому, что в процессе практики раскрылись какие-то новые стороны действительности, которые еще не получили отражения в знаниях. Когда же эти новые стороны в действительности получат свое отражение в знаниях, тогда будет разрешено противоречие между знанием и практикой, и знания снова придут в соответствие с действительностью.

Второй вывод — это уяснение того, что знание содержит в себе как элементы соответствия с действительностью, так и элементы несоответствия с действительностью. Причем возникающее несоответствие преодолевается ходом развития познания. А это, в свою очередь, значит, что и знание тоже носит относительный характер.

Третий вывод: когда мы говорим, что практика уходит вперед, раскрывая какие-то новые стороны действительности, то это означает, что существующие знания вступают в противоречие с действительностью, причем противоречие знаний и практики является в то же время и противоречием «внутри» знаний. Ведь что значит практика уходит вперед, раскрывая какие-то новые стороны в действительности? Это значит, что возникает какое-то новое знание, порождаемое в процессе практики. Непосредственно же практически возникает опытное знание. И вот между ним, опытным знанием, и существующим научным знанием и возникает противоречие. А так как наука по преимуществу — это теоретическое знание, то и выходит, что противоречие знания и практики является в то же время, как правило, противоречием между теоретическим и опытным знанием. Опытное знание, порожденное практикой, обусловливает развитие и совершенствование теоретического

знания. Следовательно, противоречие «внутри» знания есть производное от противоречия между знанием и практикой.

Таким образом, в результате противоречий, постоянно возникающих и разрешаемых между знанием и практикой, а также между различными видами знаний, и развивается познавательный образ.

Рассматривая формирование познавательного образа как результат развития знаний, нельзя не остановиться на вопросе об истине.

Истина, как известно, есть такое содержание человеческих знаний, которое является адекватным отражением внешнего мира. Истина — не продукт субъективной деятельности, как это пытаются доказать идеалисты, но именно такое содержание знаний, которое, по выражению В. И. Ленина, не зависит ни от человека, ни от человечества. Оно не зависит от людей в том смысле, что это содержание знаний порождено предметом и возникло потому, что предмет обладает определенными свойствами. Однако раз истина есть определенное содержание знаний, значит вопрос о ней возникает в пределах отношения субъект — объект, когда речь идет о том, соответствуют человеческие знания действительности или нет. И вне этого отношения вопрос об истине не возникает.

В знаниях имеется такое содержание, которое является адекватным отражением внешнего мира. Это содержание В. И. Ленин называет объективной истиной, которая есть часть содержания знаний, та часть, которая соответствует предмету. Другая же часть содержания знаний может и не соответствовать предмету. Поэтому «знание» и «объективная истина» — понятия не тождественные. Всякая объективная истина есть, конечно, знание, однако не всякое знание является объективной истиной. Существует и ложное знание.

Не только знание, но и истина, как это убедительно показал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», развивается, представляет собой процесс. Спрашивается, подчиняется ли этот процесс действию закона единства и борьбы противоположностей?

Рассматривая истину как процесс, В. И. Ленин пользуется понятиями относительной и абсолютной истины. Всякое научное знание, как правило, является истиной относительной. Относительная истина — это такое знание,

в котором наряду с объективным содержанием, соответствующим действительности, имеется и содержание, которое в ходе последующего развития познания отбрасывается из-за его несоответствия действительности [9]. Содержание, не соответствующее действительности, субъективно. Оно так или иначе привнесено в образ предмета субъектом. Но субъективное содержание всегда переплетается с объективным содержанием. Субъективное вырастает на основе объективного содержания, а не самостоятельно, само по себе. Объективное содержание является гносеологической основой субъективного. В этом также и состоит возможность превращения субъективного содержания в объективное, ибо и объективное и субъективное в знаниях являются отражением одного и того же предмета.

Относительная истина есть соединение элементов объективного и субъективного содержания, которые до поры до времени неотличимы друг от друга. Это обнаруживает только последующее развитие науки. Иначе говоря, относительная истина представляет собой единство двух противоположностей: объективного и субъективного содержаний.

Логика же развития истины такова, что здесь имеет место разрешение противоречия между субъективным и объективным содержанием. В ходе познания это противоречие разрешается и вновь возникает на новой основе, так как познание есть вечное углубление в предмет, выяснение в нем каких-то новых сторон, а потому в имеющейся относительной истине снова субъективное вступает в противоречие с объективным содержанием и снова разрешается это противоречие. И так без конца. Основная тенденция развития здесь такова: субъективное по своему характеру содержание относительной истины, каким оно, по преимуществу, бывает в начале познания, в ходе развития научного знания все больше уступает место объективному. Относительная истина стремится превратиться в объективную истину. Поэтому В. И. Ленин и писал: «Совпадение мысли с объектом — есть **процесс»**. Истину, говорил он, нельзя себе представлять «в виде мертвого покоя, в виде

---

[9] Если понятия «знание» и «объективная истина» не тождественные, то понятия «знание» и «относительная истина» — понятия, совпадающие по своему содержанию.

простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения». И этот «процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и действия превращает понятия в *законченную объективность*»[10]. Это превращение субъективного содержания наших знаний в объективное есть вечный процесс, ибо никогда субъективное полностью не превратится в объективное и никогда не будет до конца разрешено между ними противоречие.

Относительная истина, стремясь превратиться в объективную истину, развивается также в направлении абсолютной истины. Абсолютная истина — это исчерпывающее знание о предмете.

Различение это правомерно в том отношении, что относительная истина заключает в себе объективное содержание, которое правильно отображает определенную сторону в предмете. Но в то же время это знание о предмете часто еще не полно, это знание всего лишь какой-то одной, определенной стороны предмета. Однако это различие довольно условно, ибо стремление относительной истины к объективности есть стремление и к полноте отображения предмета, а полнота отображения предмета сообщает относительной истине объективность. Поэтому процесс превращения относительной истины в истину объективную и абсолютную представляет собой единый процесс совпадения мысли с объектом.

Противоречие между субъективным и объективным содержанием в истине, его возникновение и разрешение и представляют собой форму проявления действия закона единства и борьбы противоположностей в познании.

Процесс формирования познавательного образа осуществляется с помощью форм чувственного и логического познания.

Чувства, как известно, отражают непосредственно являющееся в предмете, с их помощью устанавливается непосредственный контакт человека с внешним миром. В силу этой непосредственности чувства имеют дело с единичными предметами. Но это, однако, не значит, что в чувствах единичный предмет отражается уже во всем многообразии своих связей и отношений. Когда говорят о том, что

---

[10] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 177.

чувства имеют дело с единичным предметом, то имеется в виду то обстоятельство, что образ, возникающий в чувствах, относится к определенному предмету, именно к этому предмету, а не к какому-то другому. Лишь только на такой стадии чувственного познания, как представление, начинает постепенно возникать обобщенный образ, относящийся ко многим предметам. В целом же чувства имеют дело именно с единичными предметами.

Мысль же, схватывающая в предметах существенное, что не лежит на их поверхности, представляет собой опосредствованное отражение внешнего мира: существенное познается через явления. Существенное есть то, что присуще многим предметам, а не только какому-то одному предмету. Поэтому если чувства имеют дело с единичными предметами, то мысль с общим, что присуще многим предметам.

Значит, с помощью форм чувственного познания в вещах постигается непосредственно являющееся, единичное, с помощью же форм логического познания в вещах познается общее, существенное. А движение познания от явлений к сущности предмета осуществляется с помощью перехода от форм чувственного познания к логическим формам. Отсюда следует, что если движение познания от явлений к сущности предмета подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей, то это относится и к переходу от форм чувственного познания к логическим формам, ибо содержание этих форм и составляет движение познания от явлений к сущности предмета.

С помощью форм логического познания осуществляется все дальнейшее движение в познании: как проникновение в сущность предмета и ее обстоятельное изучение, так и объяснение явлений на основе познанной сущности предмета. С мышлением связан дальнейший процесс формирования познавательного образа. И тут возникает вопрос: подчиняются ли важнейшие формы логического познания действию закона единства и борьбы противоположностей?

Как известно, логическое познание осуществляется с помощью абстракций. Разумеется, и ощущения не лишены момента абстрактности, так как они представляют собой отражение какой-то одной стороны в предмете. Но этот момент абстрактного в ощущениях отличается от абстракций в мышлении. Хотя ощущения и представляют

собой отражение какой-то одной стороны предмета, но этот абстрактный образ, во-первых, отражает внешнее в предмете; во-вторых, он есть результат непосредственного контакта субъекта с предметом, он еще не оторван от предмета. Абстракция же в мышлении есть нечто оторванное от предмета. Абстракциями мышление оперирует как самостоятельными объектами. Однако вполне понятно, что эта самостоятельность носит относительный характер. Причем этот абстрактный образ часто бывает не похож на тот предмет, отражением которого он является. Абстракция в мышлении отражает сущность предмета, а непосредственно-чувственно люди имеют дело с явлениями, которые не совпадают с сущностью предмета.

И вот если проанализировать суть абстракций в мышлении, с помощью которых отражается все многообразие вещей внешнего мира, то не трудно будет обнаружить их противоречивый характер. Абстракция по своему содержанию есть отражение действительности, но такого содержания, которое заключено в абстракции в действительности в чистом виде нет. Оно существует лишь в связи со всем многообразием других свойств реального мира. Так, например, геометрическая точка есть абстракция. Этот образ является отражением действительности и служит для ее познания. Однако такого содержания, которое заключено в этой абстракции, в действительности в чистом виде не существует, ибо в действительности нет объектов, которые бы не имели ни длины, ни ширины. Все объекты реального мира имеют пространственную характеристику. Значит, абстракция есть единство действительного и не действительного, единство противоположностей. Любой мыслительный образ, поскольку особенность мышления как раз и состоит в оперировании подобного рода абстракциями, представляет собой такое единство противоположностей, единство действительного и не действительного. И в этом его суть.

Рассмотрим далее важнейшие формы мышления.

Простейшей формой движения мышления является *суждение*. Специфическая особенность этой формы состоит в том, что в суждении что-либо утверждается или отрицается о предмете. Напомним, что в каждом суждении есть субъект суждения (то, о чем идет речь); есть предикат суждения (то что высказывается о предмете); есть связка, которая характеризует связь между предметом и его свой-

ством. Это общее, что есть в каждом суждении, и что составляет его форму.

В. И. Ленин полагал, что рассмотрение диалектики вообще необходимо начать именно с этой самой простейшей формы движения мышления. «Начать с самого простого,— писал он,— обычного, массовидного etc, с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть диалектика». Эта диалектика состоит в том, что «говоря: Иван есть человек, Жучка есть собака, *это* есть лист дерева и т. д., мы *отбрасываем* ряд признаков, как *случайные*, мы отделяем существенное от являющегося и противополагаем одно другому» [11]. На самом деле, говоря, например, о каком-то нашем знакомом, которого зовут Иваном, что он есть человек, мы тем самым отделяем существенное (то, что он человек) от всего являющегося (всех других его признаков: его роста, цвета волос, глаз и т. д.) и противополагаем одно другому. Вследствие этого и возникает суждение: Иван есть человек.

Значит, суждение, даже взятое вне умозаключения, это не какая-то окаменелость, а результат движения мысли от являющегося к существенному. В нем это движение мысли заключено в снятом виде, так как в суждении представлено лишь существенное, а являющееся осталось за его пределами.

Отделение же существенного от являющегося и противополагание одного другому есть не что иное, как раздвоение единого предмета на противоположности, которое, как известно из вышесказанного, связано с возникновением противоречия в познании. Пусть в суждении, как определенном результате движения познания, это и не представлено, но возникновение суждения связано с действием закона единства и борьбы противоположностей.

Правда, исходя из формальных соображений, конечно, может быть выставлено возражение, что-де в самом суждении нет и намека ни на раздвоение предмета на противоположности, ни на противоречие. Поэтому едва ли есть основание говорить о том, что суждение подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей? Действительно, если к суждению подойти чисто формально, то из него этого вывода сделать нельзя. Но если суж-

[11] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 321.

дение рассматривать в его генезисе, то от раздвоения предмета на противоположности, от противоречия, которое всегда является результатом такого раздвоения, никуда не уйдешь.

Да и не только рассматриваемое в генезисе суждение подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей. Оно само по своей сути, является не чем иным, как формой проявления действия этого закона диалектики.

Формальная логика, как известно, рассматривая суждение, отмечает, что эта форма движения мышления основана на отождествлении субъекта с предикатом. Что это действительно так, в этом не трудно убедиться. Продолжим рассмотрение того же самого примера, о котором уже речь шла выше. Например, на чем основано суждение: «Иван есть человек»? Что оно означает? Оно означает, что какого-то конкретного человека по имени Иван мы отождествляем с человеком вообще. На отождествлении субъекта с предикатом, а, в данном случае, единичного с общим, и основано это суждение. Где нет отождествления субъекта с предикатом — там нет и суждения. И это правильно. Суждение, действительно, основано на отождествлении субъекта с предикатом. Это отождествление выражается в том, согласно учению формальной логики об объеме и содержании, что субъект суждения по своему объему включается в предикат суждения, а предикат суждения по своему содержанию включается в субъект суждения.

Однако только к этому суждение не сводится. Диалектическая логика [12] дает более глубокое истолкование суждению. Она видит в суждении не только отождествление субъекта с предикатом, но и противоположности, а противоположностями этого тождества являются субъект и предикат (в рассмотренном выше случае: единичное и общее). И поскольку эти противоположности в суждении отождествляются, постольку суждение есть тождество противоположностей. Сказав, например, что Иван есть человек, мы высказали суждение, которое представляет со-

---

[12] Уже Гегель рассматривал суждение по сравнению с понятием, как раздвоение единого на противоположности: субъект и предикат. Он называл суждение расщеплением понятия, в котором противоречия скрыты.

бой тождество противоположностей: Иван — это единичное, а человек — общее. Суждение выступает как тождество противоположностей [13].

К тому же такой вывод можно сделать уже и из учения формальной логики об объеме и содержании. Хотя субъект суждения по своему объему и включается в предикат суждения, но это не означает, что здесь мы имеем дело с полным совпадением субъекта суждения с его предикатом. Иван, конечно, входит в класс людей, но класс людей не сводится только к Ивану. Или далее. Хотя предикат суждения по своему содержанию и включается в субъект суждения, но это не значит, что предикат суждения исчерпывающе характеризует субъект суждения. Субъект суждения всегда имеет массу других свойств, о которых в предикате суждения ничего не сказано. То, что Иван есть человек, это, конечно, относится к Ивану. Но разве это исчерпывающе характеризует этого конкретного человека, который имеет массу и других качеств. Так, что даже из учения формальной логики об объеме и содержании, последовательно развитом, следует, что в суждении мы имеем дело, конечно, с тождеством, но с тождеством противоположностей. Энгельс писал: «Тот факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в *каждом предложении*, где сказуемое по необходимости отлично от подлежащего. *Лилия* есть *растение, роза красна:* здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим» [14].

---

[13] В нашей философской литературе, по сложившейся традиции, обычно говорят о единстве противоположностей, а не о тождестве. Так поступают, вероятно, из опасения того, чтобы не быть при этом понятыми в смысле абстрактного тождества. Но здесь такой опасности нет. Говоря о тождестве противоположностей, мы речь ведем о таком тождестве, которое включает в себя не только различие, но и противоположности. На наш взгляд, термин «тождество» точнее, в данном случае, выражает содержание закона, чем термин «единство». В. И. Ленин по этому поводу, как известно, писал: «Тождество противоположностей («единство» их, может быть, вернее сказать? Хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны)» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 38, стр. 358). Значит, В. И. Ленин допускал правомерность использования обоих терминов.

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 529—530.

Значит, строго говоря, суждение основано на законе тождества противоположностей, как этому учит диалектическая логика. В суждении как форме движения мышления проявляется действие закона единства и борьбы противоположностей.

Суждение есть одна из форм проявления действия этого закона диалектики.

Действие закона единства и борьбы противоположностей проявляется и в *умозаключении.*

Логика, как известно, различает два основных вида опосредствованного умозаключения: дедуктивные и индуктивные умозаключения. В дедуктивных умозаключениях мысль движется от общего к единичному, в индуктивных умозаключениях — от единичного к общему. Дедуктивные и индуктивные умозаключения также характеризуются определенной связью посылок и заключений между собой, о чем речь пойдет ниже.

Рассмотрим вначале *дедуктивное умозаключение.* Возьмем при этом такой пример:

Все жидкости упруги

Вода есть жидкость

Следовательно, вода упруга.

В этом умозаключении две посылки (два первых суждения) и заключение (третье суждение). Первое суждение, которое содержит в себе общее, называется бо́льшей посылкой; второе суждение, которое содержит в себе единичное,— меньшей посылкой.

В каждом суждении (в обоих посылках и в заключении) есть подлежащее и сказуемое, которые в умозаключении называются терминами. Не трудно заметить, что в посылках есть один общий термин, которого нет в заключении. Его в логике называют средним термином. Два других термина в посылках называют крайними терминами.

Причем тот из этих терминов, который содержится в большей посылке, называется бо́льшим термином; а тот, который содержится в меньшей посылке, называется меньшим термином.

Эти термины, обычно, в логике обозначаются так: бо́льший термин — буквой P, меньший — буквой S и средний — буквой M.

Приведенный выше пример получает следующее буквенное выражение.

Все M есть P
S есть M

Следовательно, S есть P.

Можно с полным правом сказать, что в дедуктивном умозаключении имеет место, конечно, тождество, чему, собственно, и учит формальная логика. Если бы упругость не была свойством жидкости, а вода не была жидкостью, то невозможно было бы никакое умозаключение. Но дело в том, что упругость есть свойство жидкости, а вода есть жидкость, отсюда и получается то заключение, что вода упруга. Иными словами, P есть признак M, а M есть признак S, отсюда, согласно аксиоме силлогизма (признак признака есть признак самой вещи), и делается заключение, что P есть признак S. Таким образом, дедуктивное умозаключение основано на отождествлении содержания крайних терминов — меньшего термина (S) с большим термином (P) посредством содержания среднего термина (M). Одно и то же содержание M имеется и в P и в S, а потому и возможно, в свою очередь, отождествление в заключение содержания S с P.

Однако в дедуктивном умозаключении имеет место не только тождество, но и противоположности. Отвлекаясь от содержания дедуктивного умозаключения и анализируя только его форму, что и является предметом изучения логики, можно сказать, что больший термин (P) и меньший термин (S) являются противоположностями в дедуктивном умозаключении. Тождество же этих противоположностей выражается средним термином (M).

Можно было бы рассмотреть в этом плане все четыре фигуры силлогизма и все модусы фигур и убедиться в том, что в каждой фигуре силлогизма и в каждом модусе имеются противоположности, которые представлены крайними его терминами, а также имеется и тождество этих противоположностей, находящее свое выражение в среднем термине.

До сего времени наш анализ дедуктивных умозаключений сводился к анализу одного из его видов: категорического силлогизма. Но сказанное нами относится ко всем другим видам дедуктивных умозаключений, таких, как гипотетический (условный) силлогизм и разделительный силлогизм. Любое из дедуктивных умозаключений основано на тождестве противоположностей.

Возьмем гипотетический (условный) силлогизм:

Если идет дождь, то почва делается влажной
Дождь идет

Следовательно, почва делается влажной.

Формула этого умозаключения такова:

Если *А* есть *В*, то *С* есть *Д*
А есть *В*

Следовательно, *С* есть *Д*.

Бóльшая посылка («если *А* есть *В*, то *С* есть *Д*») представляет собой связь основания и следствия, связь необходимую и всеобщую. Меньшая посылка выражает единичный случай; в ней содержится основание (*А* есть *В*). Исходя из этого делается заключение, что и следствие в этом единичном случае должно иметь место (*С* есть *Д*).

Противоположностями здесь являются, во-первых, следствие большой посылки; во-вторых, следствие заключения. Хотя и в большой посылке и в заключении имеют место одни и те же следствия, но эти следствия являются противоположностями, ибо в первом случае следствие носит всеобщий характер; во втором случае — единичный. И тождественными эти противоположности являются благодаря одному и тому же основанию. Основание как раз и делает гипотетический (условный) силлогизм тождеством противоположностей.

В этом отношении представляет интерес и разделительный силлогизм. Рассмотрим такой пример:

Треугольники бывают или остроугольные, или тупоугольные, или прямоугольные

Данный треугольник остроугольный

Следовательно, данный треугольник не тупоугольный и не прямоугольный.

Формула этого умозаключения такова:
А есть или *В*, или *С*, или *Д*
А есть *В*

Следовательно, *А* не есть ни *С*, ни *Д*.

В разделительном силлогизме также имеются противоположности: в большей посылке — «или *С*, или *Д*»; в заключении — «ни *С*, ни *Д*». Эти противоположности являются

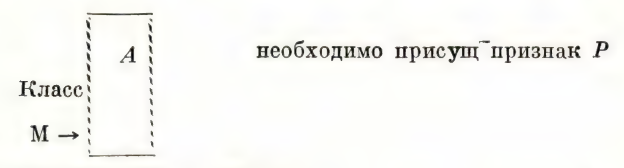
тождественными в силу того, что A есть B, т. е. A обладает одним из свойств этого разделительного ряда: «или B, или C, или $Д$». То, что A обладает одним из свойств этого разделительного ряда («или B, или C, или $Д$»), и делает разделительный силлогизм тождеством противоположностей.

Короче говоря, любое дедуктивное умозаключение есть тождество противоположностей; противоречие органически присуще этой форме движения мышления. В дедуктивном умозаключении проявляется закон единства и борьбы противоположностей.

Диалектическая логика учит, что в дедуктивном умозаключении мысль движется от общего к единичному через особенное. Общее (P) и единичное (S) выступают как противоположности в дедуктивном умозаключении; соединяются эти противоположности посредством особенного (M), которое делает противоположности тождественными.

Перейдем к анализу *индуктивных умозаключений.* Рассмотрим прежде всего так называемую научную индукцию, основанную на знании необходимых признаков и причинных связей предметов.

Если мы, изучая какой-то предмет A, обнаруживаем в нем наличие признака P, и при этом нам удается установить, что этот признак необходимо присущ изучаемому предмету, то отсюда следует индуктивное заключение, что признак P является признаком класса M, в который входит предмет A. Так, изучая, допустим, свойства меди, нам удается установить такой ее необходимый признак, что она расширяется от нагревания. Отсюда и возможно сделать индуктивное заключение, что расширение от нагревания происходит в любом металле, так как медь входит в класс металлов. Схематически это можно изобразить так:

Следовательно, M необходимо присущ признак P.

Нетрудно заметить, что и индуктивное умозаключение основано на тождестве. Это тождество состоит в том,

что в суждении «*A* необходимо присущ признак *P*» происходит отождествление *A* и *P*. И это понятно, ибо без отождествления невозможно никакое суждение, о чем уже говорилось выше. С другой стороны, предмет *A* входит в класс *M*, следовательно, между предметом и классом тоже имеет место тождественность. Отсюда, на основании тождественности *A* с *P* и *A* с *M* делается вывод о тождественности *M* с *P* . Как раз *A*, в данном случае, и является тем связующим звеном между посылками в индуктивном умозаключении, благодаря которому и возможен этот вид умозаключения. На тождественности *P* и *M* с *A* и основано это индуктивное умозаключение.

Однако эта тождественность не только не исключает противоположностей, но и предполагает их. Тождество *P* и *M* с *A* есть тождество противоположностей, ибо *P* в утверждении «*A* необходимо присущ признак *P*» есть всего лишь признак единичного предмета. В то время как *M* есть общее, класс, в который входит *A*. И в индуктивном умозаключении эти противоположности (*P* — признак единичного предмета и *M* — общее, класс) отождествляются с помощью *A*.

Значит, индуктивное умозаключение есть форма движения мышления, в которой проявляется закон единства и борьбы противоположностей.

Как уже говорилось выше, суть индуктивного умозаключения состоит в том, что на основании знания единичных предметов делается заключение, которое содержит в себе знание, относящееся ко всем предметам данного класса, т. е. это движение мышления от единичных предметов к общему положению.

Почему же спрашивается возможно делать такое общее заключение, не изучив все единичные предметы, а лишь только некоторые из них?

Не трудно понять, что возможность индуктивного умозаключения основана на том, что в объективном мире существуют закономерности, которые всегда носят общий характер, т. е. они относятся не к какому-то одному единичному предмету, а ко всем предметам данного класса. А раз закономерности носят общий характер, то и нет необходимости изучать все единичные предметы, чтобы сделать общее заключение. Достаточно бывает раскрыть закономерность, относящуюся к некоторым единичным предметам, и она в то же время будет являться закономер-

ностью, относящейся ко всем предметам данного класса. Именно наличие закономерностей в мире вещей и делает возможным умозаключать от единичных предметов к общему положению.

В свою очередь познание закономерности всегда включает в себя индуктивный ход мысли. Исследователь часто не осознает этот гносеологический факт. Однако, раскрывая закономерность на основе изучения некоторых единичных предметов, он всегда бывает уверен в том, что эта закономерность относится ко всем предметам данного класса.

Эта уверенность как раз и основана на индуктивном ходе мысли.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что истинность этого индуктивного заключения зависит прежде всего от того, действительно ли раскрыта закономерность в некоторых единичных предметах, а не какой-то их внешний признак. Если же мы, действительно, имеем дело с закономерностью, то индуктивное заключение будет истинным.

Индуктивное умозаключение воплощает в себе единство противоположностей, единство единичного и общего. Это единство противоположностей заключено в его структуре, самой его форме, так как индуктивное умозаключение есть движение мышления от единичного к общему.

В реальном мышлении индуктивное умозаключение не существует в чистом виде. Оно неразрывно связано с умозаключением дедуктивным. «Индукция и дедукция,— писал Ф. Энгельс,— связаны между собой столь же необходимым образом, как синтез и анализ» [15]. Они взаимно дополняют друг друга потому, что, во-первых, дедукция исходит из результатов, полученных индукцией. Суть дедукции, или дедуктивного умозаключения, как раз и состоит в том, что, исходя из закономерности, раскрытой индуктивным путем, мышление в этой его форме идет к единичным предметам. Во-вторых, дедуктивно умозаключая, мы тем самым проверяем истинность результатов, полученных индуктивным путем. Если, действительно, закономерность находит свое проявление в единичных предметах, к которым нас приводит дедуктивное умозаключение, и это

---

[15] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 542—543.

подтверждается практикой, следовательно, общая закономерность, полученная индуктивным путем, истинна.

И дедуктивное умозаключение в свою очередь воплощает в себе единство противоположностей, единство общего и единичного. Это единство противоположностей также заключено в его структуре, самой его форме, так как дедуктивное умозаключение есть движение мышления от общего к единичному.

В реальном мышлении постоянно на смену индуктивному умозаключению приходит дедуктивное умозаключение и наоборот. Так, вскрыв какую-то закономерность индуктивным путем, исследователь, исходя из знания этой закономерности, изучает другие единичные предметы, т. е. его мысль идет дедуктивным путем. Изучая таким образом единичные предметы, он снова приходит к каким-то новым обобщениям, которые обогащают ранее раскрытую закономерность. А это восхождение от единичных предметов к новым обобщениям опять совершается индуктивным путем. И так бесконечно развивается человеческое познание: за индукцией следует дедукция, а дедукция снова приводит к индукции и т. д.

И если рассмотреть эти формы в единстве, как они и представлены в реальном мышлении, то перед нами предстанет процесс познания, направленный на все более глубокое и всестороннее отражение вещей внешнего мира. И этот процесс также подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей. Он начинается с единичных предметов, которые являются его исходным пунктом. Далее, в результате анализа единичных предметов удается раскрыть в них общее, существенное. Это — первый этап в познании. И он, как мы видим, характеризуется индуктивным ходом мысли, так как мышление в данном случае восходит от единичного к общему. Затем, на основе общего, существенного объясняются единичные предметы. Это — второй этап в познании. Он характеризуется дедуктивным ходом мысли, так как мышление в данном случае уже идет от общего к единичному. Так индуктивное и дедуктивное умозаключения органически входят в реальный процесс познания. Да без них он просто не был бы возможен.

И этот процесс познания, в котором индуктивное и дедуктивное умозаключения являются необходимыми элементами, осуществляется по закону единства и борьбы

противоположностей. В ходе индуктивного умозаключения, когда мысль идет от единичного к общему, происходит раздвоение предмета на противоположности, на единичное и общее. В выводе индуктивного умозаключения бывает получено общее, а единичное утеряно. Оно как бы уходит от нас при этом. Да это и понятно. Раскрытие общего составляет цель индуктивного умозаключения. И она достигается в заключении. В ходе дедуктивного умозаключения, когда мысль идет от общего к единичному, происходит соединение этих противоположностей в единое. Это соединение осуществляется таким образом, что единичное выводится из общего, а потому и понимается в свете общего. И, таким образом, возникает цельный образ предмета, представляющий собой единство противоположностей — общего и единичного.

Значит, индуктивное и дедуктивное умозаключения связаны с раздвоением предмета на противоположности и с соединением этих противоположностей в единство. А процесс раздвоения предмета на противоположности, как это известно из сказанного выше, всегда ведет к возникновению противоречия в познании, которое сообщает ему движение. И, затем, когда происходит соединение этих противоположностей в единство, противоречие разрешается. Следовательно, процесс познания, в котором индуктивное и дедуктивное умозаключения составляют необходимые элементы, представляет собой возникновение и разрешение противоречий. Он осуществляется по закону единства и борьбы противоположностей.

Следующей важнейшей формой движения мышления является понятие. И эта форма как по характеру своего возникновения и развития, так и по своей структуре представляет собой форму проявления действия закона единства и борьбы противоположностей.

В. И. Ленин в «Философских тетрадях» глубоко и всесторонне раскрыл природу понятий. Он дал ответ на вопрос, который был предметом спора между реалистами и номиналистами. Известно, что реализм, опираясь на свою формулу universalia sunt realia, отстаивал объективное существование понятий, наряду с реальными предметами. Номинализм выдвинул формулу: universalia sunt nomina. Это означало, что понятия только имена, их не существует в реальной действительности. В. И. Ленин подошел к ответу на этот вопрос, волновавший логическую науку,

проанализировав прежде всего отношение общего и единичного в предметах внешнего мира.

Всякий предмет есть единство единичного и общего. «Отдельное,— пишет В. И. Ленин,— не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее» [16]. Значит, существует связь, единство между единичным и общим. Это единство выражается в том, что и общее и единичное — это определенные свойства предмета. Да это и понятно. Любой предмет — это именно этот предмет, а не другой, т. е. единичное. В то же время этот же предмет содержит в себе и общее. В нем всегда есть свойства предметов его класса. Так все столы отличаются друг от друга. Они в этом смысле единичны. И в то же время все столы похожи друг на друга, хотя бы по своему практическому использованию. В этом смысле они содержат в себе общее. И эти свойства — единичное и общее — представляют собой единство, они заключены в каждом предмете; предмет и выражает их единство.

Причем на общее нельзя, конечно, смотреть как только на то, что это свойство, имеющееся у ряда предметов. Это, конечно, верно, что общее есть свойство ряда предметов. Но общее есть в каждом предмете. И именно благодаря тому, что оно есть в каждом предмете, и существует ряд предметов, похожих друг на друга, носителей этого общего. А не наоборот.

Единство единичного и общего в предмете не исключает их различий. Это не одно и то же. Общее отличается от единичного. «Всякое общее,— замечает В. И. Ленин,— есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее» [17]. В самом деле, разве предмет как единичность можно свести к его общему? Общее всего лишь одна из сторон предмета, т. е. его частичка, не охватывающая всего предмета. Причем общее заключается в ряде предметов. И если общее всего лишь одна из сторон предмета, его частичка, не охватывающая всего предмета, то тем бо-

[16] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 318.
[17] Там же.

лее она не может охватывать все содержание ряда предметов. Общее приблизительно охватывает ряд предметов, раскрывая в них закономерность. Да и единичное неполно входит в общее, а лишь одной стороной. Все остальное содержание единичного выходит за пределы общего, им не охватывается. Значит, единство единичного и общего не исключает, а предполагает их различие. Больше того, единичное и общее — это противоположности единого, заключенные в любом конкретном предмете.

Так обстоит дело с отношением общего и единичного в предметах внешнего мира.

Понятия же, как форма движения мышления, представляя собой отражение предметов внешнего мира, является отражением как общего, существенного, так и единичного в предмете. То обстоятельство, что в понятиях схватывается сущность вещей, причем сущность, выходящая за пределы единичного предмета, свидетельствует о том, что они отражают общее в предметах. Отражая общее, существенное в предметах, понятия заключают в себе понимание каждого единичного предмета. А это свидетельствует о том, что они отражают, наряду с общим, единичное. Понятие есть единство противоположностей, единство общего и единичного.

Реалисты неправы были в том, что признавали объективное существование понятий, наряду с реальными предметами. Объективно существуют лишь реальные предметы; понятия же являются их отражением. Понятия отражают общее в предметах. И в этом смысле в позиции реалистов содержалась и доля истины, когда они говорили об объективности понятий. Только эта объективность состоит не в том, что понятия существуют наряду с реальными предметами, а в том, что они являются отражением общего в них.

Номиналисты были неправы в том, что утверждали будто понятия только имена. Понятия являются отражением общего в предметах. Однако номиналисты были правы в критике реалистов, которые признавали объективное существование понятий наряду с реальными предметами.

Значит, понятие, как форма движения мышления, по своей структуре есть единство противоположностей, единство общего и единичного.

Становление понятия представляет собой процесс возникновения и разрешения противоречий, т. е. через проти-

воречия наука идет к действительному понятию об изучаемом предмете.

Из предшествующего уже известно, что вначале раскрывается существенное в предмете, которое и является общим; затем уже, исходя из знания этого общего, объясняется единичное. А это осуществляется с помощью раздвоения предмета на противоположности: единичное и общее. В результате раздвоения предмета на эти противоположности возникают два противоречивых образа в познании. Дальнейшее движение мышления состоит в соединении противоположностей в единство; наука истолковывает единичное на основе общего. Это познание единичного на основе общего ведет к тому, что возникает единый образ предмета, его понятие, которое вбирает в себя все богатство предшествующего развития познания. Так разрешается возникшее противоречие в познании.

Возникновение и разрешение противоречий в ходе становления понятия как раз и свидетельствует о том, что этот процесс подчиняется действию закона единства и борьбы противоположностей.

Правда, следует заметить, что формальная логика утверждает, что понятия отражают только общее в предмете. Диалектическая логика уточняет это положение: понятия отражают не только общее, но и единичное. Когда исследователем схвачено общее в предмете, то можно сказать, что положено начало формированию действительного понятия о предмете. Именно начало, так как обнаружением общего в предмете процесс формирования понятия не заканчивается, а, по существу, только начинается. Понятие, отражающее только общее в предмете, бывает абстрактным. А цель всякого познания иметь конкретное понятие о предмете.

В самом деле, что значит раскрыть общее в предмете? Это значит обнаружить в предмете какую-то связь, пусть даже связь и существенную, выражающую его закономерность. Обнаруженная в предмете связь является следствием отвлечения от всего многообразия других связей и получает свое выражение в мышлении в форме абстракции. В результате всего этого и возникает абстрактное понятие о предмете.

Хотя абстрактное понятие и не отражает всего многообразия других связей в предмете, но оно имеет большую познавательную ценность. «Мышление,— писал В. И. Ле-

нин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное*... от истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*» [18].

Познавательная ценность абстрактного понятия выражается в том, что оно отражает общее в предмете. Отражая же общее в предмете, оно тем самым создает возможность для понимания единичного. Без возникновения абстрактного понятия не может возникнуть конкретное.

В ходе дальнейшего развития познания абстрактное понятие как раз и становится конкретным, поскольку единичное объясняется на основе общего. Это и дало основание В. И. Ленину сказать: «Значение *общего* противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc, но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного*, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью. Бесконечная сумма общих понятий, законов дает *конкретное* в его полноте» [19].

Противоречивость общего состоит в том, что познание его как такового еще ничего практически не дает. Однако познание общего путь к познанию единичного. А это уже познание реального предмета как такового, имеющее огромное значение для практики. Общее потому является ступенью к познанию единичного, что на основе общего объясняется единичное. Единичное, конечно, никогда нельзя познать полностью. Однако бесконечная сумма общих понятий, законов может дать единичное в его полноте. Именно бесконечная сумма общих понятий, законов может дать единичное в его полноте, а не конечная, как пишет В. И. Ленин.

Следовательно, понятие, отражая единичное на основе общего, превращается из абстрактного в конкретное понятие.

Подведем некоторые итоги. Последовательно рассматривая различные стороны процесса познания, можно прийти к выводу, что он совершается по закону единства и борьбы противоположностей.

---

[18] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 152.
[19] Там же, стр. 252.

Предмет и образ — вот противоположности противоречия, которое лежит в основе всего процесса познания. И это противоречие каждый раз возникает на новой основе и также постоянно разрешается, составляя источник жизнедеятельности познания.

Познавательный образ развивается. Процесс его формирования состоит в движении мышления от явлений к сущности предмета и от сущности предмета к объяснению явлений. На этой основе возникают опытное и теоретическое знания. Формирование познавательного образа происходит через раздвоение предмета на противоположности, явление и сущность, а затем — через соединение этих противоположностей в единство. Предмет в результате этого становится теоретически воспроизведенным как представляющий собой единство противоположностей, единство сущности и явлений. Причем когда происходит раздвоение предмета на противоположности, на явление и сущность, возникает противоречие в познании, противоречие между опытным и теоретическим знанием. Когда же происходит соединение противоположностей в единство — противоречие между опытным и теоретическим знанием разрешается. Оно разрешается таким образом, что явления становятся понятыми в свете сущности, и, следовательно, опытные данные получают теоретическое истолкование.

Противоречия между опытным и теоретическим знаниями и связаны с постоянно возникающими и разрешающими противоречиями между знанием и практикой. Благодаря этим противоречиям и развивается человеческое познание.

С раздвоением единого предмета на противоположности, на единичное и общее, связан и переход от форм чувственного познания к логическим формам. В ходе логического познания эти противоположности соединяются в единство, когда единичное понимается через общее. Как видно, и здесь мы имеем дело с возникновением и разрешением противоречий, которые являются движущей силой процесса познания.

С действием закона единства и борьбы противоположностей связано и движение в таких формах мышления, как суждение, умозаключение и понятие. Короче говоря, закон единства и борьбы противоположностей пронизывает все человеческое познание.

Глава четвертая

РАЗВИТИЕ ПОЗНАНИЯ КАК ПЕРЕХОД КОЛИЧЕСТВА В КАЧЕСТВО

Движение всех форм познания связано как с количественными, так и с качественными изменениями, а также с переходом от одних изменений к другим. Уже в факте возникновения первоначального образа предмета проявляется действие этого закона. В самом деле, предмет есть нечто материальное, а образ — идеальное, отражение материального. Отражение качественно отличается от отображаемого.

Правда, различие предмета и образа не абсолютно, а относительно, так как образ по своему содержанию есть отражение предмета. Образ качественно отличается от предмета, но он все же порожден предметом. Образ возникает в результате изучения предмета, которое представляет собой развивающийся процесс. Появление образа свидетельствует о переходе от одного качества к другому качеству, о скачке от материального к идеальному. И этот переход от одного качества к другому, скачок от материального к идеальному стал возможен в результате всего предшествующего изучения предмета, которое представляло собой количественные изменения в познании.

Количественные изменения в познании привели к скачку, а скачок является связующим звеном между двумя качественно отличными моментами процесса познания: предметом и его образом. Процесс возникновения образа на основе изучения предмета подчиняется действию закона перехода количества в качество.

Образ, возникающий в человеческом сознании, качественно отличается не только от предмета, но и от всех

форм отражения, существующих не только в неживой природе, но и в мозгу животных.

Это качественное отличие выражается, во-первых, в том, что образ, возникающий в человеческой голове, является не пассивным, а активным отражением предмета. Он возникает не просто на основе воздействия предмета на сознание. Его возникновение связано также со всем предшествующим запасом знаний субъекта, с общественной практикой и т. д. Этот субъективный момент, способствующий возникновению образа в человеческой голове, нельзя не учитывать.

Во-вторых, человек проникает в сущность предмета; образы, возникающие в его голове, отражают внутреннюю природу предмета.

В-третьих, образы, отражающие сущность предмета, принимают форму понятий, которые закрепляются в слове.

В-четвертых, познавая мир, люди на основе образов совершенствуют орудия труда и в процессе производственной деятельности изменяют внешний мир.

Все это качественно отличает человеческие мысленные образы от всех предшествующих им форм отражения, и делает их именно познавательными образами.

Познание есть процесс сознательный, целенаправленный и этим, собственно, оно отличается от отражения вообще. Способностью к отражению обладает и мозг животного. Отражение существует и в неживой природе. Но познают и изменяют мир только люди, обладающие сознанием и направляющие свои силы на овладение миром вещей и процессов и на преобразование их.

Формирование познавательного образа связано с движением познания от явлений к сущности предмета и от сущности к объяснению явлений. Это движение познания осуществляется также по закону перехода количества в качество.

Последовательно возникающие образы в ходе этого движения познания качественно отличаются друг от друга. Образ, отражающий сущность, качественно отличается от образа, отражающего лишь явления, так как явление есть внешнее, поверхностное, случайное в предмете, а сущность — внутреннее, необходимое, закономерное. В силу этого отличия явлений от сущности и образы, возникающие при этом, качественно отличаются друг от друга.

Однако, обращая внимания на качественное отличие этих образов, неправомерно было бы упускать из виду связь, существующую между ними. Образ, отражающий сущность, возникает на основе изучения явлений, которое и приводит к раскрытию сущности. Изучение явлений представляет собой количественные изменения в познании. Немало приходится изучить явлений, прежде чем будет раскрыта сущность того или иного предмета. Раскрытие сущности есть качественный перерыв в этой количественной постепенности, скачок, ибо проникновение в сущность связано с выходом за пределы изучения явлений. Этот выход осуществляется с помощью анализа, гипотезы и многих других логических средств. В результате этого выхода за пределы изучения явлений и возникает в познании качественно отличный от явлений образ, в котором отображается сущность. Таким образом, этот выход за пределы явлений был подготовлен количественными изменениями в познании, связанными с изучением явлений. А по сути своей это есть скачок от одного качества к другому качеству, от образа явлений к отображению сущности.

Весь дальнейший общий ход развития познания также подчиняется действию этого закона.

Известно, что в результате познания сущности возникают два образа одного и того же предмета: первоначальный образ, запечатлевший явления, и последующий образ, отражающий сущность. Затем, в результате движения познания от сущности к явлениям возникает единый образ предмета, отражающий как его сущность, так и его явления. Иначе говоря, возникает образ, представляющий сущностное понимание явлений, который качественно отличается от всех предшествующих. Во-первых, в отличие от первоначального образа предмета, зафиксировавшего явления, новый образ схватывает сущность явлений, чего не было в начале познания. Во-вторых, на этой ступени познания возникает понимание того, как проявляется сущность, в каких формах, чего не было тогда, когда в сознании отображалась одна только сущность.

Но при этом надо всегда иметь в виду, что единый образ предмета является результатом предшествующего развития познания. Его возникновение было подготовлено как изучением явлений в самом начале познания, так и затем изучением сущности. В результате синтеза всех

этих знаний, количественного накопления их, и возник образ, качественно отличающийся от всех предшествующих.

Развитие познавательного образа связано с движением от опытного по своей форме знания к теоретическому, от абстрактного к конкретному. А это развитие знаний происходит на основе движения познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям. Поэтому и смена форм развивающихся знаний подчиняется закону перехода количества в качество.

Опытное знание рано или поздно всегда перерастает в знание теоретическое. Пусть на это уйдут годы, десятилетия, а может и столетия, но так или иначе, то, что вначале было только опытом, со временем превращается в теорию.

С незапамятных времен люди научились добывать огонь. «Какое глубокое впечатление,— замечает Энгельс,— произвело на человечество это гигантское, почти неизмеримое по своему значению открытие, показывают еще теперешние народные суеверия» [1]. Добывание огня с помощью трения и накопление знаний о подобного рода фактах составляло содержание опытного знания людей. Затем, шаг за шагом вырабатывалась теория горения.

В XVIII в. была предпринята первая попытка истолкования горения на основе одного принципа, когда была выдвинута гипотеза флогистона. Вещества, подверженные горению, согласно этой гипотезе, содержат в себе особое «вещество огня» — флогистон, который и является будто бы причиной горения. Этот взгляд на горение господствовал в течение столетия. Однако под влиянием целого ряда фактов гипотеза о флогистоне была признана ошибочной. На смену ей пришла научная теория горения, согласно которой горение есть процесс соединения вещества с кислородом. Так опытное знание переросло в знание теоретическое.

Если проанализировать эту конкретную историю развития знаний, то можно будет заметить, что вначале был период накопления знаний о фактах получения огня с помощью трения. На это ушло много времени. Знания тогда накоплялись медленно. Но это был важный период

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 430.

роста знаний о горении. В то время еще не существовало никакого представления о природе горения. Было известно лишь то, что надо делать, чтобы получить огонь. Знания носили опытный характер. Они развивались до поры до времени, претерпевая лишь количественные изменения, не теряя своего опытного характера. Эти знания не выходили в своем развитии за пределы этого качественного уровня. Накопление фактов представляло собой процесс количественных изменений в опытных знаниях, так как это изучение еще не выводило науку за пределы явлений.

Когда же наука проникла в сущность изучаемого предмета, эти количественные изменения в опытных знаниях были прерваны появлением теоретического знания. Это был переход от одного качественного уровня в развитии знаний к другому. Появление нового качественного уровня в развитии знаний — знания теоретического — прерывает количественную непрерывность. Качественный перерыв количественной непрерывности и означает скачок.

Этот скачок не так прост по своему содержанию. Для того, чтобы проникнуть в сущность предмета, исследователю приходится иногда высказать не одну гипотезу, которая бы вывела его за пределы явлений и помогла вскрыть сущность предмета. Здесь необходима и фантазия, тот отлет от реальной действительности, который помогает проникнуть в ее сокровенные тайны. И затем только одна из гипотез превращается в составную часть научной теории предмета, отражающей его сущность. В ходе познания сущности исследователь абстрагируется от многих других сторон предмета и выделяет лишь одну — существенную. Познание сущности требует раздвоения предмета на противоположности, на явление и сущность. Оно включает применение таких логических средств, как анализ предмета, индукция (восхождение от единичного к общему), и т. д. С помощью этих средств логического мышления и осуществляется скачок от опытного знания к знанию теоретическому.

Наиболее ярко закон перехода количества в качество проявляется тогда, когда совершается революция в науке. Революция в науке означает проникновение в сущность широкого круга явлений и возникновение теории, открывающей огромные возможности для практики. А это как раз и есть переход количества в качество в развитии зна-

ний, так как в данном случае совершился переход от одного уровня знания к другому, более высокому.

Из истории известно, что в течение долгого времени существовала алхимия. Алхимики мечтали найти «философский камень», чтобы с его помощью научиться получать золото, например, из свинца или угля. Но они так и не нашли этого камня, хотя труд их не пропал зря. Опыты алхимиков над веществами и их превращениями способствовали накоплению такого количества весьма ценных и полезных опытных знаний, что наступил такой момент в накоплении этих знаний, когда алхимия похоронила себя и на ее основе, на основе тех положительных опытных знаний, которыми она располагала, родилась действительная наука — химия. Химия уже не довольствовалась только опытными данными. Ее появление связано с тем, что опытные данные стали получать теоретическое истолкование. Это было революцией в естествознании.

В философии революцией явилось возникновение марксизма, так как Маркс и Энгельс раскрыли сущность общественного развития и создали теорию, которая открыла трудящимся массам пути к преобразованию общества. Развитие философской мысли в данном случае также совершалось по закону перехода количества в качество, так как все предшествующее марксизму развитие науки об обществе представляло в лучшем случае накопление фактического материала. Марксизм же раскрыл сущность общественного развития и потому создал науку об обществе. До марксизма такой науки не было. Это был переход количества в качество в развитии знаний об обществе.

В науке постоянно опытное знание превращается в знание теоретическое. Однако было бы ошибочным представлять себе дело таким образом, будто было время, когда, например, знания о каком-то предмете носили опытный характер, а так как теперь наука проникла в его сущность, то они будут носить только теоретический характер.

Дело обстоит значительно сложнее. Всякий предмет, изучаемый наукой, многогранен. Чтобы изучить предмет, производят опыты, обобщают результаты их, т. е. создают теорию изучаемых явлений. После этого опять следуют опыты, но опыты, уже опирающиеся на полученный теоретический багаж. За этими опытами, в свою очередь, следует теория, которая дает приращение теоретического

знания к теоретическому знанию, полученному ранее. И так до бесконечности. Опыты и теория, теория и опыты — вот два кита, на которых зиждется наука и благодаря которым она развивается.

Наиболее ярким примером этого может служить современная физика, где опыт и теория, дополняя и обогащая друг друга, содействуют успешному развитию научного знания. У истоков современной физики лежит явление радиоактивности, обнаруженное Анри Беккерелем и Марией и Пьером Кюри. Они заметили, что радий обладает свойством испускать лучи. По имени этого элемента и было названо обнаруженное явление — радиоактивность. Затем последовали опыты Эрнеста Резерфорда, который пропустил лучи радия между полюсами мощного магнита. При этом лучи распались на три части: один отклонился влево, другой — вправо, но третий луч не изменил своего направления. Все это явления, обнаруженные в опыте, и представляют они собой опытное знание.

Характерно, в данном случае, как возникло и развивалось опытное знание. Если явление радиоактивности было замечено совершенно случайно, при изучении каких-то других явлений, то опытам Резерфорда уже предшествовал определенный замысел: узнать, как действует магнитное поле на лучи радия. И вдруг опять неожиданность: лучи радия в магнитном поле распались на три части. Значит опыт опыту рознь. Вначале в случайном опыте было обнаружено новое явление. А затем уже на основе предшествующего опыта сознательно ставится другой опыт, и он является дальнейшим развитием знаний предшествующего опыта. Так развивается опытное знание.

Итак, опытным путем было обнаружено, что лучи радия распадаются на три части. Резерфорд, будучи замечательным экспериментатором, сделал из своих опытов теоретический вывод. Раз лучи по-разному отклоняются в магнитном поле, значит частицы, которые входят в состав излучения, по-разному заряжены. Положительно заряженные частицы были названы Резерфордом альфа-лучами, отрицательно заряженные частицы — бета-лучами.

После сделанного теоретического вывода опять последовали опыты, с целью выявления новых свойств в этих лучах. Но уже опыты, опирающиеся на определенное теоретическое знание, которое как бы освещало перспективу

этих опытов, делало их более целеустремленными, а потому и результативными. А за опытами, в свою очередь, последовали теоретические обобщения, которые представляли собой дальнейшее приращение теоретического знания, пока, наконец, в 1903 г. не возникла теория радиоактивного распада, разработанная Резерфордом и Содди. Суть которой состояла в том, что радиоактивные вещества распадаются самопроизвольно, превращаясь в атомы другого вещества.

Таков один пример того, как развивается наука. Опыт выявляет какие-то новые явления, а теория проникает в их сущность. Опытное знание переходит в качественно иное знание, знание теоретическое. Опытное знание составляет фундамент для знания теоретического, а новые опыты ставятся на основе полученного теоретического знания.

Можно рассмотреть и другой пример — создание модели атома. Опыт и теория и здесь выступают совместно. Так, согласно первой модели атома, предложенной английским физиком У. Томсоном, атом — это шарик. На основе этой модели был поставлен ряд опытов. Резерфорд первым начал обстрел атомов металла альфа-частицами. В ходе опытов он заметил, что иногда альфа-частицы сталкивались с непреодолимой преградой, которой не могли быть отрицательные электроны. Еще Кулон учил, что одноименные заряды отталкиваются, а альфа-частицы имеют положительный заряд. Исходя из результатов опыта, Резерфорд сделал теоретическое предложение, что в глубине атома находится положительный заряд — ядро атома. Так возникла модель атома: положительно заряженное ядро в центре атома, а вокруг него электроны. Эта планетарная модель атома возникла в результате опыта и теории. Опыт прокладывал дорогу для теории, а теория открывала перспективу для новых опытов.

Но планетарная модель атома, объяснив многие явления, не раскрыла причины, например, устойчивости атома. Новый вклад в учение об атоме внес Нильс Бор. Опираясь на открытие Планка о том, что тепловое излучение носит прерывный характер, Бор создал новую модель атома: атом может не излучать энергию и находится в устойчивом состоянии, если его электроны движутся по одной и той же орбите. При «перескоке» же с одной орбиты на другую атом либо выделяет, либо поглощает квант энер-

гии. Все зависит от того, на какую орбиту перешел этот электрон — на близлежащую к ядру или на более отдаленную; при переходе на близлежащую выделяется энергия, а отдаленную — поглощается энергия. Это было дальнейшее развитие теории.

Значит, процесс развития знания не идет в одном только направлении: от опытного к теоретическому. Вновь возникшая теория требует постановки новых опытов, а постановка опытов на основе полученного теоретического знания означает переход качества в количество. Эти опыты более целеустремленны и результативны, так как направляются теоретической мыслью. И они, эти опыты, количественно обогатят нас новыми данными. Причем они обогатят нас неизмеримо большими данными, по сравнению с тем, если бы эти опыты не направлялись теоретической мыслью. Вот и выходит, что здесь качество превращается в количество. Теория дает возможность большего выхода для опытных данных.

Рассмотрение процесса превращения одних форм знания в другие будет неполным, если не остановиться на таких важных моментах этого процесса, как факт, проблема и истина.

Проблема возникает тогда, когда наука располагает определенными фактами, но которым еще не дано объяснения. Можно знать факты и не ставить перед собой задачи их объяснения. Это будет один качественный уровень подхода к действительности. Иной качественный уровень, когда ставится задача объяснить факты. И в таком случае на основе фактического знания вырастает знание проблемное.

Развиваясь, проблема претерпевает ряд качественных метаморфоз. Так, постановка проблемы — это один качественный уровень в ее развитии; решение ее — другой качественный уровень. Разрешение проблемы связано с превращением ее в теорию. Причем между проблемой и теорией лежит целая полоса количественного накопления знаний, попыток найти решение проблемы, рабочих гипотез и т. д.

Гипотезы, которые возникают при решении проблемы, отличаются от достоверного знания, которое содержится в теории. Гипотеза и теория — это разные качественные уровни в развитии знания. Переход от гипотезы к достоверному знанию представляет собой скачок, так как здесь

осуществляется переход от знания гипотетического к категорическому. Категорическое знание — это уже знание не о предполагаемой связи, а о связи действительной.

Проблема и гипотеза, как формы знания, связаны с истиной. Истина, в свою очередь, представляет собой процесс, в котором совершаются как количественные, так и качественные изменения.

До появления диалектического материализма господствовал метафизический взгляд на истину. История развития знаний, говорили метафизики, представляет собой смену одних заблуждений другими, пока, наконец, не будет найдена вечная и неизменная истина. В заблуждениях они видели только заблуждения, а в истине — только истинное. Истина, по их мнению, возникает как бы вдруг, а однажды возникнув, она навсегда остается неизменной.

На самом же деле в заблуждениях часто содержатся элементы истинного, а истина не лишена моментов, которые не являются истинными. Истина есть процесс, где из относительных истин, представляющих собой единство соответствующего предмету содержания и несоответствующего, складывается истина абсолютная. Именно в результате количественных изменений знание приблизительное превращается в знание абсолютное. Метафизик же в процессе развития знаний видит либо только заблуждения, либо только истины, т. е. обращает внимание на качественные моменты процесса развития знаний и не видит количественных изменений в знаниях, которые и подготавливают изменения качественные. В действительности же абсолютные истины возникают в результате количественных изменений, которые происходят с истинами относительными. Процесс нарастания объективного содержания в относительных истинах и приводит к возникновению этого нового качества в развитии знаний. Следовательно, и здесь проявляется закон перехода количества в качество.

Переход количества в качество совершается и тогда, когда познание поднимается с чувственной ступени на логическую. В формах чувственного познания отражается непосредственно являющееся, единичное; в формах же логического познания — общее, существенное. Этот переход бывает подготовлен изучением единичного, накоплением определенного количества знаний о нем. Затем наступает такая мера в количественных изменениях, которая

приводит к новому качеству в знаниях о предмете, выявлению в нем общего.

Чувства отображают лишь внешнее в предмете, то, что лежит на его поверхности. Их значение в познании состоит в том, что они являются непосредственным контактом человека с внешним миром и имеют дело именно с единичным в том смысле, что образ, возникающий при этом в сознании человека, бывает соотнесен вот именно с этим предметом, а не другим. Чувственный образ еще беден по своему содержанию. Он несовершенен хотя бы уже потому, что он относится только к единичному. Наряду с единичным любой предмет заключает в себе и общее. В нем всегда есть такие свойства, которые присущи всему классу предметов, в который он входит. Мышление как раз отражает это общее в предмете, и потому его образы уже не обязательно должны быть отнесены вот именно к этому предмету, а не другому. Они относятся ко многим предметам. Поэтому переход от чувственного познания к мышлению — это качественный переход. В. И. Ленин писал: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли». И, далее, он так поясняет свою мысль: «чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком» [2].

Переход от чувств к мышлению совершается скачком, который представляет собой перерыв постепенности. Этот перерыв постепенности, в данном случае, выражается в том, что в пределах чувств накопляются сведения об единичном. Это — изменения количественные, идущие постепенно. Затем в развитии познания наступает такой момент, когда с помощью мышления, основанного на данных чувств, исследователь раскрывает общее в предметах. Общее в предметах раскрывается как раз, исходя из единичного, из того количества сведений, которые накоплены о нем. Раскрытие общего уже свидетельствует о появлении качественно нового образа в познании, полученного с помощью мышления. И это качественное изменение прерывает постепенно идущий процесс количественных изменений.

Мысленные образы качественно отличаются от чувственных образов тем, что это образы абстрактные. Момент абстрактного имеется, конечно, и в ощущениях, о чем мы

---

[2] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 256.

говорили выше. Однако абстрактное в мышлении качественно отличается от абстрактного в ощущениях. Абстрактное в ощущениях отражает внешнее в предмете, абстрактное в мышлении — сущность, общее в нем. Абстрактное в ощущениях не оторвано от предмета; абстрактное в мышлении уже оторвано от предмета и обладает относительной самостоятельностью. Эта относительная самостоятельность состоит в том, что мышление оперирует абстракциями как самостоятельными объектами. Но, конечно, любая абстракция в мышлении есть отражение реального. При всем качественном отличии ее от абстрактного в ощущениях, она возникла на основе ощущений. Скачок от одного качественного образа к другому подготовлен количественными изменениями, которые совершались в пределах ощущений.

Известно, что после того как раскрыта с помощью мышления сущность предмета, дальнейшее движение мышления состоит в том, что явления, единичное истолковываются, исходя из сущности, общего, и тогда в мышлении «снимаются» результаты, которые были получены с помощью чувств. Однако они снимаются так, что и сохраняются во вновь возникшем образе. С помощью мышления создается образ предмета, представляющий единство сущности и явлений, общего и единичного. Это качественно новый образ предмета. Ибо образ только сущности, общего в предмете есть абстрактный образ. Когда же единичные явления понимаются, исходя из сущности, общего, возникает конкретный образ предмета. Получение такого образа и свидетельствует о переходе в мышлении от одного образа к качественно другому образу предмета. И этот новый образ, качественно отличающийся от предшествующих, возник в результате количественных изменений, имевших место в познании, ибо прежде возникло два образа предмета, а затем уже единый образ, синтезирующий предшествующие.

Важнейшие формы мышления — суждение, умозаключение и понятие — также подчиняются действию закона перехода количества в качество.

Возьмем, например, высказанное когда-то суждение о том, что причиной тепла в теле является наличие в нем теплорода: больше теплорода — тело теплее, меньше теплорода — холоднее. Оно выражало определенный уровень в развитии знаний о природе тепла, но не вскрывало настоящей причины тепла. Но этот первый шаг имел для науки

то значение, что возникла проблема объяснения природы тепла, исходя из одного принципа.

Фрэнсис Бэкон в своей книге «Новый Органон» высказал новое гипотетическое суждение: причина тепла в теле — движение мельчайших частичек. Затем гипотетическое суждение превратилось в суждение категорическое. Английский ботаник Броун на опыте показал, что интенсивность движения взвешенных частичек зависит от температуры. Если нагреть тело — движение частиц будет более быстрым; охладить — движение замедлится.

Конечно, нельзя процесс перехода одних суждений в другие представлять упрощенно, что все это чисто логический переход. Немало было поставлено опытов, прежде чем из первого суждения родилось второе, а из второго третье. Но бесспорно то, что все эти суждения находятся в зависимости друг от друга. Ведь без второго суждения не появилось бы третье суждение, а без первого второе. В ходе этого развития познания и практики суждения изменялись, становились более глубокими по своему содержанию. При этом развитие происходило по закону перехода количества в качество.

Суждение о теплороде не вскрыло действительной природы тепла. Но оно поставило проблему объяснения природы тепла, и в этом его историческое значение. Эта постановка проблемы и была воспринята мыслителем, высказавшим второе суждение, в котором уже вскрывалась действительная природа тепла. Путь к раскрытию природы тепла был не так прост. В истории науки существовало немало подходов к раскрытию природы тепла. Немало было поставлено опытов, в которых раскрывались отдельные его свойства.

Второе суждение, которое качественно отличалось от первого суждения, было уже подготовлено предшествующим количественным ростом знаний об этом явлении. И затем наступил момент, когда этот количественный рост знаний привел, наконец, к раскрытию природы тепла. Раскрытие природы тепла явилось качественным перерывом в развитии знаний, который прервал количественную постепенность их роста, не выходившую за пределы явлений.

Такова история превращения первого суждения во второе суждение. И законом этой истории был закон перехода количества в качество.

Да и превращение суждения из гипотетического в категорическое также совершалось по закону перехода количества в качество. Мысль Бэкона о том, что причиной тепла в теле является движение в нем мельчайших частиц, хотя и раскрывала, как мы знаем теперь, действительную природу тепла, носила все же гипотетический характер. Это — было научное предположение и не более. И только тогда, когда были поставлены опыты, в их различных вариациях с наблюдением зависимости интенсивности движения взвешенных частичек от температуры — это гипотетическое суждение превратилось в нечто качественно иное, в суждение категорическое, которое стало выражать действительно существующую в природе объективную закономерность, зависимость температуры от интенсивности движения взвешенных частичек. Так, многочисленные опыты, которые проводились в рамках высказанного Бэконом гипотетического суждения, привели к новому качественному уровню в развитии знаний к суждению категорическому.

Энгельс, рассматривая в «Диалектике природы» историю превращения одних суждений в другие, писал, что трение производит теплоту, это было известно на практике уже доисторическим людям. Однако отсюда до раскрытия того, что трение вообще есть источник теплоты, прошло, кто знает сколько тысячелетий. Но так или иначе, настало время, когда было высказано суждение: «трение есть источник теплоты»,— суждение наличного бытия, затем прошли новые тысячелетия до того момента, когда в 1842 г. Майер, Джоуль и Кольдинг подвергли исследованию этот специальный процесс со стороны его отношений к открытым тем временем другим процессам сходного рода, т. е. со стороны его ближайших, всеобщих условий и формулировали такого рода суждение: «всякое механическое движение способно посредством трения превращаться в теплоту».

Для этого потребовалось огромное множество эмпирических знаний, чтобы продвинуться в познании предмета от суждения наличного бытия до этого универсального суждения рефлексии.

Далее, уже дело пошло быстрее. Уже через три года Майер смог поднять — по крайней мере, по сути дела — суждение рефлексии на ту ступень, на которой оно имеет силу ныне: «любая форма движения способна и вынуждена

при определенных для каждого случая условиях превращаться, прямо или косвенно, в любую другую форму движения». Это — суждение понятия, и притом аподиктическое,— наивысшая, вообще форма суждения.

В связи с этим Энгельс замечает: «Мы можем рассматривать первое суждение, как суждение единичности: в нем регистрируется тот единичный факт, что трение производит теплоту. Второе суждение можно рассматривать как суждение особенности: некоторая особая форма движения (а именно: механическая) обнаружила свойство переходить при особых обстоятельствах (а именно: посредством трения) в некоторую другую особую форму движения — в теплоту. Третье суждение есть суждение всеобщности: любая форма движения оказалась способной и вынужденной превращаться в любую другую форму движения. Дойдя до этой формы, закон достиг своего последнего выражения. Посредством новых открытий мы можем доставить ему новые подтверждения, дать ему новое, более богатое содержание. Но к самому закону, как он здесь выражен, мы не можем прибавить больше ничего. В своей всеобщности, в которой и форма и содержание одинаково всеобщи, он не способен ни к какому дальнейшему расширению: он есть абсолютный закон природы» [3].

История развития суждений в данном случае также пример действия закона перехода количества в качество. Каждое из суждений качественно отличается от другого и каждое из них возникает на основе предшествующего в результате количественных изменений.

Суждение, взятое в отдельности, со стороны его формы, заключает в себе как количественные, так и качественные моменты, без которых ни одно суждение не существует. Формальная логика издавна отмечала, что существуют суждения единичные и общие, утвердительные и отрицательные.

Любое суждение — это единство количественных и качественных моментов: суждения бывают общеутвердительные, общеотрицательные, частноутвердительные и частноотрицательные.

В связи с этим может возникнуть вопрос, а как быть с переходом количества в качество в суждении?

---

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 539—540.

Суждения являются моментами такой формы движения мышления, как умозаключения. Только в умозаключении и происходит логическое движение суждений, превращение их друг в друга.

Как же в умозаключении проявляется действие закона перехода количества в качество? Другими словами, содержится ли в заключении дедуктивных и индуктивных умозаключений качественно новое знание по сравнению с его посылками? Какова, например, познавательная ценность дедуктивных умозаключений? Являются ли они теми мыслительными формами, которые дают возможность людям расширять свои знания о действительности или они имеют какое-то другое значение? Этот вопрос довольно давно был поставлен ходом развития логической науки и получал различное истолкование в истории логики. Существовали логические системы, в которых признавалась познавательная ценность за дедуктивными умозаключениями, и такие, в которых так или иначе отрицалось их познавательное значение.

Индуктивисты склонны были признавать познавательную ценность лишь за индуктивными умозаключениями, так или иначе, отрицая познавательное значение дедуктивных умозаключений. В истории логики находились также представители, которые подвергали серьезной критике соображения индуктивистов. Эта полемика не утратила своего значения и по сей день.

Основатель логики Аристотель писал, что силлогизм «есть высказывание, в котором при утверждении чего-либо из него необходимо вытекает нечто отличное от утвержденного» [4]. Выражение «вытекает нечто отличное от утвержденного» как раз и означает, что в заключении силлогизма содержится качественно новое знание по сравнению с тем, которое дано в исходных посылках.

Аристотелевское понимание дедуктивного умозаключения, как средства получения качественно новых знаний, состояло в том, что оно есть умозаключение от общего к частному. Это традиционное понимание дедуктивного умозаключения было подвергнуто критике английским философом и логиком Джоном Стюартом Миллем. Он утверждал, что дедуктивное умозаключение содержит в себе peti-

---

[4] Аристотель. Аналитики первая и вторая. М., 1952, стр. 10.

tio pricipii, т. е. что большая посылка предполагает заключение. Так, в умозаключении

Все люди смертны
Сократ человек

Следовательно, Сократ смертен

заключение «Сократ смертен» уже предполагается в большей посылке «Все люди смертны». Мы не можем, рассуждал Милль, быть уверены в смертности всех людей, пока мы не уверились в смертности каждого отдельного человека. Если бы были сомнения в смертности Сократа или любого другого человека, то в той же степени недостоверным было бы и общее утверждение о смертности людей. Следовательно, замечает Милль, силлогизм не может ничего доказать, так как из общего принципа можно вывести только те частности, которые этот принцип уже предполагает известными. Силлогизм поэтому, заключает Милль, не имеет права называться действительной формой умозаключения.

Еще при жизни Милля автор одной из рецензий на его «Систему логики» возражал ему, утверждая, что дедуктивное умозаключение в традиционном понимании не содержит в себе petitio principii. Общее предположение, писал рецензент, не подразумевает всех частных случаев, потому что мы можем принимать и на самом деле принимаем общее предположение, не рассмотрев всех отдельных предметов. Общее предположение, по мнению рецензента, получается при изучении лишь нескольких известных предметов, но отнюдь не всех. На основании известных предметов и делается вывод о всем классе предметов. Если упрек традиционному пониманию дедуктивного умозаключения, заключал рецензент, делается на основании того, что нельзя быть уверенным в истинности общего предложения, пока не рассмотрены все отдельные предметы, то он строится на ложном основании.

Критикуя традиционное понимание дедуктивного умозаключения, Милль, однако, не отвергал нацело эту форму. Она, по его мнению, имеет значение для логики. Милль имеет в виду те случаи, когда силлогизм употребляется в юриспруденции. В подобных случаях рассматривается вопрос: подпадает ли данное действие под закон. Однако и здесь, замечает Милль, силлогизм нужен только для того, чтобы определить, хотел или не хотел законодатель, что-

бы его приказание прилагалось в числе прочих и к настоящему случаю. Поэтому, говорил Милль, силлогизм лучше назвать не умозаключением, а истолкованием. «Значение силлогической формы и правил для надлежащего ее употребления не в том,— пишет он,— что наши умозаключения необходимо (или хотя бы обыкновенно) совершаются по этой форме и по этим правилам, а в том, что они нам образец, по которому мы всегда можем построить наше умозаключение и который удивительно приспособлен к тому, чтобы обнаруживать их неправильность, если таковая в них есть. Индукция от частного к общему, а затем силлогизация от этого общего к другим частностям,— по этой форме мы всегда можем, если нам угодно, расположить наше рассуждение. Мы не должны рассуждать непременно по этой форме, но мы можем рассуждать по ней и необходимо должны облекать в нее наши рассуждения в том случае, когда есть какое бы то ни было сомнение в их правильности» [5].

Исходя их этих общих соображений, Милль оценивает значение бóльшей и мéньшей посылок в силлогизме. Поскольку большая посылка (общее предложение) содержит в себе как известные, так и предполагает неизвестные частности, постольку она не может являться основанием для умозаключения. Рассуждение с большей посылкой всегда содержит в себе petitio principii, чего не должно быть в умозаключении. И далее. Если в большей посылке в числе неизвестных частностей предполагается заключение, то нет необходимости в меньшей посылке. Мы не пользуемся в наших умственных процессах, замечает Милль, ни большей, ни меньшей посылками в том виде, в каком они выражены в силлогизме.

Признавая за силлогизмом лишь значение средства истолковывания общих предложений, их проверки, Милль отдает должное и посылкам силлогизма. Большая и меньшая посылки имеют весьма существенное, по его мнению, значение при проверке истинности общих предложений. Большая посылка есть общее предложение, которое предлагается для проверки, поэтому вполне очевидна ее необходимость в силлогизме. А так как большая посылка не указывает индивидуально на все предметы, к которым

---

[5] Дж. Ст. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. СПб., 1914, стр. 178.

она относится, но она лишь указывает на них по их признакам, то нам приходится сравнивать каждый новый индивидум с этими признаками, а на то, что такое сравнение было сделано, на это именно и указывает меньшая посылка. Отсюда необходимость меньшей посылки в силлогизме.

Следовательно, отрицая за силлогизмом значение умозаключения, Милль отрицает в этой форме и значение посылок; признавая за силлогизмом значение средства для проверки общих предложений, Милль признает значение и за посылками, как существенными элементами этой проверки.

Хотя дедуктивное умозаключение в традиционном понимании и содержит в себе petitio principii, но оно, по мнению Милля, не лишено некоторой познавательной ценности. Разве не показывает нам ежедневный опыт, замечает он, что посредством умозаключения из общих положений мы приходим к истинам, о которых мы прежде не думали, к фактам, которых мы непосредственно не наблюдали. В доказательство Милль приводит следующий пример. Мы уверены, говорит он, что герцог Веллингтон смертен, но откуда мы получаем такую уверенность? Откуда мы это знаем, если герцог еще жив? Если бы нас спросили, откуда мы знаем, что герцог смертен, мы бы, вероятно, ответили: потому, что все люди смертны. В данном случае мы приходим к познанию истины не путем непосредственного наблюдения, а посредством умозаключения, у которого основанием является общее предложение. И большая часть наших знаний приобретается именно таким образом.

Таким образом, дедуктивное умозаключение в традиционном понимании, по мнению Милля, заключает в себе противоречие: с одной стороны, ему присуще petitio principii, с другой стороны, силлогизм имеет некоторую познавательную ценность. Эту трудность еще никто не смог устранить. И Милль предлагает следующий выход из положения. Он дает истолкование дедуктивного умозаключения, отличное от традиционного.

Для того, чтобы избежать petitio principii в силлогизме, есть, по словам Милля, только один выход: предположить, что заключение в силлогизме — это результат умозаключения не из общего предложения, а из чего-то другого. Когда мы на основании смертности Джона, Томаса и дру-

гих людей, о которых этот факт удостоверен, умозаключаем, что герцог Веллингтон также смертен, то можно, конечно, прийти к этому заключению и через обобщение. Однако в действительности умозаключение имеет место никак не в переходе от обобщения к частному факту. Умозаключение происходит до того, как образуется обобщение и поэтому оно не может явиться основанием для заключения. Если на основании опыта относительно Джона, Томаса и других людей, которые некогда жили, а теперь умерли, мы имеем право умозаключать, что все люди смертны, то можно без всякой логической несообразности умозаключить, что и герцог Веллингтон смертен. Смертность Джона, Томаса и других людей представляет собою единственное, имеющееся доказательство смертности герцога Веллингтона. Обобщение ничего не прибавляет к доказательству. Частные случаи представляют собою единственное основание для заключения.

Взамен силлогизма Милль предложил умозаключение от частного к частному.

Миллевская критика традиционного понимания дедуктивного умозаключения встретила серьезные возражения со стороны ряда логиков. Наиболее убедительные аргументы были высказаны выдающимся русским логиком М. И. Каринским в его сочинении «Классификация выводов». М. И. Каринский прежде всего обстоятельно разбирает основное возражение Милля против традиционного понимания дедуктивного умозаключения, состоявшее в том, что заключение в этой форме мышления предполагается в бо́льшей посылке. Допустим, говорит Каринский, вы убеждены в том, что люди, страдающие в значительной степени пороком сердца, недолговечны. Вы знаете это общее предложение и знаете о существовании вашего знакомого. Причем вам не известно, страдает ли ваш знакомый пороком сердца. Можете ли вы на основании знания общего предложения предполагать, что ваш знакомый недолговечен? Очевидно, нет. Из того, что люди, страдающие в значительной степени пороком сердца, недолговечны, никак не следует, что ваш знакомый недолговечен, если о последнем вы не знаете ничего, кроме того, что он существует. Таким образом, нельзя согласиться с Миллем, что большая посылка (общее предложение) предполагает заключение (частное предложение).

Уточняя свою позицию, Милль писал, что он отнюдь

не придерживается того взгляда, что лицо, выдвигающее общее предложение, уже знает и о содержании частного предложения. Его основной тезис, разъяснял Милль, состоит в том, что лицо, выдвигающее общее предложение, этим самым утверждает и частное предложение. М. И. Каринский опровергает и это положение. Предположим, говорит он, что человека, о котором шла речь выше, вы вообще не знаете и не имеете о нем никакого представления. Можно ли в таком случае сказать, что, выдвигая общее предложение, вы тем самым что-то утверждаете об этом человеке? А что значит что-либо утверждать? Это значит относить предикат бо́льшей посылки к подлежащему заключения, т. е. в данном случае говорить о том, долго ли проживет человек, которого вы не знаете и о котором не имеете никакого представления. Как же можно, спрашивается, что-либо утверждать о каком-то человеке, если мы совершенно ничего не знаем о нем. Ведь в таком случае получается, что мы утверждаем что-то о предмете, которого мы не знаем. А это абсурд. Следовательно, общее предложение и в смысле утверждения не предполагает частного предложения.

Все критические замечания Милля, направленные против силлогизма, сводятся к тому, будто бо́льшая посылка (общее предложение) предполагает заключение (частное предложение), основаны на неправильном, позитивистском понимании категории «общее». Именно в этом состоит гносеологический корень позитивистской критики традиционного понимания дедуктивного умозаключения, которую дает им Милль.

По Миллю реально существуют лишь отдельные предметы. Поскольку же эти предметы имеют общие признаки, постольку они обозначаются общим именем. Общее не существует в отдельном предмете; это — свойство ряда предметов. Вот суть позитивистского понимания категории «общего». Слов нет, что общее можно обнаружить лишь при наличии ряда предметов. Но речь ведь идет не о том, как обнаружить общее, а о том, что такое общее? И в этом отношении позитивисты явно не правы, когда провозглашают, что общее не существует в отдельном предмете, что это свойство лишь ряда предметов. Поскольку общее есть нечто присущее ряду предметов, поэтому оно присуще и каждому отдельному предмету. «Общее,— говорит В. И. Ленин,— существует в отдельном, через

отдельное»[6]. Существуя в отдельном, общее есть свойство каждого отдельного предмета. «Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного»[7]. Позитивисты же отрывают общее от отдельного и понимают его лишь в собирательном смысле, как свойство множества предметов, но не отдельного предмета.

А раз общее есть принадлежность не отдельного предмета, а лишь ряда предметов, то поэтому, говорят позитивисты, выставляя в большей посылке общее предложение, мы тем самым высказываем уже нечто о всем ряде предметов, к которому относится это общее, и поэтому в заключении не получается ничего нового по сравнению с бо́льшей посылкой, так как в бо́льшей посылке сказано о всех предметах этого ряда, в том числе и о тех, о которых речь идет в заключении. В заключении же получается лишь ограничение субъекта большей посылки и не более. Это значит, что если в большей посылке что-то утверждается об общем, то в заключении это относится лишь к ограниченному числу предметов. И выходит, таким образом, по Миллю, что заключение ничего нового не дает, что его содержание предполагается в большей посылке.

В противоположность позитивистскому пониманию общего традиционная логика признает, что в заключении получается новое знание, которого не было в бо́льшей посылке. Общее присуще каждому отдельному предмету. «Всякое отдельное,— пишет Ленин,— есть (так или иначе) общее». Причем «всякое отдельное неполно входит в общее»[8]. Отдельный предмет богаче общего, так как общее есть всего лишь одна из его сторон. Любой предмет помимо общего обладает еще целым рядом особенных свойств. И поэтому, высказывая общее предложение (большую посылку), мы, конечно, высказываем тем самым нечто и о предмете, о котором идет речь в заключении, поскольку этот предмет также носитель общего. Общее, в данном случае, выступает в умозаключении как связующее звено. Однако необходимо иметь в виду, что заключение не сводится к тому, что высказывается в общем предложении. Содержание заключения всегда выходит за пределы общего положения бо́льшей посылки.

---

[6] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 318.
[7] Там же.
[8] Там же.

М. И. Каринский правильно замечает, что Милль был бы прав в своей критике традиционного понимания дедуктивного умозаключения, если бы из общего предложения «все люди смертны» выводилось частное предложение «одно или некоторые люди смертны», т. е. происходило бы простое ограничение субъекта большей посылки в заключении. Здесь, разумеется, частное предложение предполагается в общем. Но только формальная логика, замечает М. И. Каринский, может видеть здесь что-нибудь, кроме пустословия. Поскольку же Милль критикует не пустословие, а дедуктивное умозаключение, в котором в заключении мы имеем дело не просто с ограничением субъекта большей посылки, а с конкретным предметом, не сводимым к общему, постольку его критика традиционного понимания дедуктивного умозаключения явно несправедлива.

Дедуктивное умозаключение в выводе содержит качественно новое знание по сравнению с посылками. Как правильно заметил Энгельс, «формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному» [9]. В дедуктивном умозаключении совершается переход от известного к неизвестному. Качественно новое знание в выводе дедуктивного умозаключения является результатом количественных моментов в познании. Проиллюстрируем это на таком примере дедуктивного умозаключения:

Все инженеры имеют высшее образование
Иванов — инженер

Следовательно, Иванов имеет высшее образование.

В этом дедуктивном умозаключении вывод по своему содержанию качественно отличается от каждой посылки в отдельности. В нем содержится новое знание и по сравнению с тем, что есть в большой посылке и по сравнению с тем, что имеется в малой посылке. И в то же время вывод является следствием дедуктивного умозаключения из большой и малой посылок вместе взятых. Из посылки «все инженеры имеют высшее образование» еще не следует заключение, что «Иванов имеет высшее образование», и из посылки «Иванов — инженер» не следует заключение, что «Иванов имеет высшее образование». Только из двух

[9] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 138.

вместе взятых посылок можно сделать вывод, что «Иванов имеет высшее образование», вывод, который будет содержать качественно новое знание по сравнению и с большой и с малой посылками.

Значит, движение мысли в форме дедуктивного умозаключения подчиняется действию закона перехода количества в качество.

Эта форма умозаключения может быть рассмотрена и в общем виде:

Все M есть P
S есть M
____
Следовательно, S есть P

Заключение «S есть P» отличается от большей посылки (M есть P) и от меньшей посылки (S есть M). Значит, заключение качественно отличается от всего того, что содержится в посылках. И в то же время, заключение, как нечто качественно отличное от посылок, есть результат дедуктивного умозаключения из посылок. Посылки подготовили этот результат. Без них его бы не было. Две посылки, два суждения, как две единицы знания, определенным образом связанные в форме дедуктивного умозаключения, и дали в результате суждение, содержащее в себе качественно отличное знание.

В гипотетическом (условном) и разделительном силлогизмах заключение также качественно отличается от посылок и качественно отличное знание в заключении является результатом вывода из знания, содержащегося в посылках, т. е. и здесь количество переходит в новое качество. Правда, связь составляющих элементов в этих видах силлогизма отличается от характера связи элементов в категорическом силлогизме. Закон, которому подчиняется движение мышления в этих формах, один и тот же — закон перехода количества в качество.

Рассмотрим теперь проявление закона перехода количества в качество в индуктивном умозаключении, в котором мышление развивается от единичного к общему. Если изучается какой-то предмет A и в нем обнаруживается, что ему необходимо присущ признак P; затем изучается предмет B и обнаруживается, что и ему необходимо присущ признак P, то отсюда делается заключение, что признак P является признаком класса M, в который входят предметы A и B.

Нетрудно заметить, что в индуктивном умозаключении выводное суждение качественно отличается от суждений, находящихся в посылках: в каждой из посылок речь идет об единичных предметах, а в заключении — обо всем классе предметов. Иначе говоря, если в посылках речь идет о фактах, то в заключении — уже о закономерности, присущей этим фактам. Значит, заключение в индуктивном умозаключении качественно отличается от суждений — посылок.

Но хотя заключение и представляет собой качественно новое знание по сравнению с посылками, однако заключение получается из посылок с помощью именно индуктивного умозаключения, в ходе которого совершается переход от одного качественного уровня в развитии знаний к другому в результате количественных изменений.

Конечно, не исключена возможность, что на основании того, что одному предмету присущ признак P будет сделано обобщающее заключение, что, следовательно, весь класс, в который входит данный предмет, обладает этим признаком. Но практически чаще всего случается так, что наличие не у одного, а у ряда предметов признака P приводит к обобщающему заключению. Известные логике методы индуктивного исследования как раз и имеют, в частности то значение, что с их помощью сопоставляется ряд обстоятельств и на основании именно этого ряда и делается обобщающее заключение.

Таким образом, и в индуктивном умозаключении обобщающее заключение, как качественно новое знание, является результатом количественных моментов, имеющих место в познании.

Выше уже говорилось о том, что индуктивное и дедуктивное умозаключения в реальном мышлении выступают в единстве. Познание начинается с единичного и движется к общему. Это осуществляется с помощью индукции. Далее, движение познания происходит от общего к единичному, когда единичное получает истолкование в свете общего. А это осуществляется с помощью дедукции. Индукция и дедукция, как взятые порознь, так и в единстве, подчиняются действию закона перехода количества в качество. Индукция раскрывает общее. Это один качественный уровень развития знаний. Дедукция дает возможность понять единичное в свете общего. Это уже другой качественный уровень в развитии знаний. Причем последний

возникает на основе предшествующего знания. В нем синтезируется то, что служило исходным пунктом для индукции — единичное, и то, что было получено с помощью индукции — общее. В результате этого синтеза получается качественно новое знание, отличающееся от предшествующего.

Закон перехода количества в качество проявляется и в такой форме мышления, как понятие.

Любое понятие — это единство количественных и качественных моментов. Уже формальная логика выявила то обстоятельство, что понятия имеют объем, т. е. тот круг предметов, к которым оно относится. Это — количественный момент в понятии. С другой стороны, понятие имеет содержание, т. е. существенные признаки, которые характеризуют предметы, к которым оно относится. Это — качественный момент в понятии. А так как в любом понятии есть и объем и содержание, значит, любое понятие представляет собой единство количественных и качественных моментов.

Всякое понятие есть единство общего и единичного, абстрактного и конкретного. Это — синтетический образ, который возникает в результате движения от единичного к общему, существенному, от абстрактного к конкретному. А это движение познания подчиняется закону перехода количества в качество. Следовательно, в основе генезиса понятия лежит закон перехода количества в качество.

Резюмируя сказанное в этой главе, можно сделать следующий вывод: действие закона перехода количества в качество проявляется при возникновении любого познавательного образа, так как возникновение образа свидетельствует о появлении идеального, которое качественно отличается от материального. Процесс формирования образа, связанный с переходом от явлений к сущности предмета и от сущности к объяснению явлений, а также возникающие на этой основе определенные уровни в развитии знаний (опытное и теоретическое), характеризуется качественными изменениями, которые подготавливаются количественными изменениями. Действию этого закона подчиняется как переход от форм чувственного познания к логическим формам, так и движения мышления в логических формах. Следовательно, закон перехода в качество является законом развития познания.

Глава пятая

ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ В РАЗВИТИИ ПОЗНАНИЯ

Возникновение познавательного образа связано не только с действием законов единства и борьбы противоположностей, перехода количества в качество, но и с законом отрицания отрицания. Уже сам факт возникновения образа заключает в себе отрицание, так как в связи с появлением образа возникает нечто другое, качественное отличное от предмета. Это качественное отличие состоит в том, что предмет объективен, материален, а образ — идеален; но есть отражение предмета. Возникновение идеального в познании представляет собой отрицание материального, так как идеальное не является материальным.

Но это отрицание не носит «зряшного» характера. Во-первых, возникновение образа не ведет к какому-либо уничтожению предмета. Во-вторых, хотя образ и возникает как отрицание предмета, однако он преемственно связан с предметом. Образ есть нечто производное от предмета. Он возникает потому, что существует предмет, который действует на органы чувств. По мере развития познания образ все глубже отображает предмет.

Формирование образа связано с переходом в изучении предмета от явлений к сущности, от опытного знания к теоретическому. Этот переход также есть не что иное как отрицание. Знание сущности предмета возникает на основе отрицания знания о явлениях. И в то же время это отрицание включает в себя момент преемственной связи между этими двумя видами знаний, так как знание сущ-

ности никак иначе не могло бы возникнуть, как только через знание о явлениях.

Развитие теоретического знания не заканчивается на раскрытии сущности предмета. Путь исследователя идет дальше — к объяснению явлений в свете этой сущности. В результате возникает более совершенное теоретическое знание. Если раньше знание о предмете носило абстрактный характер, то теперь оно приобретает черты конкретности.

Возникновение конкретного знания о предмете есть также отрицание, поскольку это знание пришло на смену абстрактному знанию. Однако и это отрицание включает в себя момент преемственной связи между этими двумя видами знаний, так как конкретное знание возникает на основе абстрактного знания. Эта связь выражается в том, что, исходя из сущности, получают свое объяснение явления, и тем самым абстрактное знание превращается в знание конкретное.

Возникновение конкретного знания означает не только отрицание, но это движение в познании несет в себе и более глубокое содержание. Во-первых, проникновение в сущность предмета и связанное с этим возникновение абстрактного знания явилось отрицанием знания о явлениях. Во-вторых, конкретное знание, в свою очередь, явилось отрицанием знания абстрактного. Появление конкретного знания является вторым отрицанием — отрицанием отрицания. Это второе отрицание заключает в себе возврат к якобы старому в развитии познания на более высокой основе.

В самом деле, абстрактное знание кажется чем-то не соответствующим предмету, чуждым ему. Люди непосредственно практически имеют дело с явлениями, а абстрактное знание отражает сущность, которая не дана непосредственно практически. Поэтому и получается, что абстрактное знание кажется не соответствующим предмету. Однако, как мы знаем, это несоответствие лишь кажущееся, ибо абстрактное знание, отражая сущность, совершеннее знания, отражающего лишь явления.

С возникновением конкретного знания, приходящего на смену абстрактному, исчезает это несоответствие знаний предмету, потому что в нем явления, с которыми люди имеют дело непосредственно практически, становятся истолкованными исходя из сущности. Принципы, которые

вначале кажутся оторванными от мира вещей, становятся принципами, объясняющими явления, непосредственную действительность. Именно поэтому конкретное знание становится знанием соответствующим объективной действительности.

Так в развитии познания происходит возврат к якобы старому, на более высокой основе. Началом познания были явления, непосредственно отразившиеся в сознании людей. Отражение явлений составляло содержание опытного знания. Затем на смену опытному знанию пришло знание сущности, знание теоретическое, абстрактное, которое казалось не соответствующим действительности. Это — было первое отрицание в развитии познания.

На смену абстрактному знанию пришло знание конкретное, которое имеет дело с явлениями, но теоретически истолкованными, исходя из сущности. И оно уже становится знанием, соответствующим действительности. Это — второе отрицание в развитии познания, которое и содержит в себе возврат к якобы старому в развитии познания, возврат к явлениям, но уже на новом, теоретическом уровне, на основе истолкования их, исходя из сущности.

Значит, проникновение в сущность предмета и получение теоретического, абстрактного знания о нем представляет как бы уход от предмета. Объяснение явлений, исходя из сущности предмета, и получение теоретического, конкретного знания о нем есть возвращение к тому предмету, с которым люди встречаются в жизни, непосредственно практически. В этом, собственно, и выражается возврат к якобы старому в развитии, который составляет необходимый элемент второго отрицания.

По закону отрицания отрицания происходит и движение познания от фактов к постановке, разрешению проблемы, а затем и превращению ее в теорию.

Этому закону подчиняется и движение от форм чувственного познания к логическим формам. Мысль, отображая общее в предмете, отрицает то, что дано в чувствах, отрицает единичное. Переход от чувств к мысли — это смена одного познавательного образа другим. Последний отрицает предшествующий ему образ, превосходя его по своему познавательному значению. И в то же время, поскольку всякая мысль возникает на основе чувств и иначе возникнуть не может, между формами познания существует связь. Общее в сознании людей появляется на основе

анализа единичного, т. е. через изучение единичного лежит путь к познанию общего. Истолкование единичного в свете общего дает в результате цельный образ предмета, как единство общего и единичного. Возникновение же цельного образа предмета, который отрицает образ, отражающий лишь общее в предмете, представляет собой уже второе отрицание — отрицание отрицания. Второе отрицание связано с возвратом к якобы старому: познание начиналось с единичного и к единичному и пришло, но к единичному, понятому в свете общего.

Значит, и движение от форм чувственного познания к мышлению, а также движение в пределах мышления осуществляется по диалектическому закону отрицания отрицания.

Этому закону подчинено и движение форм мышления.

Так, в утвердительном, например, суждении отображается наличие какого-либо признака у предмета. Но что значит утверждать наличие какого-либо признака? Это значит отрицать тем самым наличие многих других признаков, присущих предмету, так как любое утверждение представляет собой в то же время и отрицание. И это именно есть отрицание, диалектически понимаемое, поскольку оно, это отрицание, связано с утверждением, вытекает из самого факта утверждения.

Если в утвердительном суждении формально не выявляется присутствующий в нем момент отрицания, то в отрицательном суждении отрицание выявляется и формально. Сама эта логическая форма уже содержит в себе отрицание. Но это отрицание, выраженное в отрицательном суждении, также не носит такого чистого характера. Раз что-то отрицается, то этим же самым что-то и утверждается. Отрицание несет в себе утверждение, из отрицания следует утверждение. А значит и в отрицательном суждении имеет место отрицание, которое связано с утверждением, т. е. имеет место отрицание, диалектически понимаемое.

Поскольку отрицание присуще и утвердительным и отрицательным суждениям, постольку отрицание носит всеобщий характер. Любое суждение представляет собой движение мысли через отрицание.

Отрицание заключено и в факте следования одного суждения из другого. Формальная логика, изучая следование одного суждения из другого, давно выяснила, что из

истинности общего суждения следует истинность подчиненного ему частного суждения. Это следование представляет собой отрицание. Частное суждение отрицает общее суждение. Однако это такое отрицание, которое и связывает эти суждения, так как именно из истинности общего суждения следует истинность подчиненного ему частного суждения.

Однако, как уже говорилось в предшествующей главе, действительно логическое движение суждений, превращение их друг в друга имеет место в умозаключении. И в этой форме мышления следование представляет собой не только отрицание, но в нем уже присутствует и отрицание отрицания, т. е. закон этот проявляет свое действие во всем его содержании.

В индуктивном умозаключении мысль идет от частных суждений к суждению общему. Это следование общего суждения из частных суждений представляет собой отрицание: общее суждение качественно отличается от частных суждений. Ибо в частных суждениях отражаются отдельные факты, а в общем суждении раскрывается закономерность, присущая этим фактам. Но отрицание опять-таки заключает в себе и преемственную связь между этими суждениями, так как только исходя из частных суждений, в которых отражены отдельные факты, можно получить общее суждение, ракрывающее закономерность в них.

В дедуктивном умозаключении из общего суждения следуют или выводятся суждения частные. Это означает, что на основе уже раскрытой закономерности, получившей отражение в общем суждении, истолковываются отдельные факты.

А раз из общего суждения выводятся суждения частные, которые, как уже говорилось выше, качественно отличаются от суждения общего то и здесь имеет место отрицание. В самом деле, знание закономерности, получившей отражение в общем суждении — это одно знание. Отдельные же факты, получившие истолкование в свете закономерности — это другое знание. Отрицание в дедуктивном умозаключении заключает в себя преемственную связь между общим суждением и частным суждением, так как частное суждение выводится из общего суждения.

Однако, рассматривая дедуктивное умозаключение в связи с индуктивным умозаключением, мы встречаемся не

только с отрицанием диалектически понимаемым, но и с отрицанием отрицания, т. е. действием рассматриваемого закона во всем его содержании. В индуктивном умозаключении мышление движется от частных суждений к общему суждению, а в дедуктивном умозаключении — от общего суждения к частным суждениям. Отрицание, заключенное в дедуктивном умозаключении, представляет собой отрицание отрицания, имевшего место в индуктивном умозаключении. Так как в индуктивном умозаключении, исходя из отдельных фактов, познают закономерность, а в дедуктивном умозаключении, на основе знания закономерности, приходят снова к отдельным фактам, но к фактам, понимаемым в свете найденной закономерности, то, следовательно, отрицание, заключенное в дедуктивном умозаключении содержит в себе якобы возврат к старому на более высокой основе.

Закон отрицания отрицания характеризует общую линию развития и такой формы мышления, как понятия. Действительно, как, например, образовалось такое математическое понятие, как «квадрат»?

Вначале люди имели дело с единичными предметами в виде геометрической фигуры с четырьмя сторонами и четырьмя прямыми углами. Анализируя путь движения познания при образовании этого понятия, следует прежде всего отметить, что важнейшим моментом этого процесса было отвлечение от многих свойств, которыми обладает каждый такой единичный предмет, и выделение в них лишь формы: то, что предмет в данном случае представляет собой геометрическую фигуру о четырех сторонах и четырех прямых углах. Результатом именно абстрагирующей деятельности мышления от единичных предметов и явилось возникновение понятия «квадрат». Абстрагирование дало возможность выделить в предметах то общее, что присуще всем им.

Это общее свойство явилось в то же время и существенным свойством данной фигуры, так как то обстоятельство, что квадрат фигура о четырех сторонах, с четырьмя прямыми углами, отличает ее от всех других геометрических фигур (треугольников, прямоугольников, кругов и т. д.). А поскольку понятие как раз и представляет собой отражение общего, существенного в предмете, то, следовательно, процесс абстрагирующей деятельности мышления и привел к возникновению понятия «квадрат».

Если проанализировать процесс возникновения понятия, то не трудно заметить, что возникновение в человеческой голове понятия явилось отрицанием единичного предмета. Любой единичный предмет имеет массу сторон, связей и отношений. Так, например, земельный участок квадратной формы имеет массу свойств: и то, что квадратной формы, и то, что он как почва имеет определенную структуру, химический состав, и то, что на нем хорошо растут одни растения и не растут другие и т. д. Понятие же «квадрат» отражает лишь часть содержания земельного участка, то, что этот участок имеет форму квадрата.

Это отрицание не носит зряшного характера, потому, что хотя в результате возникновения понятия и появляется образ, который отличается от предмета, но в то же время, понятие и связано с предметом, так как является отражением общего в предмете, им порождено. Понятие, значит, преемственно связано с предметом и в данном случае имеет место отрицание диалектически понимаемое.

Однако, как известно, на познании общего, существенного в предмете не завершается процесс развития понятия. Поскольку общее в реальных предметах никогда не существует в чистом виде, а всегда неразрывно связано с единичным, проявляется в единичном, постольку и понятие только тогда становится действительно научным понятием, когда оно, наряду с общим, отражает и единичное. Разве, например, в действительности существует квадрат вообще? Нет, не существует. Существуют конкретные вещи квадратной формы: земельный участок квадратной формы, квадратный стол и т. д. И вот в этих единичных вещах и заключено общее — то, что они имеют квадратную форму. А раз общее существует в единичном, то вполне естественно, что понятие «квадрат» только тогда будет действительно полноценным понятием, когда оно, наряду с общим, будет отражать и единичное.

Но что значит понятие отражает единичное?

Правда, в нашей литературе высказываются и такие взгляды, которые отрицают то, что понятия отражают и единичное. Но с ними нельзя согласиться. Понятие, конечно, отражает не только общее, но и единичное. И это означает следующее. Ведь когда люди приступают к изучению предмета, вначале они имеют дело с единичным

предметом (с этим столом, с этим стулом и т. д.). Затем в человеческой голове возникает образ стола вообще, стула вообще и т. д. безотносительно к единичным, конкретным предметам. Возникновение же образа предмета вообще и связано с возникновением понятия. Однако хотя этот образ предмета и есть понятие, но он страдает абстрактностью, ибо это образ предмета вообще. Но в жизни, в практике, как известно, люди встречаются не с предметами вообще, а с единичными предметами.

Поэтому и знания их должны относиться к единичным предметам. Вот эта соотнесенность общего с единичным и свидетельствует о том, что понятие является отражением и общего и единичного.

Известно, что переход от капитализма к социализму связан с целым рядом общих закономерностей, присущих любой стране, которая идет к социализму. Однако эти общие закономерности не существуют в чистом виде. Они конкретно проявляются в отдельных странах, идущих к социализму. И задача исторического исследования всегда состоит в том, чтобы познать, каким образом общие закономерности проявляются в единичном. Для того, чтобы, например, у нас сложилось понятие о развитии современной Болгарии, мы должны раскрыть не только общие закономерности строительства социализма, но и то, каким образом они проявляются в Болгарии. Историческая наука не может довольствоваться общими рассуждениями, если речь идет об истории конкретной страны. Она, как правило, исследует и специфику проявления общего в единичном. Научное понятие отражает и должно отражать не только общее, но и единичное.

Движение познания от общего к единичному — это есть восхождение от абстрактного к конкретному, которое представляет собой дальнейшее развитие понятия. Когда абстрактное знание о предмете перерастает в знание конкретное, тогда можно сказать, что научное понятие о предмете действительно сложилось.

Восхождение от абстрактного к конкретному также представляет собой отрицание: конкретное понятие отрицает понятие абстрактное. Особенность этого второго отрицания состоит в том, что конкретное понятие, не только отрицает понятие абстрактное, но и связано с отрицаемым: конкретное понятие возникает на основе абстрактного. Это в то же время и возврат к якобы старому на более

высокой основе, ибо вначале познания мы имели дело с единичным предметом, абстрактное же понятие явилось отрицанием единичного предмета, уходом от него. В результате перехода от абстрактного понятия к понятию конкретному происходит как бы возвращение к единичному предмету на более высокой основе. Так единичное становится понятым в свете общего.

Таким образом, и закон отрицания отрицания является законом познания. Его особенность состоит в том, что он характеризует общую линию развития познания, которая включает в себя отрицание, преемственную связь и якобы возвраты к старому на более высокой основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели наиболее существенные моменты познания: отношение предмета и образа; процесс формирования образа, движение от явлений к сущности и от сущности к явлениям; развитие знания от опытного по форме к теоретическому, от абстрактного к конкретному; движение от форм чувственного познания к логическим формам; движение познания в формах мышления и т. д.

Анализ показал, что познание во всех этих существенных аспектах подчиняется действию основных законов диалектики. Предмет и образ — это вечное противоречие, которое лежит в основе всего познания. Возникновение образа — это и переход количества в качество и отрицание, включающее в себя момент связи предмета с образом.

Развитие образа связано с движением познания от явлений к сущности и от сущности к явлениям, от опытного по форме знания к теоретическому, от абстрактного к конкретному. И здесь предмет раздваивается на противоположности, на явление и сущность, которые затем соединяются в единство, в результате которого возникает всесторонний образ предмета.

В этом процессе наблюдается и переход от одного качественного уровня в развитии знаний к другому, от опытного по форме знания к теоретическому, а также от абстрактного к конкретному; постоянный процесс отрицания одной формы знания другой, их связь между собой, возвраты к якобы старому на более высокой основе.

Диалектичен и переход от форм чувственного познания к логическим формам. Законам диалектики подчиняется и движение мышления в таких его формах, как суждение, умозаключение, понятие.

Таким образом, законы диалектики — единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания — распространяют свое действие и на познание; они являются законами познания.

Из этого положения, следующего из всего предшествующего изложения, и можно сделать вывод, что диалектика является теорией познания. Основной смысл положения — о диалектике как теории познания — и состоит в том, что у познания нет каких-то иных законов, кроме тех,

которым подчиняется и бытие. Познание, как и бытие, совершается по законам диалектики.

Однако когда рассматривается эта проблема, то, по нашему мнению, необходимо различать, во-первых, отношение законов бытия и познания и, во-вторых, отношение диалектики, теории познания и логики, как отраслей знания в рамках одной и той же философской науки — материалистической диалектики. Правда, когда говорят о втором отношении, то часто имеют в виду первое. И в этом смысле можно сказать, что между диалектикой, теорией познания и логикой существует тождество, так как законы, которые изучаются этими отраслями знания, одни и те же: законы диалектики. Не надо трех слов, говорил В. И. Ленин. Это одно и то же.

Однако диалектика, теория познания и логика, как отрасли философского знания, отличаются друг от друга. Диалектика — наука о наиболее общих законах природы, общества и познания; теория познания и логика — наука о познании. И в этом смысле уже, может быть, точнее говорить о единстве между диалектикой, теорией познания и логикой, так как в данном случае мы имеем дело с различными отраслями философского знания, которые объединяет то, что они изучают действие одних и тех же законов диалектики: логика и теория познания — действие их в познании; диалектика — в природе, в обществе и в познании.

Диалектика как наука, по мысли В. И. Ленина, включает в себя теорию познания и логику. Она как раз и является единственной философской наукой в марксизме. Разделение же этой философской науки на три отрасли знания носит весьма относительный характер, но оно возможно и правомерно. Эта правомерность состоит хотя бы в том, что едва ли будет правильным сводить диалектику к теории познания и логике. Диалектика именно включает в себя и теорию познания и логику, но не сводится к ним.

Материалистическая диалектика является теорией познания. Не существует никакой иной научной теории познания. Материализм этой теории познания состоит в том, что формы, в которых происходит познание, являются не чем иным, как отражением реальных отношений, вещей, и возникли они в ходе общественного развития; диалектика этой теории познания состоит в том, что наиболее общие законы природы и общества — законы диалектики — одновременно являются и законами познания.

УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Кононович Вахтомин

ЗАКОНЫ ДИАЛЕКТИКИ — ЗАКОНЫ ПОЗНАНИЯ

Утверждено к печати
Кафедрой философии АН СССР

Редактор Н. И. Кондаков

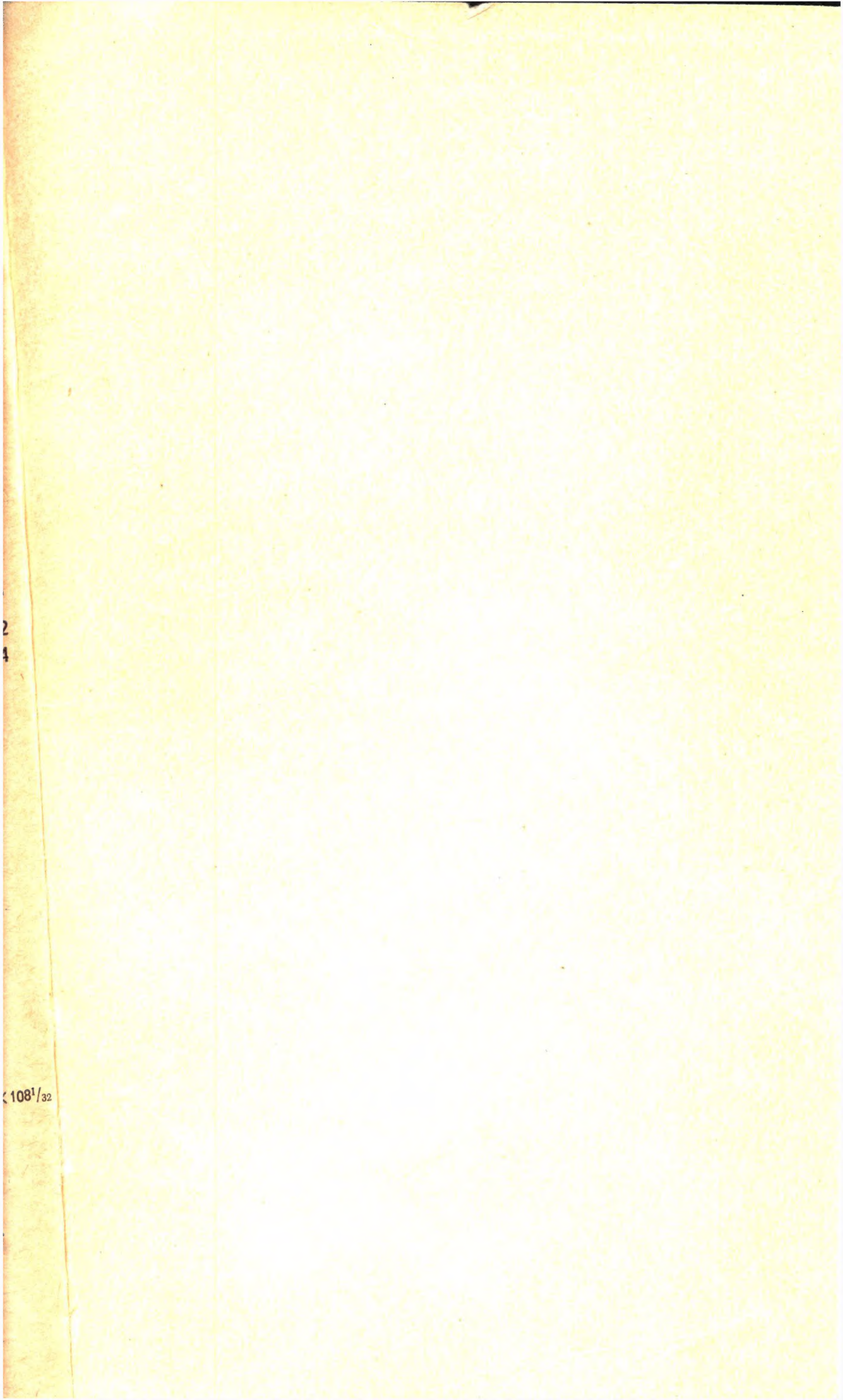
Технический редактор Л. И. Матюхина

Сдано в набор 4/III—1966 г. Подписано к печати 29/IV—1966 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$
Печ. л. 5,25. Усл.-печ. л. 8,82. Уч. изд. л. 8,9. Тираж 10000 экз. Тип. зак. 270
Изд. № 515/65. Т-05776.

Цена 53 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

2
4
108^1/32

53 к.